

ОЛЕГ ЕРШОВ

РОМАН

КАТУНЬ
КОВАРНАЯ

Олег Ершов
Катунь Коварная

«Издательские решения»

2015

Ершов О. У.

Катунь Коварная / О. У. Ершов — «Издательские решения»,
2015

Действие произведения происходит в конце семидесятых – начале восьмидесятых в большом Сибирском селе Верх Катунское. Главные герои романа – управляющий фермой и простая доярка – встречаются при назначении управляющего на новую должность, после того, как он несколько раз уходил от правосудия. В результате у них вспыхивает яркая любовь, которая заканчивается трагически. В романе также есть и другие главные герои, которые переплетаются по всему роману с ведущими персонажами.

© Ершов О. У., 2015

© Издательские решения, 2015

Катунь Коварная

Роман

Олег Ульянович Ершов

© Олег Ульянович Ершов, 2015

Редактор Олег Ершов

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Время раздирало пространство. В муках и полном неумении рождалось материальное бытие в виде звезд, планет, комет, астероидов и разной космической пыли, облаченной таинственными газами и неизвестной материей.

Эта новая материя пребывала в полном хаосе, не имея никакой цели и определения, с невероятной скоростью и непонятными траекториями, разлетаясь в разные стороны после гигантского взрыва, создавая Вселенную. Бескрайние просторы холодного Космоса медленно формировали небесный порядок и расставляли все по своим местам. Зажглись яркие звезды. Своим светом и теплом они согревали близлежащие к ним планеты. Зарождалась новая жизнь. Как маленький ребенок, Голубая планета Земля начала игриво вращаться вокруг своего Солнца, формируя в себе характер огромных океанов и высоких гор. Вот именно тогда, когда Земля была уже готова принять к себе Высший разум, тогда к ней спустились Великие Боги и рассредоточились по всей планете.

Это произошло однажды, очень много миллионов лет назад, там, где выросли высокие горы Алтая. Там, где упали чистые слезы радости матери Земли в виде глубоких и чистых озер. Именно там спустились на Землю два Бога и начали управлять своей территорией.

Одного Бога звали Белух, а другого Бога звали Телех. Белух расположился высокой горой, надев на себя белую шапку ледников. Телех разлился чистым бирюзовым озером в ущелье Алтайских гор. Белух и Телех были родными братьями. Они были посланы Высшим разумом строителя Мира для поддержания порядка на нашей планете, и прибыли они не одни. У Телеха был сын, его звали Бий, а у Белухи была красавица дочь, ее звали Катунь.

И вот однажды, Бий и Катунь полюбили друг друга. Они не стали этого скрывать и все рассказали своим родителям. Когда Белух и Телех узнали об этом, они строго-настрого запретили встречаться влюбленным детям, а Белух спрятал и запер свою дочь высоко в горах.

Но любовь Бия и Катунь была настолько сильна, что однажды ночью Катунь решила бежать к своему возлюбленному. Когда отец Белух уснул, она превратилась в реку и быстро побежала вниз с высокой горы.

Белух почувствовал это, и когда проснулся, увидев, что его дочь Катунь сбежала, пришел в ярость. В гневе он бросил огромную скалу, чтобы преградить путь беглянке и вернуть ее домой. Огромная скала упала в ущелье и преградила ей путь. Но любовь к Бию у Катунь была очень сильна. Катунь попросила помощи у Солнца и Солнце ее услышало. Солнце своими лучами растопило ледники высоких гор, и Катунь полноводной рекой отодвинула огромную скалу и пустилась навстречу своему любимому.

Когда Бий узнал, что Катунь сбежала, он тоже превратился в реку и наполнился водами своего спящего отца, раздвинул скалы и, не задумываясь, пустился на встречу своей любимой. Они долго пробивались через разные преграды, размывая все на своем пути, и, наконец-то, «оба» встретились, переплетаясь своими бирюзовыми водами, в долине Алтая.

Уже никто и никогда не мог помешать их чистой и вечной любви. Братья Белух и Телех не смогли запретить и удержать своих детей, и уже много-много лет плачут слезами ледников, которые превращаются в ручейки и стекают в русла убежавших когда-то своих детей.

Много времени прошло с тех пор. И быль уже давно превратилась в легенду или сказку, да только люди до сих пор помнят Сказку о чистой любви, которой всегда находятся преграды. Ведь чтобы удержать свою любовь и свое счастье, нужно идти своей дорогой, невзирая ни на что. И тогда все невзгоды будут нипочём, а препятствия преодолимы. Времена стирают границы между сказкой и былью, да только главное остается. Остаются и имена героев былинных сказаний: сегодня Бог Белух – это самая высокая вершина Алтая, гора Белуха; Бог Телех – это самое большое и чистое озеро в горах Алтая, Телецкое озеро. Влюбленные герои нашей легенды, Бий и Катунь, и по сей день носят свои незабываемые имена – это река Бия, которая берет начало из чистейшего горного «Телецкого» озера и река «Катунь, начало которой начинается с вершин горы «Белухи». Там, где они встретились, людьми был заложен город, который называется Бийск. А после того, как «Оба» влюбленных, Бий и Катунь, встретились, и воды их слились в одну реку, с тех пор та река стала называться Обь. Это та самая огромная Сибирская река, начало которой берется с красивых гор Алтая, а позже, протекая через весь материк, она смешивает свои воды в далеком Северном Ледовитом океане.

Протяжный вой турбин пассажирского авиалайнера ТУ-154, приземлившегося на взлетной полосе аэродрома Толмачево города Новосибирска, заметно порадовал своим долгожданным свистом встречающих.

– Семь-сорок! Смотри-ка, как по расписанию, – восторженно произнес Андрей Иванович, глядя на наручные часы. – Вот так бы у всех-то, а? Так глядишь, уже б давно Коммунизм-то наступил, а мать? – заглядываясь на оживленных пассажиров и встречающих, покручивая в разные стороны своей головой, продолжал он. – А то вон у нас на работе, то один опоздает, то другой. А вчера Зоя, инструментальщица, вообще после обеда объявилась, так вся бригада восемнадцать человек полдня курили, да в домино резались. Где уж тут будет Коммунизм? А как аванс или получка, так все без опоздания тут как тут, да еще стараются без очереди, как в магазине за колбасой. И куда эта такая жизнь катится?

– На «кудыкину»! – оборвала его жена Наталья Семеновна. – Хватит трепаться. Тебе бы только языком молотить, как комбайн в уборочную страду! И молотишь и молотишь. Вставай, пойдем, люди вон уже пошли встречать. – Тяжело поднимаясь из кресла в зале прилета пробурчала она, складывая в сумку остатки домашних продуктов, взятых с собой в дорогу.

Хоть дорога до Аэропорта, куда прилетал их единственный сын Виктор со всей семьей из Владивостока, занимала немного времени, Наталья Семеновна все ж побеспокоилась и еще с вечера договорилась с соседом Пашкой Никоновым. Слава Богу, Пашка сосед согласился их отвезти на своем стареньком «Москвичонке». Да вот еще беда, по дороге дважды колеса меняли, шины-то старые. Пашка как в воду глядел, две запаски с собой прихватил.

– Ой, как неудобно перед Павлом, – подумала Наталья Семеновна. А ведь еще назад надо. Опять спешить будет. С работы-то он отпросился нам помочь, а здесь такие напасти. Ладно, вот сейчас Витю встретим, все остальное потом. – Вертелись мысли у нее в голове.

– Уважаемые пассажиры! – раздался откуда-то сверху голос диктора. – Произвел посадку рейс двадцать семь тринадцать из Владивостока. Встречающих, просьба пройти в зал прилета. Повторяю...

– Ну, наконец-то! – выпрямилась Наталья Семеновна. – Честно сказать, я всю дорогу волновалась. Такая суеверная. – Сплюнула в сторону она. – Да еще этот номер рейса оканчивается на тринадцать. – Она еще раз сплюнула через левое плечо.

– Да ладно тебе мать, знаешь, там такие люди работают! – поднял палец вверх Андрей Иванович. – Чертова дюжина им нипочем.

Хотя сам он ни разу в жизни не летал на самолете, а где-то в глубине своего сознания как-то немного не понимал, как же такую махину можно поднять на такую высоту, да на такие длинные расстояния. Вот же, сколько ума нужно, чтобы это придумать. Да ладно, на то они и ученые.

– Андрюша, пойдем скорее, – поторопила мужа Наташа. – Посмотри, пассажиры уже выходят. Витя! Витя, где ж Витька-то а? – приговаривала она, зорко всматриваясь в толпу выходящих пассажиров из двери в зале прилета, прибывших рейсом 2713 из Владивостока. А материнская слеза уже никак не могла держаться в ее красивых женских глазах.

– Ну, ладно тебе, воду-то лить попусту. – Попытался успокоить ее Андрей Иванович.

– Сейчас встретим Витьку, как положено, со всей его семьей, женой и внучатами. – Продолжал он, как-то неуверенно, с дрожащим голосом, сам не веря тому, что впервые за много лет он не может сдерживать огромного мужского волнения. Казалось бы, уже давно свыклись с тем, что Виктор двенадцать лет как уехал в Приморский край после окончания техникума, и после этого ни разу не приезжал даже в гости. Правда, они исправно переписывались, разговаривали по междугородке, да отправляли поздравительные телеграммы. Даже когда Виктор женился, а потом один за другим у него народились сыновья, он слезно просил, чтобы родители не приезжали, объясняя это тем, что ему не хочется, чтобы кто-то из старых друзей узнал о его благополучном состоянии, о семье и вообще.

Андрей Иванович и Наталья Семеновна хорошо понимали его и не хотели больше ему перечить нравоучениями в жизни, и постепенно свыклись с тем, что он живет далеко и, слава Богу, нормально. А здесь, вдруг как снег на голову, телеграмма-молния: «Встречайте, вылетаем всей семьей. Виктор». Ни письма, ни звонка, и самолет на следующий день. Вот прямо убил этим известием. Что и думать, неизвестно.

Наталья Семеновна по привычке смахнула слезу уголком нового платка, надетого специально по такому случаю, и через мгновение материнские глаза вырвали из толпы идущих пассажиров своё родное и неповторимое лицо единственного сына. Сердце тяжелым молотом ударило где-то глубоко в груди, и она воскликнула:

– Ой, сынок!

На миг остановившись, как будто ее остановила невидимая стена, она прикрыла накрашенные губы новым платком, и в следующее мгновение, уже не раздумывая, бросилась навстречу своему единственному сыну, которого она не видела уже много лет.

Эти несколько шагов, которые быстро пробежала Наталья Семеновна навстречу сыну, превратились в долгие мгновения. За эти долгие мгновения, как лента кинофильма, пронеслась вся ее жизнь, извлекая из глубокой памяти главные ее моменты, когда она родила Витьку, как он рос, ходил в садик, учился и потом уехал служить в Армию.

Она долго его ждала и тосковала. Не показывая вида своему мужу, украдкой роняла материнскую слезу и по ночам, когда Андрей был на работе, она горько редела в подушку и кляла себя за то, что не смогла чего-то дать своему сыну, чтобы он жил хорошо или даже лучше всех.

Она бежала навстречу своему любимому и единственному сыну, через силу сдерживая свои слезы и волнения. Но у нее ничего не получалось, и слезы градом катились по ее щекам, а ноги с каждым шагом застывали холодным чугуном и не могли передвигаться. Она изо всех сил вытянула руки навстречу своему сыну и медленно стала опускаться на бетонный пол, сжимая растопыренные пальцы в кулаки, пытаясь ухватить ими свое потерянное счастье.

– Мама! Мама! – Витька, бросив сумки, бросился молнией навстречу потерявшей сознание матери. Он как орел, налетевший сверху на добычу, успел подхватить ее падающую на пол. Обняв двумя крепкими руками, он закричал:

– Пожалуйста, вызовите кто-нибудь доктора!

Наталья Семеновна почувствовав, что она в надежных руках, крепко сжала пальцы, захватив пальто Виктора, виновато улыбнулась и прошептала:

– Витенька! Сыночек мой! Как же я долго тебя ждала!

Она перевела сбившееся дыхание, крепко обняла его и несколько раз прошептала на выдохе:

– Сейчас! Сейчас! Сейчас, Витенька! Сейчас, Витенька, все будет хорошо!

Виктор, истосковавшийся по любимым и нежным рукам матери, совсем не по-детски прижал ее к себе своими крепкими мужскими руками, совершенно не замечая проходящих мимо пассажиров. Он наклонился и прижался своей головой к голове матери. Поцеловав ее несколько раз в растрепавшиеся волосы, выбившиеся из под сползающего платка, прижав еще сильнее к себе родную мать, он выпрямился во весь рост и поднял вверх лицо. Слезы покатились градом из его глаз. Как бы он не пытался себя удержать от такой встречи, но душевное состояние его истосковавшегося разума за долгие годы, взяли верх над его запретами, и слезы радости вольно бороздили его небритые щеки. Мгновения радости растянулись на долгий миг долгожданной встречи. Они стояли крепко обнявшись друг с другом, мать и сын, одна плоть, разделённая на две части согласно физического бытия, и разнесенные судьбой в разные уголки земли на тысячи километров, соединились вместе в объятиях друг друга впервые за долгие годы. И вот эта самая судьба сжалась и соединила на короткий миг мать и сына, играя их душами и эмоциями, готовя им новые расставания и препятствия, проверяя их на прочность и силу притяжения.

– Ну ладно! Хватит уже мокроту разводить! – попытался прервать миг радостной встречи Андрей Иванович. Но эти слова его были какие-то исковерканные и дерганые. Он даже не заметил, как по его щекам катились жгучие слезы радости. Не выдержав, он подошел и крепко обнял свою жену и сына, уткнувшись в них вздрагивающей головой, бурча себе что-то неразборчивое под нос.

Они стояли в проходе зала прилета. А пассажиры торопливо обходили их, на минуту останавливая свои взгляды на обнявшихся взрослых людей. Каждый из этих пассажиров торопился встретить своего близкого или знакомого человека и поделиться с ним своими новостями, разговорами о прошедшем времени или строя планы на будущее. Жизнь не останавливалась, а наоборот, текла огромной рекой, неся свои бурлящие воды в далекую неизвестность. Лишь в сторонке стояли два мальчика со своей скромной мамой, прижавшись к ней по бокам, ожидая дальнейших действий, внимательно наблюдая за своим отцом и встречающими их бабушкой и дедушкой. Они впервые вместе с мамой прилетели на Сибирскую землю из Приморского края. Раньше они немного знали об этой стороне из рассказов своего отца. Правда, он часто рассказывал им по вечерам, когда было свободное время, о бескрайних просторах Сибирской земли. О многочисленных городах и селах необъятной Родины, нашего Советского Союза. И только здесь, после долгого перелета на огромном лайнере, они начали немного представлять себе какая Великая и огромная наша Страна. Хоть ребята были еще совсем небольшого возраста, и разница между ними была всего три года, но они были очень даже серьезными и мужественными, потому как папа и мама воспитывали их правильно и по-мужски, прививая в них любовь к своей Родине, родным, близким и уважение к своим друзьям. Их мама, жена Виктора, Марина, была очень красивой и стройной женщиной. Она была образована и воспитывалась в приличной семье. Ее папа был известный человек во Владивостоке и занимал высокую должность в Коммунистической партии. Но ребята этому не придавали никакого значения. Они просто любили своих родителей и бабушку с дедушкой. А сегодня им предстояло познакомиться с новыми бабушкой и дедушкой. И как все это произойдет они совершенно не знали, хотя папа часто рассказывал им, что у них есть еще одна бабушка и дедушка, но только очень далеко, где-то там на западе в далекой Сибири. И поэтому они стояли, прижавшись к своей маме, наблюдая картину встречи своего папы и его родителей.

– Ой, мама! – громко вскрикнул Виктор. – Ой, ну что же это я! – он совсем по-детски, кулаком вытер слезы на глазах. – Я же не один! Мы тут всей семьей! – Виктор повернулся в сторону и разыскал взглядом стоящих в стороне жену и детей.

– А ну, Сашка, Мишка! Марина! Мариночка! Ну что же вы стоите? А ну давайте сюда к нам! – Виктор взволнованно засуетился. – Вот, познакомьтесь, моя красавица жена Марина! – Виктор представил подошедшую к ним супругу.

– А это мои brave солдаты, Сашка и Мишка! – Виктор погладил по голове младшего Мишку. А это мои папа и мама! Значит, это Ваши бабушка и дедушка! – весело представил своей семье своих родителей Виктор.

– Здравствуйте, здравствуйте! Здравствуй, Марина! Здравствуйте, милые мои «бельчата»! – Наталья Семеновна, придя в себя, растянула свое лицо в счастливой улыбке.

– А это самый настоящий передовик производства, мой отец, Андрей Иванович! – Виктор с гордостью представил своего отца.

– А ну, мужики, давай здороваться! – весело протянул Андрей Иванович застенчивым пацанам. Он крепко пожал им руки и, взяв их в охапку, поднял обоих перед собой. Младший Мишка не выдержал и сказал:

– Деда, а я думал, что ты уже старенький, а ты вон какой силач!

– Силач, ломал калач! – подхватила Наталья Семеновна. – А ну поставь ребятишек, а то еще чего уронишь. Завтра погибаться со спиной будешь. – Грозно добавила она. – Мне теперь некогда за тобой ухаживать. У меня теперь забот, не впроворот! Вон, какие Орлы прилетели! – она прижала мальчишек к себе.

– Вон они у меня какие красавцы, настоящие моряки! – Наталья Семеновна присела на корточки между своими внуками и вновь проронила слезу, приговаривая:

– Боже ты мой, какие вы уже большие у меня! Ну теперь я Вас никому не отдам! – она еще раз жадно поцеловала мальчишек по несколько раз в обе щеки, и краем сбившегося с головы платка вытерла слезы.

– Давайте, давайте уже поедem побыстрее домой! А то встали здесь на самом проходе, не обойти и не объехать! – разрядил праздничную обстановку Андрей Иванович. – Нечего людям глаза мозолить! – добавил он, строго сдвинув густые брови, глядя на свою жену, давая ей понять, что надо побыстрее ехать, а то соседа Пашку просили ненадолго, а ему еще на работу надо.

– Да, да! – торопливо согласилась Наталья Семеновна, уловив взгляд мужа. —Пойдемте на выход! У нас там машина ждет! – засуетилась она.

– Да, конечно же вы идите, а я пойду получу вещи в багажном отделении! – подхватил Виктор.

– Тогда, Витенька, ты иди, а мы тебя будем у входа ждать! Там у нас стоит красный «Москвиченок», нашего Пашки соседа! Ну, в общем, увидишь, не заблудишься! – Наталья Семеновна быстро распорядилась и взяла за руки мальчишек. Пойдем Мариночка! А ты, дед, иди с Виктором и помоги ему с чемоданами! – отдала она персональный приказ мужу. А что, Витя, чемоданов-то, поди, много? А то, поди, в машину-то все не влезем? Да ну ладно, идите, как-нибудь разберемся. – Уже направляясь к выходу продолжала она.

– Да! Хорошо, мама! – радостно ответил Виктор. – Вы идите, мы скоро! – провожая своих, Виктор весело поцеловал Марину и похлопал по плечу младшего сына Мишку. – Ну что, батя, пойдem получать багаж? – обняв отца, спросил Виктор.

– Пойдем, сынок! – послушно и с каким-то облегчением ответил Андрей Иванович.

Обнявшись, они не спеша пошли в зал для выдачи багажа.

– Уважаемые пассажиры, прибывшие рейсом двадцать восемь тринадцать из Владивостока, пройдите в зал для получения багажа! Спасибо за внимание! – прозвучал голос диспетчера аэровокзала.

– Ну, вот видишь, нас уже приглашают получить твой багаж! – обрадовался Андрей Иванович. – У нас оно быстро, не успеешь слезть с самолета, а тебе уж и чемодан в руки подают! – засмеялся отец Виктора. Хотя сам ни разу в жизни не бывал в аэропорту, и знать не знал как и каким образом получают багаж. Ему казалось, что есть специальные люди, которые выносят чемоданы прямо из самолета и подают их потом в руки пассажирам. Ну, точно так, как это делали лакеи в царское время. Конечно же, он ни когда не жил в царское время, просто где-то слышал или читал, вот и осталось у него в памяти это. А по-другому он ничего нового вообразить и не мог. Да и некогда ему было искать в себе творческие мысли. У него голова болела о своей работе на большом заводе. Он все время только там и пропадал после того, как Виктор уехал на восток. Уж очень он себя корил за то, что не так воспитал сына как хотел, а понадеялся на Наталью. А она все с ним сюсюкалась и досюсюкалась, чуть беды не хлебнули. Ладно, все обошлось. И вот сейчас Виктор со всей семьей наконец-то прилетел домой.

«Ну и слава богу! А там разберемся!» – подумал Андрей Иванович.

– Ну как долетели? – поинтересовался отец. – Намучились поди, натерпелись страху? Я вот до сих пор никак не соображу, как такая хреновина на небо поднимается? За что она там держится? – Андрей Иванович поднял вверх указательный палец.

– Да брось ты, Батя! Все нормально, долетели как на большом автобусе. Нас и покормили вкусно и поспали хорошо! – улыбнулся Виктор, оглядывая все вокруг себя.

Андрей Иванович хотел что-то спросить, как вдруг включилась транспортерная лента, и из проема в стене начали выскакивать разные чемоданы и коробки.

– Мать родная! – свистнул он. – Это ж надо, до чего додумались, чемоданы прямо к тебе в руки сами едут! Вот он наш какой умный и грамотный Советский человек! – торжественно выпалил лозунгом Андрей Иванович.

– Да ладно тебе, Бать! Ты что, никогда в Аэропорту не был? – засмеялся Виктор.

– Да зачем же я сюда поеду? Мне что, больше делать нечего? – удивленно возразил Андрей Иванович. – Я на работе так накувыркаюсь, мне не до самолетов и не до чемоданов! До дому бы добраться, и то ладно! – завелся отец.

– Ты ладно, отец, не заводись! Вон, бери лучше чемодан, а я вот эти два и пойдем на выход! – остудил отца Виктор.

Он, конечно же, не хотел вступать в полемику со своим отцом. Да и нечего было спорить и доказывать. Ведь самое главное не в достижениях Советского человека, а в том, что он снова приехал в родной Новосибирск, домой к своим родителям, которых он не видел уже много лет. Виктор даже не хотел думать, как встретит его малая Родина. Что она приготовила ему за эти долгие годы отсутствия? Главное, что он наконец-то решился и вернулся домой, пусть ненадолго, но все же приехал. И радость возвращения переполняла его состояние души и захлестывала внутренний страх прошлых дел, укладывая неуверенность в себе на самые долгие полочки своего сознания.

Весна наступала своим теплом и новой жизнью на всю планету. Она шагала женственно, но уверенно, выражая признательность матушке зиме, но в то же время давая понять ей, что ее время вышло и она уже здесь и готова выполнять свое предназначение. Неся людям радость, пробуждая природу от зимней спячки, неся со своим приходом новую жизнь и новые достижения и успехи.

Виктор подхватил чемоданы и вышел следом за отцом из здания аэровокзала. Солнце нежно ударило ему по лицу своими ласковыми теплыми лучами. Он поднял вверх голову и задержался на миг прищурился глазами. Немного постояв, втягивая в себя теплый весенний воздух, Виктор несколько раз подряд громко чихнул.

– Будь здоров, сынок! – по-свойски пожелал здоровья Андрей Иванович. – Это наше Сибирское солнышко тебе нос щекочет. Это тебе не Приморский край, это брат Сибирь! У нас здесь все по-настоящему. Никакой фальши! – отрапортовал Андрей Иванович.

– Да, батя, вижу, что приехал в родные места. Даже чих здесь не тот! – поставив чемоданы, вытащив носовой платок, пробубнил Виктор. Утерев нос и лицо, Виктор еще немного постоял, и вновь поднял голову навстречу яркому солнцу, да не выдержав чихнул еще три раза.

– Витя! Витенька! – раздался женский голос со стороны. Виктор вновь приложил носовой платок к носу и повернулся в сторону. У тротуара, неподалеку, стояла его мама рядом с красным автомобилем «Москвич» и звала его, махая рукой.

– Витя, мы здесь! Идите сюда! – надрывалась Наталья Семеновна, не обращая внимания на проходящих мимо пассажиров.

Виктор подхватил тяжелые чемоданы и, кивнув отцу, поспешил к автомобилю. Андрей Иванович, не поспевая за своим сыном, семенил сзади и все думал, как же они все вместе поместятся в машине. Но Виктор быстро решил эту проблему. Разместив чемоданы в багажнике «Москвича», он поздоровался с соседом Пашкой и разместил на заднем сидении жену Марину и своих сыновей, а маму, усадив на переднее сидение, быстро вышел из положения, сказав:

– Ну, вот вроде как и порядок.

– Паша, ты давай вези наших домой, а мы с батей на автобусе прогуляемся. За одно и родные окрестности посмотрю! – весело закуривая сигарету, предложил Виктор.

– А оно и верно! – поддержал Андрей Иванович. На автобусе оно как-то привычнее, да и не долго. Давай, поедem сынок! – похлопал по плечу Виктора отец.

– А ты, мать, давай поезжай с Пашкой, везите внучат домой, да встречай нас. Собирай на стол, мы скоро! – отдал распоряжение своей жене отец Виктора.

Отправив женщин и детей, отец с сыном поспешили на ближайший автобус, идущий в город из аэропорта. На остановке их ждал комфортабельный «Икарus» с открытой входной дверью. Полная женщина, лет пятидесяти, маленького роста с темным беретом на голове, выкапталась из автобуса, когда Виктор с отцом подходили к остановке.

– Граждане пассажиры! Вы едете или как? – как поросенок провизжала она.

Её красные как помидоры щеки, и такой же картофелеобразный нос, выдавали ее больше за клоуна в цирке, нежели за кондуктора автобуса. Виктор даже остановился от такого визгливого голоса.

– Я повторяю! Вы следуете до города или как? – как по заученному она визжала на всю остановку.

– Да, да! Конечно же, следуем! – Виктор выбросил раскуренную сигарету.

– Коля, прими еще двоих! – не обращая внимания на пассажиров, женщина звонко отдала команду.

Виктор быстро заплатил за билеты, и через несколько минут они с отцом сидели на мягких креслах новенького комфортабельного автобуса.

– А что, сынок, надолго к нам? – не выдержал Андрей Иванович, потирая свои трудовые мозолистые руки. Конечно же, он волновался. Ведь Виктор без всякого предупреждения и как снег на голову прилетел домой, не сообщив никаких причин своего приезда. А что за спешка такая, Андрей Иванович никак не мог понять. А спросить напрямую он почему-то стеснялся. Скорее не хотел навредить сыну своим вопросом. Да мало ли чего там у них не заладилось. Но главное, что долетели все вместе, это уже очень хорошо.

– Ну, ты, батя, даешь! – улыбнулся Виктор. – Мы еще не успели приземлиться, а ты уже хочешь нас назад отправить? Как в той пословице: «Хороший гость до обеда», – Виктор засмеялся на весь автобус.

– Да нет, сынок! – замялся Андрей Иванович, еще больше потирая свои ладони.

– Мы же с матерью в неведении живем и не знаем, как и что у вас там произошло? И что за спешность такая? Вот и интересуюсь. А если надолго, то ради Бога. Двери Родного дома для

тебя всегда открыты. Места для всех хватит. Не чужие же вы нам? – залпом выдохнул Андрей Иванович.

Виктор перестал смеяться и сделал серьезное лицо. Он, конечно же, ждал такого вопроса от родителей. Да и сам думал в подходящий момент рассказать всю причину скорого приезда. Ну, может и не всю, но что-то главное и убеждающее он готовил в своем ответе. И уже совсем по-взрослому не хотел тревожить своих стариков, зная, как они переживали за него тогда, больше десяти лет назад, когда его, чуть не посадили в тюрьму за спекуляцию. И вот, казалось бы, что время уже давно прошло, и вновь он чуть не загремел туда же, только уже далеко на востоке. Он помнил, как мама помогла ему тогда, подняв все свои связи и отдав много чего, в том числе и здоровье, чтобы замяли дело, и Виктор уехал из Новосибирска. А теперь ему пришлось так же уехать из Владивостока. И снова ему повезло. Как будто кто-то там наверху никак не хотел, чтобы с ним что-то случилось. И вот он уже второй раз выходит сухим из воды. А это значит, что третий раз может быть на всю катушку и надолго. А может и дойти до высшей меры. А это уже совсем не шутки. Теперь у него уже есть и жена, и любимые пацаны. И поэтому Виктор дал обещание отцу Марины, да и самому себе, не связываться с подобными играми, а начать жизнь заново, с чистого листа.

– Нет, отец, к сожалению, ненадолго! – не поднимая головы, вполголоса выдавил Виктор. – Мои пока поживут у вас. Мама, думаю, поможет со школой временно, а я завтра уже уезжаю на Алтай. У меня есть направление на работу. А как устроюсь, сразу заберу своих. Да и поближе теперь, будем чаще видеться! – Виктор шлепнул ладонью отца по коленке.

– Да ты, батя, не переживай! Все будет хорошо! Страна еще узнает Петриковых! – вновь рассмеялся Виктор и посмотрел в окно, на мелькающие деревья лесопосадок, готовящихся своим телом принять новую весеннюю влагу из матушки земли и дать жизнь новым зеленым побегам и листочкам. А вместе с этим вдохнуть новую радость и новые ощущения всему окружающему миру. Он, конечно же, узнавал родные места, глядя из окна автобуса по сторонам. В его голове веером вспыхивали разные воспоминания прошлых и незабываемых юношеских лет. Тех лет, когда он с друзьями часто мотался в аэропорт, где покупали запрещенный товар, прибывший из других городов, а так же успевали продать свой транзитным пассажирам. Отец Виктора что-то рассказывал о себе, о матери, о своей бесконечной работе и скором выходе на пенсию. Виктор сквозь воспоминания пропускал его рассказ и периодически поддакивал отцу, чтобы тот не обижался на него.

Время пущенной стрелой пролетело от аэропорта до автовокзала города Новосибирска. Водитель по громкой связи оборвал воспоминания Виктора.

– Граждане пассажиры! Автовокзал города Новосибирска! Конечная станция, автобус дальше не идет! – механическим голосом заученного текста прозвучала речь водителя.

– Ну вот, сынок, кажись, приехали! – встрепенулся Андрей Иванович. Пойдем на выход. Сейчас быстро на двадцать третий маршрут и дома! – Отец заметно засуетился и поспешил на выход из автобуса.

Виктор отчетливо помнил каждый маршрут любого автобуса, даже лица водителей и кондукторов всплыли в его памяти. Сойдя на перрон автовокзала, Виктор вдохнул городской воздух, и ему показалось, что он никогда и никуда не уезжал из этого города. Немного постояв, поглядев по сторонам, они быстро двинулись на автобус двадцать третьего маршрута.

Народ густыми тучами перемещался по территории вокзала. Все куда-то спешили. Кто-то встречал, кто-то провожал своих родных и близких, кто-то, опаздывая, спешил на уходящий рейс. Жизнь вокзала кипела ежедневной переполненной жизнью. Только красные транспаранты на здании вокзала усиливали волнение горожан и гостей города, напоминая, что скоро наступит огромный и светлый Советский праздник Первомай.

Виктор с отцом добрались до своего дома также быстро и незаметно для себя с автовокзала, как и из аэропорта. Действительно, дома их ждал накрытый по-домашнему праздничный,

стол. Сосед Павел на совесть постарался и давно уже привез маму и семью Виктора домой без происшествий. А ребята уже умылись и тихонько посапывали после долгой дороги на старой кровати Виктора, на которой спал их отец еще в детстве. После отъезда Виктора на восток в его комнате ничего не изменилось. Мама не хотела менять память о сыне и каждый день ждала его по– матерински домой, понимая, что это не возможно, но с надеждой, что когда-нибудь это случится. Именно это сегодня и сейчас случилось, и он приехал, да не один, а всей семьей. И сейчас два ее внука сладко спали на кровати ее сына. Наверное, не бывает большей радости для матери, чем радость возвращения домой ее любимого и единственного сына. И сейчас Наталья Ивановна была на высоте от счастья. Она старалась не показывать этого всем, но как же можно было не разглядеть в ее глазах скрытую радость. Хотя по своей профессиональной работе ей приходилось постоянно делать праздничную мину своего лица, но сегодня был особый случай. Ее лицо светилось счастьем и радостью, как праздничный салют в день Победы.

Весь вечер и до самой полуночи они сидели за столом. Они разговаривали и вспоминали все, что было только возможно рассказать при родителях за столом. Даже Андрей Иванович иногда отступал от своих производственных рассказов и вспоминал свое детство и юность, а то и молодые годы своей жизни, до того момента когда он женился на Наташе. Только Марина скромно улыбалась, прижавшись к плечу Виктора, которого она очень сильно любила. За которого она пошла замуж не раздумывая даже после того, как ее отец настрого запрещал с ним встречаться и говорил, что он ее вырастил не для какого-то проходимца, и что ее мужем должен быть сильный партийный человек, занимающий высокий пост в Советском Союзе. Но жизнь она очень сложная штука, а любовь всегда берет верх и делает чудеса. Вот и у нее с Виктором произошло чудо. Она быстро забеременела, и отцу ничего не оставалось делать, как благословить молодых и выдать свою единственную и любимую дочь за Виктора. А тут уже и первенец Сашка родился. И пока они в нем не чаяли любви и счастья, тут еще и Мишка появился на свет. И счастье вдвойне свалилось на их головы. Казалось бы, живи и празднуй каждый день. Радуйся и улыбайся всему миру. Но радость не всегда бывает долгой. Вот и у них все бы было хорошо, да Виктор снова не выдержал и взялся за старое. И была бы беда непоправимая, но хорошо, что отец Марины помог им, пусть долго и читал ей лекции да нравоучения, что она ослушалась своего отца и теперь будет жить в Сибири, у черта на куличках. А ей, хоть на край света, только бы с Виктором и не расставаться никогда. И главное, чтобы вместе и с детишками. Она прижималась к Виктору все сильнее, поглаживая его руку, улыбаясь, слушая их семейный разговор. Она раньше никогда не встречалась с родителями Виктора, разве что разговаривала по телефону по междугородке. Да сколько там поговоришь? И что там можно понять и разобрат, только здравствуй и прощай.

Поколения Петриковых сидели за столом и, не обращая внимания на бегущие стрелки часов, в запой пересказывали свои воспоминания. Только уже когда собирались пойти спать, Виктор, как бы случайно, проронил, что завтра утром ему нужно уехать в город Бийск. Это там, в Алтайском крае, в сторону города Горно-Алтайска. Он едет туда по направлению на работу, а Марина с детьми пока побудут здесь.

Наталья Семеновна сначала начала возражать и даже ругать его, что он не успел приехать, уже уезжает. Но Виктор успокоил ее тем, что теперь это не далеко, и они будут чаще видаться. А пока он устроится и получит жилье, его семья поживет с бабушкой. Наталья Семеновна смирилась и даже всплакнула для порядка. Но делать нечего и она уступила и в этот раз, как много лет назад, когда она не хотела, чтобы Виктор уезжал на Восток. И что только она не предпринимала, но это случилось. А теперь она второй раз встречала и провожала сына в неизвестность. Что делать, такова уж материнская доля.

– Ура! Ура! Ура! Наконец-то долгожданный «Дембель», – кричали молодые пацаны в крапчатой солдатской форме, выходящие из вагона поезда, прибывшего из города Кишинева.

– Ну, вот и Москва! – торжественно выдохнул Димка Дымов, поставив свой «дембельский» чемодан, весь разукрашенный наклейками с надписью иностранным шрифтом «DDR–USSR», на перрон вокзала. – Еще вчера мы были в расположении части, потом пересыльный пункт, а затем самолет ТУ-134 до Кишинева, и вот уже матушка Москва! – с сияющими глазами продолжал Димка.

– Да, здорово! – поставив рядом с Димкиным свой чемодан, протянул Сенька Злобин, «побрякивая» своими юбилейными медальками на красивой форме старшего сержанта «Воздушно-Десантных-Войск».

– Хорошо-то хорошо, – с ухмылкой добавил Юрка Зелин, двоюродный брат Сеньки Злобина, закуривая еще солдатскую сигарету, которые выдавались в пайке, – Только как же мы будем добираться до матушки Сибири? Денег ведь у нас совсем не осталось, все в поезде потратили. – Продолжал Юрка, выдыхая сигаретный дым куда-то в сторону.

– Да ладно Вам, мы же десантники! – включился в разговор Мишка Мачехин. —Сейчас оглядимся и чего-нибудь придумаем! – настойчиво продолжал Мишка, поправляя свой голубой берет на макушке.

– Здравсте! – проходя мимо, кокетливо и хихикая, поздоровались две очаровательные девушки.

– Приветик девушки! – моментально отреагировал Борька Савин.

– Одну минуту девчонки. – Борька остановил девушек, расправляя свою гусарскую грудь и показывая все достоинство Советского солдата, двинулся к ним как «Летучий Голландец».

Все остальное отделение, в количестве семерых сержантов, замерло на мгновение, улыбаясь, глядя на вновь образовавшуюся компанию.

Все это отделение красивых и подтянутых Советских солдат, еще совсем недавно, всего два года назад, учились вместе, в одной группе в «ДОСААФ», получая корочки водителей грузовых машин. Так уж получилось, по чистой случайности, все восемь после окончания учебы попали служить в одну войсковую часть в Группу Советских Войск в Германии.

И вот с доблестью отслужив два года, они все восемь стоят на перроне Курского вокзала в самой Москве, без командиров и прапорщиков, а самостоятельно следуя по воинскому требованию до места жительства далекой Сибири к родным и близким.

– Ребят, подождите, я сейчас, – поправляя свой берет, произнес Димка Дымов, направляясь к девушкам, которых остановил Борька Савин.

– Привет красавицы, – протягивая правую руку, поздоровался Дмитрий с девушками. —Из каких Краев или Областей прибыли в Столицу? Кстати, меня Дима зовут. Борь мог бы и представить, а то как-то не очень удобно. – Улыбаясь, весело Димка подмигнул Борису.

– Я так думаю, вы уже познакомились! – жестикулируя руками перевел внимание Димка на девчонок.

– Да мы как будто всю жизнь знакомы. Правда, девочки? – гордо вышел из положения Борис.

– Очень приятно, Таня! – прозвенела скромно, как птаха, рыженькая, опустив свои огромные влажно-зеленые глаза куда-то вправо.

– Здравсьте, мы обе Тани! – с восклицанием отрапортовала брюнетка с красивой родинкой над верхней губой.

– Мы местные, москвички! – продолжала она, глядя на Дмитрия своими красивыми ярко-голубыми глазами, с чуть-чуть подкрашенными ресницами черной тушью, хотя и ее красивые дугообразные строго-выразительные брови и густые длинные ресницы совершенно не требовали прикосновения к ним различных химических красителей. – Мы с Таней провожали бабушку и вот теперь возвращаемся домой. А вообще мы вместе учимся в 149 школе в десятом классе, и даже сидим за одной партой – чеканя свой рапорт, выпалила она.

– А Вы что из Афганистана? – перебила рыженькая Таня.

– Да нет, мы «дембельнулись» из Германии. – Отреагировал Димка. – Здесь в Москве у Вас проездом, вот только что с поезда Кишинев-Москва. – Он показал рукой на стоящий пассажирский состав. Кстати, девочки, давайте я Вас познакомлю со всей нашей Гвардией. – Глядя на пацанов, предложил он.

– Пойдемте, пойдемте девчонки. – Взяв под руки девушек, Борька подтолкнул их к своим, стоящим у чемоданов, сослуживцам.

– Смотри-ка, уговорили. – Улыбаясь кивнул кутившим на перроне вокзала ребятам Семен.

– Да эти два баламута кого хочешь уговорят! – подхватил Мишка. – Как-то раз ходили в патруль, да решили вечером проверить немецкий «Гасштедт». Так они оба немке так на уши присели, что она начала по-русски разговаривать. А здесь в родной стране, как дважды два. – Заржал по-лошадиному Мишка.

Все ребята дружно подхватили ржание. Эхо его прокатилось по всему перрону, вспугнув небольшую стаю голубей, смело выпрашивающих себе корм у пассажиров, размещенных на вокзале.

– Чего ржем Гвардия? – по-командирски спросил подошедший Димка. – Неужто вас завербовали на службу в Гусары? – подкрутив свои усы добавил он. – Вот лучше познакомьтесь с красивыми москвичками, правда они еще школьницы.

– Зато местные! – перебил его Борька. – И очень многое могут нам рассказать о Москве.

– Ни фига себе школьницы! – удивительно возразил Сережка Ларин, сплевывая табак, оставшийся от армейской сигареты без фильтра. – Я честно думал, что мы одноклассники. – Немного краснея представился Сергей.

– Ларин, как у Пушкина! – улыбнулась Татьяна с красивой родинкой над верхней губой.

– Сережа, Семен, Миша! – по порядку всех представил Димка Дымов.

Так две красивые девушки москвички оказались в кругу целого отделения отважных солдат в «десантной» дембельской форме.

– Ребята! – смеясь воскликнула рыженькая Татьяна. – А куда же вы сейчас собираетесь? – показав свои жемчужные ровные зубки, спросила она.

– Эх, девочки, девочки! – вздохнул Борька, присаживаясь на дембельский чемодан.

– Дело в том, что сегодня воскресенье и сберкассы закрыты. А у нас на всех по карманам поскрести, денег осталось рубля три не более. – Борька постучал ладонями по карманам ушитых под сапоги солдатских брюк. – Вот завтра понедельник, откроются кассы и мы сдадим свои прыжковые книжки и получим рублей по тридцать. А нас восемь, итого... тогда, считай, хоть на Луну. – Подняв палец вверх, протянул Борька. – А пока где-нибудь на вокзале перекантуемся, главное, чтобы на патруль не нарваться. Опять какая-нибудь драка завяжется. Ох, эти тыловые, не очень-то любят нашего брата. – Сквозь зубы сплюнул в сторону Борька.

– Стоп, пацаны! – вскрикнул Димка. – Если сегодня воскресенье, значит мой двоюродный брат может быть дома. – Оглядываясь по сторонам, сквозь зубы, процедил Дымов.

– И что из этого? – спросил Семен.

– А то, что нужно позвонить, у меня есть его телефон и домашний адрес. Правда, я у него ни разу не был, да и самого его лет семь не видел. А телефон и адрес я дома у матери взял, когда в отпуск ездил, так, на всякий случай. – Сказал Димка, вытаскивая записную книжку из кармана военного кителя.

Найдя нужную страницу он воскликнул совсем по-детски:

– Вот, все есть. Так, девочки! – обратился он к тезкам. – Кто мне поможет, где тут у Вас можно позвонить?

– Да пойдем в здание, там телефон-автомат. – Взяв за руку Димку, потянула его в сторону здания вокзала Таня с родинкой на верхней губе. – У меня как раз и «двушка» есть.

– Пацаны! Всем стоять! Никому никуда не расходиться! Охранять Москвичку! Я скоро. – На ходу крикнул Дымов, мелькая в толпе своим голубым беретом.

– Главное на патруль не налетел бы. – Процедил Мишка Мачехин.

– Да тут рядом. – Взвизгнула Татьяна рыженькая. – Сразу, как в здание войдешь.

– А что, вы, правда с парашютом прыгали? Это же очень страшно. – Поморщилась она. – Я себе этого ни как не представляю. Сразу бы, наверное, умерла. – Закатив свои красивые и большие зеленые глаза под рыжие ресницы, произнесла она.

Димка опустил в монетный приемник «двушку», ту, что дала ему Таня с родинкой. Сняв трубку с телефона-автомата, открыл записную книжку на нужной странице и, услышав длинный гудок, набрал московский телефонный номер. В трубке что-то пикнуло, затем щелкнуло, и «двушка» с треском провалилась куда-то глубоко, в чрево, железного ящика.

– Аллю! – на другом конце провода раздался детский голос.

– Здравствуйте! – поздоровался Димка.

– Здравствуйте! – доносился все тот же детский голос.

– Скажите, пожалуйста, – продолжил Димка, глядя на Татьяну вопросительно, – я могу услышать Андрея Кирилловича Дымова?

– А кто его спрашивает? – спросил детский голос.

– Его спрашивает двоюродный брат Дмитрий Дымов. – Ответил Димка.

– А Андрей Кириллович на работе сегодня. А что ему передать? – спросил детский голос в телефонную трубку.

– Скажите, а когда он будет дома? – удивленно спросил Димка.

– Не знаю, часа через два с половиной. – Ответил голос из трубки. – Так что ему передать?

– Передайте, пожалуйста, что я в Москве проездом из армии и перезвоню через три часа.

Хорошо? – спросил Димка волнуясь.

– Хорошо! – Ответил в трубку с другого конца провода детский голос.

Димка повесил трубку и, посмотрев на Таню, сказал:

– Здорово. Через несколько часов брат будет дома. Он точно что-нибудь придумает. Спасибо тебе большое за «двушку» и за помощь.

– Да не за что. – Ответила, смущаясь почему-то, Татьяна.

Дима взял за руку Татьяну, и они весело направились на перрон железнодорожного вокзала, туда, где их ждали новые друзья девушки и сослуживцы Дымова.

Апрельская теплая весна разливалась по всем проспектам, улицам и закоулкам Советской Столицы. На тротуарах, стоя по колено в талой воде растаявшего снега, громко щебетали грязные воробьи. Они всем своим хриплым голосом дворовых песен пытались рассказать прохожим удивительную новость о том, что утомительная, долгая и холодная зима уже закончилась. Старые и мудрые городские вороны, откуда-то сверху обогретых весенним солнцем крыш домов, грубым карканьем отвечали им низким басом как репродукторы «весна, весна», перебивая трамвайные звонки. Точно попадая в верхние ноты и высокую тональность весеннего ансамбля из разных сторон близлежащих улиц, доносилось пение первых представителей весны – скворцов. В своих нарядных переливающихся концертных костюмах, они, как первые скрипки большого симфонического оркестра, задавали весь ритм, такт и движение, создавая своим великолепным пением пламенную любовь, зачатие и рождение той новой красивой надвигающейся жизни, в которую верили и ждали безупречно все жители нашей необъятной Советской Родины.

Телефонный звонок в кабинете первого секретаря Крайкома прервал разговор Петухова и Семькина.

– Людочка! Я же просил ни с кем не соединять! – сняв телефонную трубку, командным голосом произнес первый.

– Извините, Андрей Иванович! – попросила прощения секретарша.

– Москва! Центральный комитет! Я сказала, что у Вас совещание. Соединять? – спросила Людмила, персональный секретарь Андрея Ивановича Петухова, первого секретаря Крайкома партии Алтайского края.

– Да, конечно же, соедини! – ответил Петухов. При этом встав из кожаного кресла, закрыв телефонную трубку своей ладонью, произнес Семыкину:

– ЦК!

Виктор Степанович Семыкин как по команде вытянулся по стойке смирно, понимая, что сейчас будет серьезный разговор с Москвой. Показывая на себя указательным пальцем, Семыкин молча, движением руки указывая на дверь, дал понять Петухову, что он выйдет. Петухов же, в свою очередь, поднятием ладони оставил Семыкина в кабинете.

– Петухов слушает! – выдохнул в телефонную трубку первый секретарь крайкома, выдавив испарину на широком лбу.

– Здравствуй, здравствуй, Андрей Иванович! – нараспев донесся из трубки низкий бас мужского голоса. – Вот уж совсем не думал застать тебя на рабочем месте в такую весеннюю пору! – продолжал низкий тембр из Москвы.

– Здравствуйте, товарищ секретарь Центрального комитета! – отрапортовал Петухов. – Да вот, товарищ секретарь ЦК, мы как раз вместе со вторым секретарем обсуждаем выезд по дальним районам края. – Продолжал рапорт, протирая носовым платком свой покрасневший от волнения лоб, Петухов.

– Потому, как у нас в связи с весенним паводком сложилась критическая ситуация в крае. В горах от высокой температуры началось обильное таяние снега, и поэтому есть вероятность подтопления некоторых населенных пунктов.

– А что, Андрей Иванович, – прозвучал низкий тембр в трубке. – Вы что, раньше не знали, что весна придет? Вроде бы, не первый год на посту первого. Что собираетесь предпринимать? – задал вопрос голос из Москвы.

– Да нет, что Вы, Николай Николаевич, у нас все в порядке. – Докладывал по стойке смирно Петухов. – Вот только синоптики немного подвели нас со своими прогнозами. – С прощупывающей иронией продолжал он, интуитивно проверяя интонацию голоса в телефонной трубке, с какой целью он сам звонит. – Сегодня в семнадцать часов в крайкоме состоится оперативное совещание по этому поводу. На котором примем решение, и в авральном режиме завтра с утра по районам. – Высказал без запинки Петухов, еще раз приложив к своему покрасневшему лбу носовой платок.

– Так, так... – продолжительно растянул нараспев секретарь ЦК. – Все правильно. Проводите оперативное совещание. Ставьте задачи. Все выполнение возложите на второго секретаря Крайкома партии! А сам, Андрей Иванович, завтра утром первым рейсом вылетай в Москву. Жду тебя у себя в кабинете в пятнадцать ноль ноль. Ну, всего доброго, до встречи. – В телефонной трубке раздались звонкие и короткие гудки.

– Слушаюсь, товарищ секретарь ЦК! – по инерции произнес Петухов, медленно сползая в кожаное кресло.

Лицо второго секретаря крайкома партии Семыкина медленно становилось цвета свежего выдоенного утреннего молока. Ему очень захотелось выпить родниковой воды. Хоть он и не слышал всего телефонного разговора, но хорошо понимал, что случилось что-то очень важное и поэтому не смел задавать вопрос первому секретарю края, а сидел и хлопал глазами как сова.

Петухов медленно положил трубку на аппарат и нажал кнопку вызова секретаря.

Полированная дверь распахнулась, и в кабинет вошла высокая стройная светловолосая женщина лет тридцати пяти с красивой улыбкой, излучающей положительную энергию и запах букета свежих духов Рижской сирени.

– Вызывали, Андрей Иванович? – улыбаясь спросила она, но все же заметила, что что-то не так.

– Людочка! – обратился Петухов. – Хорошо бы сейчас крепкого чайку с лимончиком, а?

– Все поняла, сейчас приготовлю. Только, Андрей Иванович, такая жара на улице, может лучше холодненький Нарзан, – покосившись на Семькина, пропела, улыбаясь, Людочка.

– Да нет уж. Все казахи от жары горячим душистым чаем спасаются. Так что неси чай. – Добротнo скомандовал Петухов. – А Нарзан вон Семькин пусть пьет. – Уже улыбаясь, шутил Андрей Иванович.

– Что случилось? – Все-таки осмелившись, задал вопрос первому Виктор Степанович.

– Я пока не знаю, но кажется мы с тобой, Виктор Степанович, доигрались в отчетности по животноводству с приписками, да и вообще. – Стукнул по столу Петухов. – Нужно что-то делать. – Еще раз приложился к столу своим мощным кулаком Петухов.

– А что сказали то по телефону? – заерзал на стуле Виктор Степанович, вопросительно глядя на первого.

– А то и сказали, – подойдя к окну, вздохнул Андрей Иванович, – что проводи сегодня совещание, все дальнейшее руководство на тебя, а я утром в Москву, в 15 00 в ЦК ждут. Ох не проста это все, не проста. – Вглядываясь в окно, прошептал хозяин кабинета. – Ты вот что, Виктор Степанович, приготовь-ка все отчеты по Краю, да надо сделать хорошие подарки в Центр. В общем, времени у нас до утра не много, но есть, нужно быть в полной боевой готовности.

– Андрей Иванович! Чай, пожалуйста. – Вошла секретарша, держа поднос в руке.

– Поставь на стол. – Не поворачиваясь, произнес он. – Да, Людмила! – продолжил он. – До семнадцати часов меня ни для кого нет. – Повторяю! – повернулся он, засунув левую руку в карман отутюженных брюк. – Ни для кого. Да и ты, Виктор Степанович, ступай и готовься к оперативке. – Распорядился Андрей Иванович.

Первый секретарь крайкома партии Алтайского края вновь подошел к окну, повернул шпингалет и открыл его. В его лицо ударил свежий, теплый и весенний воздух, вместе с городским шумом вечно бегущей куда-то толпы суетливого народа и непрекращающимся потоком по центральному проспекту машин.

Андрей Иванович медленно вдохнул в себя полной грудью свежего апрельского ароматного воздуха, закрыл глаза и мысленно прочитал чьи-то стихи, первые пришедшие на ум:

Весна, весна, что за забвение?
Кружится как-то голова.
И хоть кричите – не кричите,
Весной приемлемы слова!

Он выдохнул воздух и еще раз попытался вспомнить, чьи это стихи, но перебрав несколько известных поэтов: Пушкина, Лермонтова, Есенина, Блока, так и не пристроил никуда свое четверостишие.

– Странно. – Подумал он. – Неужели память меня начала покидать. Склероз в шестьдесят с хвостиком, или это я сам на ходу рифмую, не замечал за собой раньше. Надо взять на заметку. Вот отправят на пенсию, тогда будет чем заняться, мемуары писать, да афоризмы для народа.

– И все-таки. – Продолжал он раскладывать ситуацию. – Что же случилось? Почему такая спешка в Москву? – он начал снова перебирать все возможные огрехи, за которые так срочно могли бы вызвать в ЦК.

На подоконник перед ним, с шумом распахнутых крыльев, гордо воркуя опустился сизый голубь.

– Вот тебе на! – вслух произнес первый. – С чем пожаловали, уважаемый? – задал свой вопрос незваному гостю Андрей Иванович.

Сизый голубь, воркуя и важно выхаживая по подоконнику взад и вперед, совершенно не боясь присутствия рядом человека, усилил звучание своего голоса, как бы подтверждая то, что он посланник весны.

«Надо же, – подумал Петухов. – Какой откормленный, значит хорошо перезимовали, даже голуби жирные. Это говорит о том, что видимо хороший урожай мы все-таки убрали с полей в прошлом году. Или плохо сохранили на элеваторах зерновые. Да, надо будет поднять вопрос на пленуме, посевная на носу».

Громким шумом распахнулась входная дверь в животноводческий комплекс фермы номер четыре Государственного Племенного Завода «Катунь».

Новенький комплекс был построен очень быстро, в самые короткие сроки, согласно Госплана, всего лишь за два с половиной года. Весь проект был сдан в эксплуатацию с определенными недоделками, но опережая окончание пятилетки на полгода.

Даже с некоторыми недоделками, после принятия государственной комиссией, животноводческий комплекс был внушительных размеров и вмещал в себя сразу два гурта дойных буренок на одно доение. Здесь же в соседнем помещении располагался комфортабельный телятник, для молодого поголовья скота. Рядом находился цех по осеменению коров со своей современной лабораторией. Для обслуживающего персонала и мастеров машинного доения в основном здании находились две комнаты отдыха, оздоровительный комплекс и современная столовая, работающая в две смены.

– Антонина Ивановна! Скажи, пожалуйста! – громче всех остальных, прибывших на утреннюю дойку, кричала Настя Миронова.

– Ну, что тебе? – обернулась Антонина, бригадир третьей бригады.

– Подожди секунду. – Настя догнала бригадира, и, взяв под руку, отвела ее в сторонку к стенке, выложенной свежим кафелем.

– Теть Тонь! – улыбнулась Миронова, показав свои белые ровные зубки. – Скажи, а правда девки говорят, что у нас нового управляющего назначили? – еще раз улыбнулась Настя, показывая свое лицо полностью, до самой шеи усыпанное крупными веснушками.

– А тебе-то чо? Не все ль равно? Какая тебе разница, новый или старый? – перехватив тяжелую плетеную сумку из руки в руку, ответила Антонина. – Тебе надо вон своих красавиц раздаивать, а то ведь до плана не дотягиваешь. – Шагнув вперед ответила властно грузная женщина.

– Ну, тетя Тонь, девки вон, в автобусе говорят. А я ни чо не знаю. – Допытывалась рыжая.

– Ну, назначили. У тебя чо, сёдня надой прибавится? Тебе чо, с ним детей крестить што ль, с этим управляющим? Вон, завтра утром директор совхоза привезет его, собрание будет, там и увидишь. – Зашагала в перевалку в цех Антонина, где ждали доярок коровы с полным выменем свежего молока.

– Ай, же вы изверги, ай, же вы лодыри, – закричала Антонина. – Это вы только щас корма завозите в цех? Эт вы какого хрена всю ночь-то делали? – распалилась Антонина на скотников, которые только начали перед самой дойкой завозить корма животным. – Ну, я вам покажу! – подняла кулак вверх Пронина. – Девки! А ну быстро переодевайтесь, да за работу, надо помочь этим пьянчугам. – Бляха-муха, опять план не наберем. – Продолжала кричать матом и махать кулаком бригадириша. – Вот завтра назначат нового управляющего, вот пусть он и разбирается с этими проходимцами. А чо я одна с ними могу? Да на черта вы мне сдались все? Нянькайся здесь с вами. – Уже заходя в бытовку, все никак не могла остановиться Антонина.

– А что случилось, Антонина Ивановна? – спросила практикантка Светка Неверова, в новеньком белом, накрахмаленном и приталенном халате, повязывая такую же белую косынку на красивые белокурые волосы.

– Ой, да вы гляньте только на нее. Ты куда ж так губищи намулевала-то в шесть утра, а? С коровами што ль целоваться собралась? – расхохоталась Антонина, присев на скамейку рядом со своей кабинкой в раздевалке. – Так им все равно какие они у тебя, красные или синие. Им главное, чтобы за ними хорошо ухаживали. Вовремя кормили, поили, да в чистоте и тепле содержали. Да по-ласковее с ними нужно, с любовью, вот тогда и они тебе всю свою любовь отдадут вместе с большими надоями. – Застегивая свой белый рабочий халат, с доброй улыбкой говорила Антонина, та женщина, которая всю свою жизнь провела на ферме.

Еще в Великую Отечественную войну она девчонкой бегала на ферму и помогала старикам да инвалидам. Отец с матерью ушли добровольцами, так и пропали без вести. И осталась она со старшим братом и двумя сестренками в отцовском доме. Старшему брату Кольке тогда еще семнадцати не было, а младшей Нюрочке девятый шел. А самой Тоньке только-только одиннадцать исполнилось. Ох, и трудно тогда пришлось, да чего сейчас вспоминать, и так наплакались. Слава Богу, деды да бабки помогали. Да и фермы тогда были не то, что сейчас. Царские хоромы. Казалось бы, работай себе в удовольствие, живи да радуйся, так нет. И чего все-таки людям нужно? Вот эти молодые охламоны, скотники, знают ведь, что скотина не кормлена, а всю ночь прогуляли, работать не хотят, только премию побольше подавай.

– Эх, Светка, Светка! Красавица, просто Мальвина. Какая-то ты городская. Совсем не деревенская. Тебе в город надо в институт поступать. – Повязывая косынку, ответила Светке Антонина. – Сегодня со мной практиковать будешь. Хотя нет, вот давай-ка выходи в паре с Настей Мироновой, она баба грамотная, научит, да и ответственности для ее поболее будет. – Строго посмотрела на Настю бригадирша.

– А я как раз после десятого собираюсь в Бийск поступать, в Педагогический – улыбнулась Светка.

– Ну, до десятого еще нужно девятый закончить! А сейчас все, пошли работать. Девки, разбирайте практикантов и вперед. Чтоб у меня сегодня план перевыполнили. – Скомандовала в очередной раз Антонина Ивановна.

Практикантами были местные девчонки девятиклассницы. Повелось это не так давно, с того времени, как только в селе отгрохали новую трехэтажную среднюю общеобразовательную школу. Раньше девочки старших классов только рукодельничали, вышивали, да разными поделками занимались, а теперь было принято общее решение, совместно с руководством Совхоза и РАНО, проходить практику всем старшеклассницам на животноводческом комплексе, таким образом, подбирались будущие кадры операторов машинного доения. И после окончания средней школы некоторые из девочек оставались в родном Совхозе. Благо, что село было очень большое и насчитывало около трех тысяч человек населения.

Раньше, до принятия решения очередного съезда ЦК Ком. Партии Советского союза о поднятии целинных и залежных земель и поднятия животноводства в стране, на месте села Катунского было три деревни, это Чапаевка, Путь Ленина да Ярки.

Они располагались на высоком берегу огромной горной реки, матушки Катунь.

С одной стороны, неудержимая и неуправляемая коварная река, а с другой, знаменитый на всю страну Чуйский тракт, который начинался сразу от города Бийска и уходил своей узкой лентой далеко через перевалы красивых и высоких Алтайских гор, до самой дружественной нам Республики Монголия.

Так вот, между этими длинными и коварными, по своей сути, двумя лентами и расположилось, перед самым городом Бийск, огромное по своим размерам село Катунское, ранее состоявшее из трех деревень, а позже, все таки, было названо окончательно, село Верх-Катунское.

Не всем жителям, конечно, это все сразу понравилось, но когда начались большие капиталовложения и строительство различных производственных объектов, Совхозу было присвоено название Государственный Племенной Завод «Катунь». Так он назывался потому, что

здесь выращивали в нескольких фермах большое поголовье племенных свиней, крупнорогатого скота и знаменитых Орловских рысаков. Тем-то и славился Совхоз, что постоянно на все-российской выставке занимали почетные призовые места, хотя культуру и досуг нужно было еще прилично поднимать на должный уровень. Шутка ли в деле в одночасье соединить сразу три деревни в одно село со своими разными фольклорами и привычками. И поэтому, когда проходили праздники или просто выходные дни, или еще какие знаменательные даты, всегда поздно вечером в центре села все выплескивалось в какие-то недомолвки и недоговоренности. И тут начинался сельский фольклор разных народов из бывших соседних деревень. А это молниеносное формирование разных противоборствующих команд, разбор штaketника у заборов соседних домов и с криками «бей их», стенка на стенку начиналась обычная деревенская бойня. Сельчане били друг друга больно и жестоко до крови, пока не объявлялся победитель. Обычно после таких хороших гуляний появлялась хорошая выпивка, и оставшиеся победители, а также те, кто пришел на мировую, продолжали уже мирные беседы. Да, вот такие были жители этого села. Уж если драка, так драка! Если спорт, так обязательно большинство победителей, среди разных спортивных команд. Если это работа, так это работа с обязательным перевыполнением поставленного плана, а уж если любовь, так тогда это самая настоящая, никем не придуманная любовь от самого сердца, из самой глубины огромной Русской души воистину настоящего сибирского человека.

Село Верх-Катунское, как и вся огромная и необъятная страна, готовилось к весеннему долгожданному празднику – Первомаю.

В детском садике детишки с помощью воспитателей, пока мамы и папы были на работе, усердно трудились над своими первыми рисунками и изготовлением маленьких красных флажков. Ведь именно от детского садика по центральной улице села начинала свое шествие Первомайская демонстрация. Учащиеся новенькой средней школы, с первого по десятые классы, вместе со своими учителями и классными руководителями на внеклассных часах разучивали новые речевки. Старшеклассники на уроках труда старательно для всех учащихся готовили транспаранты из красного кумача. Стройцех племзавода также не дремал, а помимо основной работы по субботникам в нерабочее время для всех работников готовили новые транспаранты и ремонтировали те, что остались с прошлого года. На протяжении многих лет, из года в год, почему-то после праздничного шествия всегда оставалось не то количество транспарантов, какое готовилось к празднику. В общем, весь сельский народ, как и вся наша необъятная любимая страна уже жила весенним Первомаем.

Звонко скрипнув, открылась массивная, деревянная полированная дверь в приемную директора совхоза. Нина, не отрываясь от печатной машинки «Ятрань» и продолжая печатать приказ, спросила:

– Миша, чего ты хотел?

– Нина, скажи, пожалуйста. У Петровича кто есть? – садясь на мягкий стул в приемной у стола спросил Михаил.

Михаил уже несколько лет, с тех пор как отслужил срочную в Советской Армии, работал в родном совхозе шофером и возил директора Алексея Петровича Горина.

– Да, Миша, там у него новый управляющий четвертой фермой с главным инженером, только зашли. – Продолжая нажимать клавиши печатной машинки пропела секретарша.

– А ты не знаешь, он куда собирается в ближайшее время? А то я хочу в гараж съездить ненадолго. – Положив свежую газету «Бийский рабочий» на стол.

– Не знаю, ничего не говорил. Ты лучше сам зайди и спроси. – Вытаскивая из печатной машинки новый приказ о приеме на работу на должность управляющего животноводческим комплексом товарища Петрикова Виктора Андреевича, пробурчала она.

– Ладно, пойду спрошу. – Постучал он в дверь директора, и, не дожидаясь ответа, вошел в кабинет.

– Заходи, Миша, что у тебя? – встретил его в просторном уютном кабинете Алексей Петрович, прервав разговор.

– Да я хотел в гараж смотаться, если мы никуда не едем в ближайшее время. Бензонасос, на УАЗике, посмотреть. Барахлит что-то. – Сказал Михаил, перебирая брелоком на связке ключей.

– Да, поезжай, посмотри. И на завтра, приготовь Волгу. С утра в Барнаул поедem в Крайком, на совещание вызывают. Только вот сначала на четвертую заскочим, представим на утренней дойке Виктора Андреевича, и сразу в Барнаул. – Кивнул в сторону на сидящего на стуле у окна рослого симпатичного мужчину лет тридцати пяти.

– Ну что, значит так! – обратился директор к главному инженеру Бикулину Валерию Александровичу, сидящему за столом напротив директора. – Завтра в шесть утра все вместе встретимся на животноводческом комплексе. Представим Вас, Виктор Андреевич, труженикам комплекса. – Обратился он к назначенному управляющему, прибывшему по направлению партии из Владивостока. – Я очень надеюсь, что все мы сработаемся и будем достойно выполнять программу и поставленные задачи нашей партии. Так что входите в курс дела. Вот главный инженер Вам поможет. Ну, а за выполнение Госплана спрашивать буду строго. – Улыбнулся руководитель, провожая из кабинета главного инженера и нового управляющего животноводческим комплексом.

Закрыв плотно деревянную дверь своего кабинета за уходящими, Горин быстро вернулся назад, усевшись в свое кресло. Привычным движением руки он нажал кнопку секретаря на пульте селектора и, одевая очки, произнес:

– Ниночка! Зайди, пожалуйста. И захвати приказ о новом назначении управляющего.

– Да, минуточку. – Уже на ходу ответила Нина. Взяв папку с готовыми документами на подпись, она выдвинула ящик письменного стола и достала оттуда маленькую пудреницу. Ловким и привычным движением своих нежных пальцев она открыла ее, быстро поймала свое отражение в маленьком зеркальце и, убедившись в том, что все в полном порядке, она на всякий случай немного оттопырив нижнюю пухлую губу выдохнула на прямую челку. Задвинув ящик рабочего стола, она направилась в кабинет директора.

– Разрешите? – Вошла Нина в кабинет.

– Давай приказ, Ниночка. Я подпишу его и сразу же отдай его в кадры, пусть оформляют. – Протянув руку произнес Алексей Петрович.

– Да, вот еще что, – подписывая приказ о назначении продолжил директор, – я сейчас буду разговаривать по телефону с райкомом, так ты ко мне никого... Хорошо? Да, принеси, пожалуйста, чайку покрепче, – снимая очки попросил Горин.

– Хорошо, Алексей Петрович, сейчас все сделаю, не беспокойтесь! – уходя, улыбаясь, ответила она.

Выйдя из конторы совхоза на улицу вместе с новым управляющим, главный инженер Бикулин Валерий Александрович спросил у Петрикова:

– Виктор Андреевич, Вы где остановились?

– Да знаете, Валерий Александрович, я вчера приехал из Новосибирска, и здесь недалеко, у одной бабульки, временно снял угол, – немного растерялся Петриков.

– Э-э-э, так дело не пойдет. Давай-ка, сейчас поедem заберем твои вещи. У нас в совхозе есть своя гостиница. Хорошие комнаты, да и обслуживание. А пока будешь дела принимать, мы тебе хорошую квартиру подготовим. У нас есть тут, специально для хороших специалистов, в резерве. Семья-то где у тебя? – открывая дверцу своего новенького служебного УАЗика спросил Бикулин.

– Семья пока осталась у родственников в Новосибирске, жена да два сынишки. – Садясь в машину, сказал Петриков. – А с квартирой, это вы хорошо придумали, спасибо большое. Я, правда, так скоро и не рассчитывал, – немного засмутился он.

Петриков открыл портфель и, покопавшись в нем, вытащил маленькую блестящую упаковку.

– Это вам!– протянул он Бикулину.

– Что это? – спросил тот.

– Маленький подарок из Владивостока. Точнее из Японии. Это просто Японская жевательная резинка. – Усмехнулся Петриков. – Это нужно жевать после приема пищи – добавил он.

– Ух-ты. Что, прямо из Японии? – взяв маленькую упаковку из блестящей фольги, удивился Бикулин. – А Вы что, прямо в самой Японии были? – разглядывая разноцветные пластинки, добавил он.

– Да нет, что Вы. Просто Владивосток город портовый, и там можно много чего импортного найти. Да и друзей много там осталось, – немного с грустью и осторожностью произнес Петриков.

– А вообще, там здорово, там океан и красота, – загадочно добавил он.

– А чего тогда к нам в деревню, если там так хорошо? – прибавляя газу, спросил главный.

– Эх, чего, чего? Так получилось! – хлопнув рукой по портфелю, усмехнулся Петриков.

Так получилось. Действительно так получилось. Еще несколько лет назад молодой и перспективный Витя Петриков, только что получивший новенький диплом Новосибирского Сельскохозяйственного техникума, по ходатайству горкома Комсомола первичной комсомольской организации и... любимой мамочки, которая работала директором одного их ресторанов, был направлен на дальнейшее обучение в институт, получать высшее образование по данному направлению. Благо, что в семидесятые годы развитой Советской властью это направление, как одно из многих, очень приветствовалось, стране были очень нужны хорошие и толковые специалисты.

Вот поэтому-то Наталья Семеновна, мама Виктора, и стремилась сделать все необходимое, как многие матери в нашей стране, да и во всем мире. Сделать так, чтобы любимый и единственный ребенок без погрешностей в своей жизни дошел по карьерной лестнице до небывалых высот. Вот только не всегда планы родителей совпадают с мыслями их любимых чад. Витя умный, красивый и одаренный мальчик, очень быстро вкусил красивую и «правильную» жизнь эпохи Социализма. Зная, что его мамочка в любом случае защитит своего любимчика от любых жизненных напастей, он уже в школе, да и позже в техникуме, пытался сам зарабатывать себе на красивую жизнь запрещенными средствами, согласно Уголовного кодекса. А именно то, что город Новосибирск-это центр всех возможностей, который находится на перепутье всех дорог, куда стекается по железным, автомобильным и воздушным дорогам весь товар народного потребления, здесь можно было найти все новое, что запрещалось законом. Конечно же, разные товары тщательно скрывались и были вне закона, но есть такая пословица, «если нельзя, но сильно хочется, значит можно», и Виктор, со своими лучшими друзьями, все-таки занимались «фарцовкой». Так уж получилось, как говорится «сколько веревочки не вейся...», и у Виктора. После самого окончания техникума вся команда «спекулянтов» была взята с поличным.

Следствие было очень быстрым, и вот уже была объявлена дата суда, где Виктор был практически главным обвиняемым, как вдруг все изменилось. Следователь, ведущий громкое дело, вдруг предложил Виктору отказаться от всего и уехать по распределению в Приморский край поднимать сельское хозяйство, да непосредственно коренным образом изменить свою жизнь. Дело все же передали в суд, и друзей Виктора осудили на разные сроки лишения свободы. Наталья Семеновна в очередной раз сделала все необходимое для того, чтобы с Виктором ничего не случилось. Так и вышло. С Виктором Петриковым ничего страшного не случилось. Он, как ему и советовали, уехал по распределению поднимать сельское хозяйство в одном из колхозов Приморского края под городом Дальнегорском, оставив все хорошее и плохое далеко в Сибири, изменив круто свою молодую жизнь. Там же ушел служить в ряды Советской

армии. Воинская часть, где он служил, дислоцировалась в черте города Владивостока. После демобилизации вернулся в колхоз и женился на красивой девушке Марине. Он познакомился с ней, когда служил во Владивостоке. Родители Марины Вороновой были из местной интеллигенции. Мама работала в Горисполкоме, папа занимал одну из высоких должностей в Крайкоме компартии. Виктор, после рождения первого сына Михаила, так он назвал его в честь любимого тестя, Михаила Воронова, так как видел, как тесть обожает своего внука, подумав о том, что его время пришло, не удержался от соблазна и занялся все тем же, чем он занимался в Сибири, зная, что у него теперь есть надежное прикрытие, да и граница была совсем рядом...

Виктор всегда мечтал о большом богатстве, почете и уважении, и поэтому стремился получить все это, семимильными шагами, но Советские законы и боязнь загреметь в тюрьму на некоторое время останавливали его. Оттого-то он постоянно носил в голове мысль, которая не отпускала его ни на минуту, как же сделать так, чтобы было все, что он возжелает, и ничего за это не было. Он разрабатывал разные планы и махинации. Но в очередной раз, уже когда родился второй сынишка, которого он назвал Мишенькой в честь деда любимой жены Марины, сети подпольной торговли были накрыты отделом БХСС. Виктору снова повезло, теперь ему помог тесть. Чтобы не запятнать свое громкое имя он сделал несколько «правильных» звонков по партийной линии в разные инстанции и дело закрыли. Дело закрыли, но попросили Виктора уехать из Приморья. По иронии судьбы, тесть позвонил старому другу, первому секретарю крайкома Алтайского края, пристроить куда-нибудь в глубинку нерадивого зятя, подальше от соблазна, да поостроже с ним. Опять же у Виктора мать не так далеко в Новосибирске, внукам поможет. В общем, договорились по старой дружбе, законспирировали все и после определенного мужского разговора с любимым тестем Виктор со всей своей семьей был направлен на работу в село Верх-Катунское Алтайского края, управляющим животноводческим комплексом номер четыре Госплемзавода «Катунь», поднимать сельское хозяйство, теперь уже Западной Сибири.

Петриков быстро поменял свои устоявшиеся взгляды, нравы и даже сложившийся приморский имидж роскошного дельца, на обыденного советского человека, радующегося великим достижениям страны, затаив где-то очень глубоко все свои несбыточные желания быть признанным капиталистом в стране Советов. Он запретил сам себе даже во сне думать об этом после чистого и мужского разговора со своим тестем, который в свою очередь очень популярно растолковал ему кто есть кто, и что есть очень много людей гораздо грамотнее и умнее его. Тех людей, у которых на собственном лице, как у известного «Фантомаса», была натянута далеко не одна сценическая маска, и сколько бы не срывали их, настоящего лица видно не было. А все тело было покрыто плащами укрывательства и панибратства, между собой переплетающимися бесчисленными нитями родственных и личных связей, выстроенных в огромную теневую вертикаль государственной партийной власти. Той великой Советской власти, которая давно уже разделилась на своих, и народную. Той власти, где свои брали свое и чужое, а отвечали за это те, кто был действительно из народа. И чтобы из одних попасть в другие, то есть в так называемые «свои», нужно было иметь как можно больше покровителей, которые поручились бы за тебя, а потом еще всю жизнь необходимо доказывать, что ты свой.

– Да нет, знаете ли, Валерий Александрович, Сибирь – это моя родина. А родная земля, как родной дом, и силы, и дополнительную жизненную энергию дают.

– А уж если это родная земля, надо делать так, чтобы на ней было все хорошо. – Лозунгами продолжал Петриков, ища в себе утвердительные слова, которые могли бы понравиться главному инженеру, ведь им предстояло теперь вместе и долго работать.

– Всегда хорошо там, где нас нет! – улыбаясь, с плеча рубанул Петриков народной пословицей, ставя жирную точку в своем ответе.

– Это точно, от судьбы не уйдешь! – с душераздирающим свистом тормозов, остановив УАЗик, сказал Бикулин. – Вот и прибыли, Виктор Андреевич! Заселяйтесь в номер, а завтра

я в полшестого утра за Вами заеду. Поедем принимать объект, да с доярками знакомиться. – Подмигнув, сказал Валерий Александрович.

– Хорошо! – взяв чемодан, громко ответил Петриков, хлопнув дверцей машины.

Громкий механический звонок старого советского будильника не дал досмотреть красочный сон Петрикова. Он трещал так звонко и долго, что ему показалось, как будто в этом чертовом будильнике та пружина, которая приводит в действие звенящий механизм, скручена из целого километра несгибаемой стали.

– И когда же ты заглохнешь? – пряча под подушку звенящий будильник, простонал Петриков. Разница в часовых поясах давала о себе знать.

– Ладно, все, все, все, встаю, встаю. – Открыв глаза, зевнув протяжно вслух, сказал он.

«Сегодня ответственный день и опаздывать никак нельзя, – присев на гостиничную кровать подумал Петриков, – вот сегодня начнется твоя трудовая жизнь на новом месте, товарищ Петриков». – Включив настольную лампу, подумал он.

– Но ничего не поделаешь, нужно уметь извлекать из любой сложившейся ситуации все хорошее и радоваться жизни. А сейчас зарядка. – Сам себе скомандовал Виктор, вытягивая руки перед собой.

– Раз, два, раз, два, – повторял он, начиная делать утреннюю гимнастику.

Буквально через полчаса Петриков был полностью готов к встрече с сельскими тружениками, которые в свою очередь с нетерпением ждали знакомства с новым управляющим фермой. Весть давно уже облетела все село и даже успела обрасти длинными бородами деревенских слухов. Чего-чего, а слухи в деревне это, наверно, самое главное для чего стоило бы жить. Из хороших слухов и урожай, и работоспособность увеличиваются в разы, даже зависть становится какая-то не очень злая, а с «добринкой». Из посредственных слухов уж больно много-то каши не сварить. Так в магазине или на работе, кто первый перемолвится свежими новостями и немного приврет своего, тот и позволит поднять себе в деревне рейтинг. А вот плохие слухи, как правило, обсуждаются куда важнее и дольше. Вот они-то как раз обрастают теми длинными синими бородами и наводят страх и ужас среди населения. Обычно пересказываются с глазу на глаз, да за углом, и обязательно шепотом и по секрету, чтобы никто не услышал. Но какого бы секрета не было, через полчаса уже знают все о случившемся, и в мельчайших подробностях. И тот, о ком говорят, в один момент становится самым популярным героем села, положительным героем или отрицательным, ведь это уже совершенно не имеет ни какого значения, главное, что есть тема, о чем можно говорить. Вот в такие-то сельские перемолвки и попал Виктор Андреевич. Еще только один день как приехал в деревню, а все жители только и знают, что обсуждают нового управляющего.

Как и договаривались, ровно в половине шестого утра, во дворе небольшой сельской гостиницы призывно завизжали тормоза новенького УАЗика главного инженера. Виктор Андреевич уже бодро поджидал на крылечке у входной двери одноэтажного здания.

– Ну что, уже на ногах, – открывая дверцу машины, произнес Валерий Александрович.

– Доброе утро, Виктор Андреевич! Давай садись, поедем на ферму. Сейчас уже директор подъедет, он не любит опаздывать. – Как обычно улыбаясь, протянул Бикулин.

Действительно, складывалось полное впечатление, что он никогда не унывал. Казалось, что он так и родился с улыбкой на лице и предназначен дарить всем людям большую радость. Вообще Бикулин был очень красивый, высокий и статный мужчина спортивного телосложения с черными волнистыми волосами с

проседью на висках, зачесанными назад. Всегда был чисто выбрит и своевременно по сезону модно одет, и каждый день менял галстуки, повязывая их на свежую сорочку. Даже его новенький служебный УАЗик, как-то дополнял весь ансамбль его мужской красоты. Автомобиль был всегда чист как изнутри, так и снаружи, и поблескивал разноцветными катафо-

тами, украшенными самим Бикулиным. Уж очень он любил во всем настоящий порядок, как дома, так и на рабочем месте.

– Доброе утро Валерий Александрович! – садясь на переднее сидение автомобиля, произнес Петриков. – Какой вы пунктуальный! У Вас случайно в родстве немцев не было? – Шутя поинтересовался Петриков, хлопнув дверцу.

– Да нет, просто я во всем очень люблю полный порядок. – Газуя с места, ответил он. – А может и были немцы, но по линии моей бабушки. Да вообще там так все переплетено, что и концов не найдешь. – Вновь улыбнувшись, и немного сгорбившись, ответил Бикулин.

Он любил водить автомобиль так, чтобы водительское сидение было поднято. Хоть и сам был высокого роста, под метр девяносто пять, сгорбившись, но все равно не отказывал своим привычкам. Вроде как сверху все было видно.

Машина, громко урча, на мгновение разрезала светом фар еще не наступившее, но уже весеннее утро, и быстро скрылась за поворотом деревенской улицы. Подъехав к животноводческому комплексу, Бикулин посмотрел на часы и произнес:

– Ну вот, я же говорил, что директор не любит опаздывать. Вот его Волга стоит, да и главный зоотехник тоже уже здесь.

Часы показывали без пятнадцати шесть. Вслед за ними подъехал служебный автобус КавЗ, который доставил на животноводческий комплекс утреннюю бригаду доярок. Двери автобуса распахнулись, и из него высыпало пару десятков женщин, шумно обсуждающих какую-то проблему.

– Ну что? Пойдем, Виктор Андреевич, знакомиться с производством, да и с производителями. – Не меняя улыбки на сверкающем лице, предложил Бикулин, открывая дверцу автомашины.

– Да! Идем, для этого и приехали. – Выходя из машины, ответил Петриков.

– Как говорится «ни пуха, ни пера». – Подзадорил новенького главный инженер.

– К черту! – сплюнув через левое плечо трижды, зашагал бойко вперед Петриков.

Где-то далеко-далеко на востоке черное небесное одеяло с миллионами белых дырочек разных размеров слегка начинало приподниматься. И в эту мизерную на горизонте щелку неудержимо устремился огромный поток весеннего Солнечного света. Солнечные теплые лучи из всех сил старались пробиться в крохотное отверстие под бархатным звездным одеялом, и им это хоть с трудом, но удавалось. Казалось, они знали о том, что нужны всем жителям Земли. Да, именно всем, не взирая ни на что. Так уж устроена природа, так уж устроена жизнь. В такую пору спящим приходят самые красивые и откровенные сны. И многим не хочется пробуждаться и вставать. И когда одеяло спящего скатывается во сне, открывая его ничем не защищенное тело, нарушая температурный режим, хочется укрыться снова. Но с каждой минутой маленькая светлая полоска горизонта становится все шире, и все вокруг становится светлее, и темная таинственная ночь удаляется со своего служебного поста, отдавая посох правления наступающему новому дню. А новый день, это новая жизнь, где все происходит совсем не так, как вчера.

Столь раннего визита директора Совхоза на животноводческий комплекс ждали далеко не все. Да еще и в сопровождении такой царской свиты, как главный инженер и главный зоотехник. А особенно не ждали приезда начальства скотники. Им, конечно, было всегда проще, когда никакого начальства не было на ферме. Когда никого нет, то нет и пригляда за хозяйством, а коль нет пригляда, бери чего хочешь, благо все государственное, да и много всего: и сена, и соломы, и других разных кормов. А бывало, доходило до того, что потихоньку по сговору свою скотину в Совхозных стадах держали, и кормили, и поили за счет государства, а потом, когда приплод поднимался на ноги и набирал вес, быстро уводили по своим дворам. Вот они-то зачастую и решали некоторые вопросы производства, которые оставались в тени под густым слоем деревенского мрака.

Началось все это еще с незапамятных времен после Революции семнадцатого года, да после Советской коллективизации, когда всех собирали в колхозы, а потом зажиточных раскулачивали, да еще по разным понятным причинам, по которым простой сельский труженик не очень-то доверял государству. Хоть и считались некоторые скотники пьяницами, но все же многие из них были по-своему хитры. Когда назначали новых бригадиров и управляющих, они сначала некоторое время присматривались к новому руководству, а потом делали все по-своему. Главная задача была в том, чтобы за счет казенного поднимать и содержать свое подворье. В некоторых случаях создавалась некая теневая схема.

В общем, в этой ситуации жили и работали практически все не только на селе, но и во всем Советском Союзе, начиная с самых низов и заканчивая острием той огромной государственной пирамиды, название которой «Вертикаль власти».

В небольшом, но уютном актовом зале профилактория животноводческого комплекса было довольно шумно. Внутри нового, не успевшего потерять запах свежей краски зала, собрались доярки утренней смены, практикантки, скотники и другие разные рабочие, обслуживающие производство животноводческого комплекса. Они не любили когда их собирают принудительно по разным причинам всех вместе. Да и вообще, простой народ не очень-то желает без причины встречаться с начальством, да еще с таким высоким. Вот если только по праздникам, тогда да! А здесь до праздника Первомая было еще несколько дней, и поэтому народ хоть и знал уже из сельского сарафанного радио причину прибытия директора, но все равно очень было шумно в зале.

– А ну-ка тихо! – закричала Антонина Пронина, бригадир третьей бригады, когда в актовый зал вошел директор Совхоза вместе со своей свитой. – Тихо я сказала! – еще громче прикрикнула огромных габаритов властная женщина.

– Проходите, пожалуйста, Алексей Петрович, за стол в президиум. – Улыбаясь, вежливо попросила она делегацию, указывая на место рукой. Актовый зал в раз наполнился небывалой тишиной. В один момент затихли все шумные и ворчливые голоса. Лишь было слышно по деревянному полу шарканье каблучков и разовый грохот деревянных стульев у стола, стоящего в президиуме аудитории, зала. Вошедшие гуськом друг за другом, поздоровавшись, прошли и уселись за стол вслед за директором.

– Спасибо, Антонина Ивановна! – вставая уважительно и поблагодарив бригадира, начал свою речь Алексей Петрович. – Здравствуйте, товарищи! – почтительно поприветствовал директор рабочих.

– Здравсьте! – шумно протянули они из зала.

– Товарищи! – продолжил свою речь директор совхоза. – По рекомендации крайкома партии, – и поднял вверх указательный палец, – я повторяю, по рекомендации крайкома партии, мы приняли на должность управляющего животноводческого комплекса товарища Петрикова Виктора Андреевича. Сегодня он вот здесь с нами за столом. – Директор показал рукой на Петрикова.

Петриков встал и сказал:

– Здравствуйте, товарищи.

У него почему-то что-то усиленно застучало в висках, и в коленках почувствовалась какая-то вялость.

– Виктор Андреевич! – обратился директор к управляющему. – Расскажите, пожалуйста, сами о себе и о своих заслугах и достижениях. Я думаю так будет лучше. – Настоятельно попросил директор. – Вам ведь с людьми работать вместе.

– А от себя добавлю, что Виктор Андреевич очень хороший специалист в сельском хозяйстве. Он закончил техникум. Служил в рядах Советской Армии. Имеет большую практику.

Женат, имеет двух сыновей. Прошу любить и жаловать. Вот так! Продолжайте, Виктор Андреевич. – Закончил директор

Шум и негромкий смех прокатился по актовому залу в тот момент, когда директор произнес «женат, имеет двоих детей». Бабы начали перешептываться между собой.

– Спасибо, Алексей Петрович! – сделав небольшую паузу, поправляя новый галстук, приобретенный специально по такому случаю, выдохнул Петриков. – Раз уж так получилось, и меня рекомендовали на такую должность, значит, будем работать. Сколько бы я сейчас Вам не рассказывал о себе и о своих достоинствах, в закромах нашей Родины от этого больше молока и мяса не станет. Поэтому, дорогие товарищи, давайте сделаем так. Вы меня увидели, а я с Вами с каждым отдельно познакомлюсь в делах и лично. Скажу только одно, что работать будут все. Это я Вам точно обещаю, а все остальное приложится. А сейчас я слышу о том, что скотина точно не довольна нашим собранием. Поэтому, просьба такая! Давайте сейчас вы все расходитесь по рабочим местам, а я провожу Директора. У него тоже много работы. А потом я вернусь к своим обязанностям. – Сам не ожидая от себя таких слов, закончил Петриков.

Он еще раз пламенно поблагодарил директора совхоза принародно серией теплых слов и попросил доярок начать утреннюю дойку.

После окончания производственного собрания, Петриков проводил до машины директора и еще раз поблагодарил его за теплое представление.

Директорская Волга еще раз показала свои яркие красные стоп-сигналы и скрылась за поворотом. Петриков немного с грустью посмотрел ей в след и подумал: «Неплохо бы и директором быть, персональная машина с личным шофером».

– Ну что, Виктор Андреевич? – почти в самое ухо спросил его Бикулин. – Пойдем рабочий кабинет принимать, да все по полочкам разложим вместе с зоотехником, кстати, он нас в твоём кабинете ждет.

– Пойдем, Валерий Александрович! – поворачиваясь, выдохнул Петриков.

Яркое теплое утро всей глубиной своего синего неба разлилось по сельским пашням и деревенским улицам. Петухи в деревни пели далеко не первые свои песни, перекликаясь друг с другом. Скворцы, не щадя себя, с хрипом заливались, сидя на ветках скворечников. Хозяйки перед рабочим днем торопились напоить и накормить скотину, приготовить завтрак, отправить мужиков на работу, детей в школу, да и сами по дороге на работу успевали подкрасить губы и придать вид, как будто только что проснулись. Утро неудержимо наступало по всему периметру земного шара. Все шумы сливались в один огромный жизненный оркестр. Гул насосов фермы подсознательно подсказывал жителям деревни, что рабочий день наступил.

– Вот, Виктор Андреевич, принимай рабочий кабинет. – Открывая дверь торжественно произнес Бикулин, пропустил вперед себя Петрикова.

– Заходите, заходите! – прервал входивших главный зоотехник Кубасов Виктор Тимофеевич. – Отличное рабочее место, все необходимое и нужное для работы имеется. Рабочий стол, шкаф, сейф и даже кожаный диван. Вот Вам ключи от кабинета и сейфа. – Положив на стол связку, продолжал Кубасов. – В сейфе все необходимые документы, так что располагайтесь, будьте как дома. Теперь Вы здесь полный хозяин.

– Товарищи, давайте пройдем, посмотрим все помещения, а с этим я потом разберусь. – Предложил Петриков.

– Хозяин – барин. – Засмеялся Бикулин.

– Да, конечно, пойдёмте, у нас большой комплекс, надо все показать и увидеть своими глазами. – Согласился Кубасов.

– Мы пробовали поставить на Вашу должность из местных, но ничего хорошего из этого не получилось. Воруют. – Добавил Бикулин.

– А старый управляющий не смог с этим справиться, подмял его народ под себя, вот так-то Виктор Андреевич. – Продолжил разговор Кубасов.

– Народ здесь знаете какой? – поднял голову вверх Бикулин. – Это только с виду они такие тихие. А в тихом омуте, как говорится, все черти водятся, да еще какие. – добавил он.

– Ну! Уж Вы меня сразу так не пугайте. – Улыбнулся Петриков.

– Да мы и не пугаем, мы просто предупреждаем. – Отреагировал Кубасов.

– Спасибо и на этом. – Поблагодарил Петриков.

– Вот Вам, пожалуйста, та самая ферма, полностью вся механическая, от подачи кормов и воды до полного машинного доения и ликвидации всех ненужных отходов. – С гордостью представил большое светлое помещение главный зоотехник.

Петриков в сопровождении своего нового начальства, главного инженера Бикулина и главного зоотехника Кубасова, вошли в огромный ангар современного коровника. В лицо резко пахло кисловатым запахом силоса, навоза и свежего парного молока. Петриков остановился, втянул в себя поглубже резкий запах фермы, чтобы сразу привыкнуть к нему, постоял мгновение в замешательстве и, выдохнув, сказал:

– Красота-то, какая!

Вокруг все гудело и двигалось в рабочем порядке. Между пестрых коров, стоявших в отведенных для каждой буренки фермах, быстро порхали, как бабочки, доярки в белых халатах, одевая и снимая по очереди доильные аппараты с вымени смиренных и постоянно жующих коров. В моторном цехе с надрывом издавали гул ревушие насосы, вытягивая все молоко из коровьего вымени до последней капли, потребляя огромное количество электроэнергии. Специальный трактор развозил по центральным проходам и рассыпал в кормушки массу комбинированных кормов с добавлением силоса. Транспортные ленты с перемычками, как лестницы, натружено пытались захватить и вытащить в специальный слив все отходы, оставляемые безобидными буренками. Скотники то и дело открывали огромные въездные ворота, провожая опорожненных и загоня свежую партию нестерпимо ждущих своей очереди рогатых красавиц. Где-то высоко в проемах под ангарной крышей, нахохлившись, сидели сытые воробьи и синички, наблюдая за всеми происходящими действиями, спрятав свои маленькие клювы под крылья. Они уже давно прописались здесь на постоянное место жительства. Им совершенно не нужно было никуда улетать, даже для того, чтобы покормиться. Все условия безупречной жизни этим малым птицам были уготовлены именно здесь и на круглый год, невзирая на погодные условия.

– Ой! Настя! Миронова! – громко, как рупор, закричала Антонина.

– Да, тетя Тонь! – показав свое рыжее лицо, выглянув из-за пестрой коровы, отозвалась среди ревуших моторов Миронова, поправляя на затылке белую косынку.

– Ты глянь-ка! У твоей «Красульки» аппарат свалился. Не дай бог какая грязь попадет в систему. – Указала рукой бригадир.

Миронова в считанные секунды оказалась рядом с одной из подопечных, которая давала больше всех остальных коров ее звена надоев молока. Увидев, что только недавно поставленный на вымя коровы доильный аппарат слетел по непонятным причинам и лежит на бетонном полу, всасывая грязную жижу в себя, она, не заметив рядом стоящего начальства, непроизвольно выругалась матом.

– Ах, ты «ебит-твою коровушку мать-то, а»? Это ты что ж такое наделала-то, а? «Двухведерница» ты моя! И стоишь как ни в чем не бывало, нажевываешь себе. – Вытаскивая грязные шланги, распалась Миронова, перекрывая молокопровод.

– Что тут случилось? – подойдя к Мироновой спросил Петриков. – Что же Вы так ругаетесь матом, начальство же кругом? – продолжил он, глядя на вспотевшее лицо доярки.

– Да как же здесь не материться, товарищ управляющий? Здесь же латка на латке! Все шланги менять надо! Я же не слесарь, я доярка. Вон, гляньте-ка. А они вон, слесаря, что они не видят штоль, что менять их нужно вовремя. Все за них бабы должны делать. Я им чо, казенная штоль? – неумолимо продолжала Настя, тряся порванным шлангом доильного аппарата. –

Они вон все новое пропили, а нам на старье как работать? План выполнять как? – Перешла в атаку на нового управляющего Миронова, одновременно жалуясь на слесарей комплекса.

– А ну-ка, дайте я Вам помогу. – Взяв порванный молокопроводный шланг, ответил Петриков.

На резиновом изделии было видно, что шланг порвался в самом его начале, где он одевался на металлический штуцер. Петриков быстро сообразил, достав из кармана пиджака маленький складной ножичек, состоящий из нескольких лезвий, находившийся всегда при нем на всякий случай. Разложив его, он быстро отрезал испорченное место и исправленный конец резинового шланга самостоятельно, с трудом, плотно натянул на металлический наконечник общей трубы молокопровода.

– Ну, вот и все! – торжественно произнес он, держа на весу грязные руки.

– Ой, спасибочки! – улыбаясь, протянула Настя. – Вот это управляющий! Вот это мужик! – продолжала она восхвалять Петрикова. – Да вы постойте, я сейчас. – Она быстро взяла нержавеющей поддонник, и, открыв кран, налила в него воды.

– Вот, Виктор Андреевич, давайте ополосните руки. – Поставив ведро на пол предложила она. А я пока за новым аппаратом сбегаю. – Уже на ходу, похлопав по спине стоящую корову, прокричала Настя.

Петриков склонился к поставленному ведру с водой, чтобы вымыть грязные руки, но сам почему-то непроизвольно задержался взглядом на уходящей Мироновой.

Как женщина, Настя была не очень красивая. Все ее на вид мужское тело от макушки до самых пяток покрывали жирные веснушки. В чертах лица так же было очень мало чего-либо женского, скорее наоборот, было больше всего мужского. Только большой рот и пухлые губы раскрывали тайну ровных и красивых жемчужных зубов. Ярко-рыжие длинные волнистые волосы, заплетенные в толстую девичью косу, притягивали завидные взгляды проходящих мужчин. И ее женская, великолепно-привлекательная большая и упругая грудь на худощавом теле, ставила жирную точку над всеми сомнительными сравнениями тех, кто по каким-то разным причинам сомневался в происхождении ее высокого роста, принадлежности женщины, чуть более тридцати лет. Той замужней женщины, которая после рождения двух сыновей с разницей в три года, работала не покладая рук на благо своей семьи и нашей необъятной родины, создавая семейный уют и выдавая государственный план по сдаче государству молока.

Взвалив на себя доильный аппарат, Миронова через минуту была на своем рабочем месте, пристраивая его на вымя «Красульки».

– Вот, Виктор Андреевич, с почином тебя! – улыбаясь как обычно пошутил Бикунин. – А какие у нас женщины! Они же на одной руке из пожара даже свою корову вынести могут! Да еще и мужика спящего, прихватить в другую руку. – Засмеялся он, продолжая глядеть на Миронову, давая понять ей то, что муж у нее совсем маленький.

Из кабины раздаточного кормов трактора выпрыгнул белобрысый молодой тракторист по имени Лешка и подошел к Мироновой, чтобы помочь ей поменять доильный аппарат.

– Пойдемте, товарищи, они здесь сами справятся, а нам еще нужно все хозяйство обойти. – Предложил главный зоотехник.

– Да, пойдемте. – Согласился с ним Петриков.

Еще почти два часа они осматривали весь животноводческий комплекс, где Петриков знакомился с производством, рабочими, складскими помещениями, техникой, а позже и с документами, но уже в своем кабинете, где и пробыл да самого вечера. Уже после окончания вечерней дойки, он уставший вышел из своего кабинета и сразу наткнулся на Антонину, бригадира третьей бригады.

– Ой, Виктор Андреевич! – удивилась она. – А Вы еще здесь?

– Так, а где ж мне быть? – закрывая дверь на ключ, вопросом ответил управляющий.

– Так это... – она виновато протянула. – У нас так долго управляющий раньше не задерживался, да и мы уже управились.

– Закончили значит? – переспросил он.

– Да, закончили! Сегодня и план выполнили, хорошо отдоились. А как Вы, устали небось с непривычки-то? – поинтересовалась она.

– Есть маленько. – Согласился он.

– Все сразу за один раз не сделаешь, надо отдохнуть, а завтра со свежими силами снова за работу, потихоньку, помаленьку, все и получится. Да вот и автобус уже подъехал. Поедьте, Виктор Андреевич, домой, отдохнуть Вам надо. – Ласково, по-матерински, посоветовала Антонина.

– Хорошо. Правильно, хватит на сегодня. Поехали, Антонина Ивановна. – Устало улыбнулся Петриков, и они зашагали не спеша к подъехавшему автобусу.

Таинственная ночь загадочно успела захватить все вокруг в свои нежные женские объятия, рассыпая серебро ярких далеких звезд по всему чистому небу.

Где-то там далеко-далеко в вышине по диагонали через все пространство отчетливо виднелась млечная дорога, начинавшаяся из ниоткуда и уходящая в никуда.

Воздух наполнился небывалой весенней свежестью, еще не ароматами ярких цветов, но уже такими легкими и знакомыми запахами неведомых частиц, которые будоражили все сознание, и небывалой волной накатывали огромную силу. Ту силу, сконцентрированную в каждой клеточке живого организма, готовую в одно мгновение всей массой одержимости выплеснуться потоками полной зрелости с произношением слова «благодать».

Теплая сибирская весенняя ночь. Девственная тишина, которую периодически то и дело нарушали резкие звуки проходящих по Чуйскому тракту куда-то все реже спешащие автомобили. Далекий лай деревенских собак доносился пионерской переключкой, чуть отдавая, где-то на окраине села, повторными отзвуками эха.

Пробиваясь извилистыми зигзагами могучей серебристой змеи, постоянно изменяя своим высоким берегам, тысячелетиями перекатывая круглые камни и острый песок, жадно стремилась куда-то в незыблемую даль, наполняя своим шумом и рокотом течения покров тихой ночи, красавица река Катунь.

Да! Это действительно была огромная быстрая и величавая река. Величие ее заключалось в том, что она была непокорная никому, ни Богу, ни самому черту. Могучая, необъятная и неповторимая своей коварностью и скоростью потока далеко вниз с вершины высоких Алтайских гор в период весеннего паводка, она превращалась в коварную сказочную ведьму. Бывало, что всего лишь за одну ночь она могла в корне изменить коренное русло, унося за собой миллионы кубометров земли, песка, гравия и других разных камней, деревьев и всевозможных строений любой конфигурации и сложности. Очень высокие берега подмывались огромным течением, и почва вместе с деревьями и строениями, все, что находилось на берегу, в раз обрушивалось и стремительно несло в огромном потоке вешних вод, куда-то в неизведанную даль, изредка задерживаясь вымытым песком на отмели, оставаясь маленьким новым островком суши. Еще там высоко вверху, в горах, река «Катунь» бежала вниз, зажата с двух сторон высокими скалами и была сильно стиснута и скованна, и ширина ее измерялась несколькими десятками метров. А когда она вырывалась на просторы равнины, уж тогда своим мощным потоком она позволяла себе те царские капризы всего величия и долгого терпения в горах, что вольность ее достигала порой полутора или даже двух километров в ширине. Такие женские шалости Катунь позволяла себе два раза в году. Один раз, когда начиналось обильное весеннее таяние общих снегов при жаркой сибирской погоде, когда все весенние ручейки сливались в маленькие речушки и затем стремительно собирались в одну большую реку, а потом весь этот огромный поток с ужасным диким шумом на бешеной скорости единой и могучей реки мчался вниз, раздвигая всей своей мощью могучие скалы, выплескивая в один момент милли-

оны декалитров бурлящей воды в низовья равнины, выворачивая с корнями многолетние деревья и кустарники, наводил страх и ужас на жителей окрестных сел и деревень. И так продолжалось пять–шесть дней. Другой раз, это уже случалось в разгар летнего сезона, когда начинали таять от жаркого солнца самые высокие ледники, находившиеся высоко в горах, откуда и брала свое начало великая река «Катунь». И не всегда было понятно, когда наводнение было страшнее, первый или второй раз, даже при том, что местные жители всегда были к этому готовы, все равно попадали врасплох. Она была такая мощная, что могла поменять направление течения в сторону и за одну ночь смыть причалы, острова или сразу несколько домов вместе с крутыми берегами. Но когда наступала золотая осенняя пора, она становилась очень тихой и ухоженной. Вода ее становилась прозрачная и набирала цвет ледниковой бирюзы. В сочетании желтых, красных осенних листьев, яркого ослепительного осеннего солнца и бирюзового цвета горной реки, возникал сказочный, умопомрачительный пейзаж никем неизмеренной сибирской красоты, на которую можно было смотреть, не отрывая глаз, практически не моргая, как на медленное горение восковой свечи, или на ласковый прибой тихой морской волны. Глядя на такое божественное искусство, переливаясь мыслями с поэзией великих мастеров, поэтов и композиторов, душа невольно становилась единым целым, разливаясь в неизведанных человеческим разумом природных красках земли. В такой природной гармонии, в лесах островов реки, было множество разной дичи, от белого зайца до самого Царя леса, рогатого лося. Да и сама река могла похвастать большими и разнообразными находками разных и редких видов речной рыбы. Рыба в Катунь водилась разная, от простой плотвы и речного чебака, до быстрого честолюбивого и гордого тайменя, и королевского осетра, встречающихся порой невероятных размеров. И только после того, как Катунь сливалась с другой более спокойной горной рекой, которую в народе называли Бия, чуть ниже по течению, где был расположен провинциальный, но промышленный по своим качествам город Бийск, их воды немного успокаивались в объятиях любви и радости. Вот именно здесь брала свое начало, в слиянии двух рек, величавая сибирская матушка Обь. Река, которая уже более медленно и бережливо несла вверенные ей горные воды далеко на север, по дороге своими мощными силами двигая жернова электрических станций, преобразуя из выстроенных человеком турбин и энергоблоков электричество, дающее новую, совершенно разную, чем-то искусственную, но все равно какую-то новую жизнь.

Петриков достал из пачки сигарету, немного поразмыслив, размял ее пальцами.

– Нет. – Подумал он, стоя у окна в маленьком сельском гостиничном номере. – Курить я здесь не буду. Такая хорошая и теплая погода, пожалуй пойду прогуляюсь. – Он быстро надел ботинки, привычно, по-армейски, завязал шнурки на бантики, и в одном пиджаке, без верхней одежды, вышел на улицу. Ночь ударила ему в лицо теплым, безветренным ароматом села. Постояв немного под горящей лампочкой, вкрученной над самой входной дверью, он шагнул прямо в темноту улицы в направлении сельского клуба. Сделав несколько шагов в сторону четырех тускло горящих фонарей, подвешенных на деревянных электрических столбах по периметру дома культуры, он остановился, вслушиваясь в темноту. Где-то не далеко на соседней улице раздался громкий и протяжный собачий лай. Следом за ним чуть ближе, все на той же улице, его подхватил голос другой собаки.

Петриков чиркнул спичкой и прикурил приготовленную сигарету, осветив пламенем свое лицо, машинально положив коробок в карман пиджака. Выдохнув сигаретный дым куда-то вверх, он обратил внимание на ночное небо, густо усыпанное необычайно яркими звездами.

– Эх, красотища-то какая! – подумал он, затянувшись полной грудью табачного дыма прикуренной сигареты, задрал голову.

– Витя, Витя. Надо было тебе в летное идти учиться, глядишь сейчас уже космонавтом бы стал, да к звездам махнул. – Сам себя в мыслях упрекал он, продолжая смотреть на млечный путь. – Ведь все возможности для этого были. И здоровье, и упорство, да и мать помогла бы

пробиться. Она уж все смогла бы устроить со своими связями в верхах. Но все уже давно поздно, и теперь остается тебе Виктор Андреевич со своим тупым упрямством, только коровам хвосты заносить, да доярок соблазнять на сеновал в навозных сапогах. Слава Богу, здоровье как у летчика. – Усмехнувшись, взбодрился он, неторопливо зашагав на свет фонарей. Из-за поворота вынырнули несколько урчащих мотоциклов, разрезая сельскую темноту лучами света фар, неся на себе местных деревенских седоков. Эскадрон железных коней молниеносно пронесся мимо Петрикова, оставляя за собой женский визг, громкий рык моторов и гарь выхлопных газов бензина, густо перемешанного с моторным маслом.

– Да! Молодежь не спит. – Едва успев увернуться от внезапного эскорта, вслух произнес Петриков. Как бы не попасть под раздачу деревенских пацанов. – Сплюнув сквозь зубы в сторону, насторожился он, подходя к старому деревянному зданию местного дома культуры.

– Вот будет смеху-то, если завтра приду на работу со «звездами» под глазами. – Глядя на большой висячий замок, выдающий себя за строгого сторожа культуры большого села, присвистнув, удивился Петриков. Висячий на длинном железном пробое, перетягивая поперек как пояс старую деревянную дверь, черный замок всем своим видом давал понять пришедшим, что вся культура сегодня заканчивается здесь. Петриков достал пачку «Примы» из бокового кармана пиджака и глянул на часы. Стрелки японских часов показывали без пятнадцати двенадцать. Прикурив сигарету, он обратил внимание на старую деревянную вывеску, покрашенную неоднократно в красный цвет, большими золотыми буквами на которой было написано «ДОМ КУЛЬТУРЫ». Чуть ниже мелким шрифтом следовало «время работы».

– Так, начало работы в 10:00 окончание в 22:00. Видно опоздал, – иронически произнес Петриков, сплевывая слюну. Постояв еще некоторое время и докурив сигарету, он отправился в свою гостиничную комнату. Не дойдя до гостиницы буквально метров сто по центральной улице, к нему с громким шумом подкатила орава мотоциклистов. Взяв его плотным железным кольцом, они остановились и заглушили моторы. Петриков, немного испугавшись, осмотрелся. Он почувствовал, как его сердце забилося в груди в такт тех самых японских часов, приобретенных далеко на побережье Тихого океана у незнакомого спекулянта.

– Ну, вот и все. Сейчас будут бить. – Утвердительно стал настраивать себя Петриков, оглядывая незвано прибывших незнакомцев. – Прогулялся! – подумал он, считая местных здоровяков. – Одиннадцать пацанов, и пять девчонок сзади на сидениях! Многовато для одного, но ничего не поделаешь. Сам дурак, подышать свежим воздухом потянуло. – Сжав свой большой кулак приготовился он.

– Дядь, дай закурить! – басистым голосом, спросил патлатый здоровяк с молодыми темными усиками, сидевший за рулем старой «ЯВЫ», сидение которой было обтянуто красным бархатом, снизу обшитым болтающейся бахромой, срезанной с бархатной скатерти.

– А спички-то есть? – настраивая шуточный разговор, спросил Петриков на всякий случай, оборачиваясь назад.

– Спички-то есть, да вот с табаком проблема в стране. – Откликнулся молодой юморист слева на черном «ВОСХОДЕ», сплюнув сквозь зубы в сторону.

– А чо курите-то, «Беломор» или «Приму»? – ожидая начала драки, спросил Петриков.

– Да хоть «Махорку». Ты откуда здесь взялся, дядя? – подойдя сзади, спросил его высокий парень лет двадцати с длинными, ниже плеч, густыми светлыми волосами, в широких полосатых брюках, в простонародье прозванных «колокола», побрякивая цепью.

– Я-то? – доставая из кармана пачку «Примы», спросил Петриков, ожидая удар.

– Ты-то? – дерзко переспросил его невысокий скуластый паренек в геологической штормовке, подходя с другой стороны.

– А-а. – Протянул, отвечая Петриков. – Я-то, Виктор Андреевич, новый управляющий животноводческим комплексом. – Протягивая пачку сигарет долговязому и не дожидаясь ответа, резким ударом кулака в челюсть уложил его на землю. Выхватив у него из рук велоси-

педную цепь с проволочной рукояткой, ловко нанес удар по рукам скуластому крепышу. Петриков, развернувшись, одним прыжком заскочил на заднее сидение мотоцикла «ЯВА» и стянул цепью горло сидевшего впереди патлатого здоровяка. Тот от неожиданности непроизвольно захрипел, схватившись двумя руками за цепь, сдавливающую его горло.

– Стоять всем! – истерически закричал Петриков. – Если кто дернется, одним махом срежу ему башку. – Угрожающим голосом продолжал кричать он, натягивая цепь. – А ну, быстро завели свои «мотодрыгалки» и дернули по домам!

Иначе я не шучу. – Командирским голосом четко скомандовал Петриков.

Служба в морской пехоте давала о себе знать, теперь было понятно, что недаром прошли года в разведдзводе.

– Ой, люди! Гляньте-ка, что делается! Помогите, убивают! – раздался истерический женский крик проходящей мимо женщины с мальчиком лет двенадцати, погонявшей по улице потерявшуюся корову.

– Атас, Шиша! Плавимся отсюда! – закричал кто-то из толпы мотоциклистов, не успевших опомниться от происходящего, совершенно не ожидавших такого поворота событий.

– Срываемся! – подхватил другой голос.

– Потом встретимся! – уже отъезжая крикнул третий.

Мотоциклы, как маленький рой диких пчел, оставляя рев и столб пыли, скрылись в темноте улицы.

Петриков медленно ослабил сдавившую горло здоровяка цепь, как оказалось главного среди нападавших. Наклонившись к нему, тихо, но властно произнес:

– Давайте будем жить дружно, вы меня не трогаете, и я вас не трогаю, считайте, что познакомились, а трофей я оставляю у себя.

Соскочив с мотоцикла, он быстро свернул змейку велосипедной цепи, убрав ее за пояс пиджака, подошел к кричавшей женщине.

– Что же Вы так кричите? – спокойно спросил он, осторожно проводив взглядом быстро отъезжающий мотоцикл здоровяка. – Все нормально, никто никого не убивает! Успокойтесь, пожалуйста, вон как мальчонку напугали. – Показывая на прижавшегося к матери мальчишку. – Сын, наверное? – спросил у женщины Петриков.

– Ой, Виктор Андреевич! – удивленно, поменяв настроение, воскликнула женщина. – Это что же они Вас тут...? – она запнулась. – А Вы, а что же Вы здесь делаете ночью. – разулыбавшись спросила она.

– Откуда Вы меня знаете? – с недоумением спросил Петриков.

– Да как же! Я Настя Миронова! Доярка из третьей бригады. – Торжественно заявила она. – Вы мне еще сегодня на ферме помогали с доильным аппаратом. А это мой старший Колька. – Положив на плечи сына руки, начала кокетничать Миронова.

– А что Вам, Настя, не спится? – узнав ее, спросил Петриков.

– Да вот. – Показала она на корову. – Вечером подоила и выгнала за тракт на поле попать, погода-то какая хорошая, а она загуляла, вот искать ходили с сыном. Вы тут у нас поосторожнее. – Переключилась она в разговор. У нас здесь по одному не ходят. Здесь незнакомого сразу побьют.

– Я уже это заметил. – Засмеялся Петриков. – Встречают с распростертыми руками, хлебом и солью. Давайте-ка я Вас лучше провожу домой. – Предложил Виктор Андреевич.

– Что Вы! Что Вы! – засмеялась Миронова. – Это я Вас давайте лучше провожу. А то как бы снова Шиша со своей компанией не подъехали. – Гордо выступила вперед она. – Все одно, они теперь от Вас не отстанут, пока верх не возьмут. Знаете, у нас какие драки бывают? Ого-го, стенка на стенку, и «центровские» всегда здесь главные. – Продолжала Настя.

– Ну, раз уж так, пойдёмте. Я все-таки мужчина, провожу Вас, все равно уж побьют. Рано или поздно это должно случиться. – Настаивал Петриков.

– Хорошо, Виктор Андреевич. – Согласилась Миронова. – Если только до Вашей гостиницы. Народ-то у нас деревенский, не успеете проснуться, завтра все уже будут знать, кто и с кем прогуливался, а я ведь замужем, потом каково будет, да и Вам ни к чему репутацию портить в самом начале. – Зашагала вперед она.

– Коленька! – попросила она сына идущего рядом. – Беги скорее. Заверни в улицу Жданку. – Показала она рукой на уходящую корову. – Да гони ее в загон, да ворота завяжи на проволоку и домой, а то Вовка там один, а я скоро приду. – Распорядилась Миронова, сама полагая, что разговор может затянуться, да и муж сегодня в ночную смену на заводе в городе.

– А что, Виктор Андреевич? – сбавив голос, застенчиво спросила Настя. – Где Ваша семья и почему Вы один гуляете?

– Мои пока остановились в Новосибирске, у моей матери. – Шагнув за Мироновой, спокойно начал Петриков. Как только с жильем улажу, сразу привезу всех сюда. Пацанам в школу нужно. Они у меня такого же возраста как у Вас, разница в три года. – Прикуривая сигарету, уже сквозь зубы произнес Виктор. А пока я здесь третью ночь, еще ничего не знаю. Правда, вчера главный инженер немного посвящал в местную жизнь, да что-то так скромно. – Выдохнув куда-то в сторону сигаретный дым, шагая в ногу с Мироновой, чуть касаясь ее плеча, немного сгорбившись, продолжал он.

Петриков был высокий, широкоплечий, мускулистый, крепкого телосложения мужчина с волнистыми светло-русыми волосами, зачесанными назад, стриженными под молодежную прическу месяца полтора. Волосы успели отрасти и по бокам, и сзади, да к тому же начали завиваться в маленькие колечки.

– Скуотища у Вас здесь такая, что матушку разлуку петь хочется. Даже сельский клуб закрыт. Вот как раз я оттуда и иду, да с местными не разошелся. Да и верно, сам виноват. Надо было спать ложиться. Да вот, черт возьми, погода чертовски хороша, хочется погулять, а не с кем. Теплынь-то какая, а? – сняв пиджак, разговорился Виктор, повесив его на плечо.

– Да, погода сегодня отличная. – Развязывая косынку с покрытой головы, показав свои густые волнистые рыжие волосы, поддержала его Миронова. – А вообще у нас здесь некогда скучать. – По-девичьи громко рассмеялась она, взмахнув узорчатой косынкой. – Работы очень много, да семья. Вот, огород скоро, хозяйство, да всего помаленьку. – Расстегнув болоньевый тонкий плащ синего цвета, кокетливо пропела она, обнажив в ярком лунном свете свою большую, высокую и упругую грудь, обтянутую тонкой белой трикотажной кофточкой с вышитым розовым цветочком на левой стороне. – Даже прогуляться под луной некогда. – Засмеялась она, закрыв ладонями свое лицо.

Впереди из переулка вывернула легковая машина, осветив своими фарами всю улицу.

– Ой! Это, наверное, Василий Кузьмич! Наш сосед поехал свою жену встречать в город. – Засуетилась Настя. – Виктор Андреевич, спрячьте меня, не дай Бог увидит, что я здесь гуляю с Вами, завтра вся деревня знать будет. – Не дожидаясь ответа, она прижалась к груди Петрикова и закрыла руками лицо.

Виктор, в свою очередь, накрыл ее своим пиджаком, поверх плаща, и прижал к себе, обняв ее крепко двумя руками, подыграл ей.

Зеленый Москвич медленно проехал мимо обнявшихся, отражая лунные блики от полированной поверхности чисто вымытой машины.

Немного постояв в забвении, Настя убрала руки и подняла свое лицо вверх так, что ее пухлые губы оказались непосредственно перед губами Виктора. Что-то произошло в ее организме и она, выдохнув, застыла перед ним, как мышь перед удавом. Ей было очень уютно в его объятиях, тепло и надежно. Сильные мужские руки сдавливали ее хрупкое, но сильное женское тело. И не в одной клеточке ее головного мозга не промелькнула даже искорка, чтобы отстраниться от стоящего перед ней сильного и надежного мужчины. Она сладко выдохнула, слегка открыв рот, и закрыла глаза. Никогда в жизни она не испытывала еще ничего подобного.

Вниз живота потекла какая-то горячая жидкость, и сердце стало пульсировать так, что в ушах послышался непонятный шум. Колени и сильные руки сельской женщины вдруг стали слабеть, и ее тело пронзила многочисленная короткая мелкая, но приятная дрожь. Она застыла в мгновении слабости, издавая чуть слышный непроизвольный мягкий стон. Теплое дыхание, до сего дня неизвестной женщины, Виктор почувствовал не только кожей своего лица, но и всем своим мужским телом. В один миг что-то взорвалось в его сознании. Кровь быстро нахлынула в его лицо, и он, уже совершенно не управляя собой, наклонил голову чуть ниже и непроизвольно почувствовал, что его губы коснулись чего-то загадочного и влажного, теплого и желанного. Виктор с необыкновенной жадностью и совершенно не контролируя себя стал безумно целовать влажные губы Анастасии, проводя кончиком языка по краям ее белых и ровных жемчужных зубов. Одной рукой он запутывался в ее густых рыжих волосах, другая плавно скользнула по ее упругой груди. Настя непроизвольно выгнулась всем телом вперед и обеими руками обхватила шею Виктора, выронив косынку. В ее ушах как набат тяжелого колокола звучал один и тот же вопрос: «Что вы делаете? Не надо. Нас могут увидеть». Но из груди доносились только мягкие и нежные стоны женщины, которые были слышны Виктору словами: «Возьми меня, возьми меня». Виктор не понимал, что происходит. Не обращая ни на что внимания, он был полностью пленен любовными ласками. Его руки уже полностью овладели телом Анастасии. Он чувствовал, как по всему ее телу, как стрелы предгрозовой молнии, проскальзывает мелкая дрожь. И это придавало ему новую силу и уверенность настоящего самца. Пиджак, накинутый на плечи Насти, свалился и упал на сухую прошлогоднюю траву, освободив ее тем самым. Виктор, целуя ее в губы и шею, поднял трикотажную кофточку вместе с лифчиком вверх и, наконец, почувствовал своими руками теплую и небывало упругую грудь Насти. Желтоглазая луна предательски озарила ее нагое белое тело, периодически, ярким блеском, отражаясь в ее уголках полузакрытых глаз. Виктор незамедлительно начал попеременно жадно целовать ее грудь, прикусывая твердые соски глубоко втягивая их своим ртом. Рука молниеносно скользнула под цветную юбку и, почувствовав обнаженное тело, через секунду скрылась под резинкой женских трусов. Настя протяжно выдохнула, издавая тихий стон, полностью отдавая Виктору власть над собой. Ноги уже совсем не могли ее держать, и она медленно начала опускаться вниз. Виктор почувствовал это и положил ее прямо на упавший пиджак. Рука Виктора коснулась женских волос между Настиных ног. И он одним движением сорвал с нее трусы, почувствовав горячую влажность внизу ее живота.

Стоя на коленях, он быстро расстегнул брюки и достал горячий и твердый как штык свой половой член. Через мгновение Настя почувствовала в себе что-то горячее и большое. Она совершенно не сопротивлялась этому, а наоборот, принялась помогать ему движениями своего таза в такт его движениям. Стоны вырывались все чаще и громче, все ее тело сделалось влажным и горячим, дыхание стало учащаться и... о, ужас, в глазах потемнело, и яростный взрыв во всем женском теле прокатился штормовой волной, унося за собой стыд и совесть, верность и хранение долгой тайны холодной женщины, никогда не ощущавшей ничего подобного в своей жизни. Виктор всеми клетками своего мужского организма почувствовал это. Еще несколько непроизвольных движений, и предательница Луна уже не могла удержать его. Борясь со своим организмом, он все же произнес глухой стон, изливая из себя огненную реку горячей плазмы куда-то глубоко– глубоко, освобождая свое тело.

Она совершенно не понимала, что с ней происходит. Она была во власти Луны и теплой ночи. И того сумасшедшего безумия, ее и Виктора, происходящего прямо здесь на дороге, в самом центре ее родного села. Это был ее второй мужчина в жизни.

– Господи, Господи, Господи. – Повторяла она, выдыхая теплый воздух.

– Господи, что за женщина? – про себя повторял Виктор, в такт ее дыханию.

Немного придя в себя, Виктор оглянулся вокруг и, несколько раз поцеловав лежащую в бреду и агонии Настю, быстро встал и надел брюки.

Понимая, что произошедшего уже не вернуть назад, он принялся поднимать Анастасию. Но она была глубоко в забвении. Он поправил ей задрывшуюся юбку, лифчик и кофточку, застегнул плащ. Настя находилась в полной агонии, еще несколько минут. Как только она пришла в себя, он тут же взял ее на руки и поставил рядом с уличным забором.

– Вы меня простите, Виктор Андреевич, я ничего не понимаю, что произошло. – Переполняя глаза слезами, всхлипывая прошептала Настя.

– Ничего не произошло, все в порядке. – Поднимая и отряхивая пиджак произнес Виктор, оборачиваясь по сторонам.

– Как же ничего. – Заревела Настя. – У меня весь низ огнем горит. Как же я сейчас домой. Как в глаза смотреть буду. Я ничего не понимаю.

– Успокойся, Анастасия, я говорю, все будет хорошо. – Продолжал успокаивать ее Петриков.

– А сейчас нужно успокоиться и потихоньку идти домой. Я готов в любое время встретиться, например, завтра на работе, и поговорить. Надо идти домой, тебя, наверное, уже заждались.

Настя взяла косынку и, промокнув ею мокрые от слез глаза, закивала головой, соглашаясь с Виктором.

– Вы правы, Виктор Андреевич. Я все, успокоилась. – Всхлипывая, подтвердила Настя.

Вы идите, и я пойду. Я тут рядом через пять дворов. Ступайте, пока, слава Богу, никто не увидел. – Махнула в сторону косынкой Миронова.

Петриков виновато согласился, понимая, что дальше будет только хуже, достал сигарету, извинился. Поцеловав ее в щечку, он отправился в сторону гостиницы.

Димка и Татьяна быстро и с легкостью подбежали к ожидавшим их на перроне друзьям.

– Ну что? – поправляя белый солдатский ремень, спросил Семен.

– Дозвонился своему брату? – Ожидая положительного ответа, улыбнулся Борька.

– Да, дозвонился! – взяв за руку Танюшку, ответил Димка. – Только он будет дома примерно через пару часов. Я обещал через три часа перезвонить. – Отрапортовал Дымов.

– А чо шас делать будем? – с деревенским акцентом удивленно задал вопрос Мишка Мачехин, поправляя голубой берет на затылке.

– Чо, чо, да не чо! – рассмеялся Дымов. – Сейчас едем все на Казанский вокзал, там по требованию покупаем билеты. Ну, а пока то да се, и брат уже с работы вернется. – Поднимая свой чемодан скомандовал Димка.

– Ой, мальчишки! – расплылась в ослепительной весенней улыбке рыженькая Таня. – Давайте мы покажем дорогу и поедем с вами на метро до Казанского вокзала, нам все равно по пути.

– Отлично! – поприветствовал ее Димка.

– Ура! – по-армейски подхватили ребята.

Димка быстро взял за руку Таню с красивой родинкой на верхней губе и сказал ей весело: – Сегодня ты командир, давай показывай дорогу!

Все произошло быстро и спонтанно. Татьяна даже не успела сообразить и возразить солдатскому натиску, как уже все ее новые друзья, выстроившись в колонну по двое, с чемоданами в руках тянулись боевым отделением по ступенькам вниз пешеходного перехода, спускаясь в Московский Метрополитен.

Чеканя твердым солдатским шагом, отбивая выработанный единый шаг за годы службы, ребята впервые в своей жизни прошли по Московской земле, прокатились на метро и очутились на Казанском вокзале. Крутя в разные стороны своими любопытными головами, они, наконец – то, подошли к кассам дальнего следования. Длинные змейки людской очереди встречали их с завидной улыбкой, понимая, что очередное количество военных по воинскому тре-

бованию значительно и без очереди приобретут несколько билетов и кому-то из гражданских, наверное, не хватит места на свое направление.

Ребята почти торжественно прошли в полупустую воинскую кассу и под завидные взгляды пассажиров остановились, оглядываясь вокруг.

– Так. – Протянул Дымов. – Значит, нам всем на Новосибирск. – Оглядывая всех, уточнил он. – Итак, вы пока подождите, а мы с Борькой в кассе узнаем есть ли билеты. – Ставя чемодан, кивнул он Борьке Савину.

Ребята быстрым шагом и видной солдатской выправкой поспешили к воинской кассе, заставляя повернуть головы стоящих в общей очереди гражданских пассажиров.

– А что, очень страшно воевать с немцами? – смущенно спросила Таня с рыжей шевелюрой на голове.

Все ребята дружно, как по команде, заржали на весь Казанский вокзал, держась за животы.

– Да нет, что ты, Татьяна! Даже совсем не страшно. – Изнемогая от хохота, попытался ответить Мишка Мачехин.

– Да ты не волнуйся, война давно закончилась. И мы немцев победили еще в 1945 году. А мы служили срочную службу и охраняли Ваш покой, чтобы вы мирно спали, учились и работали. – Уже успокоившись, продолжал Михаил.

– Ага! – подозрительно перебила его рыжая. – А чего же тогда у вас у всех столько орден-нов? – с детским недоумением и полной серьезностью спросила она.

– Извините, Танечка! – вмешался в разговор Юрка Зелин. – Это не ордена. Это воинские значки, которые мы действительно заслужили за два года.

– Да, да! – с визгом крикнула Таня с родинкой. – Они Вам так всем к лицу, Вы такие красивые, что всех расцеловать хочется! – она с восторгом захлопала в ладоши.

Шум хлопков и заразительного визга девушки разлетелся под своды купола билетной кассы Казанского вокзала. Ребята обернулись и увидели, что все пассажиры вместе с кассирами смотрят в их сторону и улыбаются. Ребята застыли в оцепенении не понимая, почему им уделяется столько внимания.

Обстановку разрядил подошедший наряд милиции.

– Здравия желаю, капитан милиции Веселков! – милиционер козырнул правой рукой под висок и попросил предъявить документы.

Ребята автоматически вытянулись в ровные струны и молниеносно, как по команде, отдали воинскую честь, одновременно поздоровавшись со старшим по званию.

– Ну что, солдатики? – иронично начал проверять документы капитан. – Чего так шумим в общественном месте? Откуда и куда следуем? – взяв первый военный билет и проездные документы Сереги Ларина, медленно перелистывая их, протяжно на высоком тоне и противным голосом, поправляя за козырек засаленную форменную фуражку, пропел милиционер.

Ребята быстро обступили милицейский наряд, и, взяв в плотное кольцо, зашумели как бабы на базаре.

– Товарищ капитан! – протяжно, как запевала роты, вытянул долговязый Мишка Мачехин. Да мы на «дембель» едем в Сибирь из Германии. У нас все в порядке с документами. Сейчас билеты возьмем, в вагон и ту-ту, прощай Москва! – улыбаясь продолжал Мишка.

– Разберемся! – с прищуром продолжал листать проездные документы капитан.

А если надо, то в раз в участок, а там и ваших военных пригласим. Небось знаете, что такое воинский патруль из комендатуры. Там в раз поснимают всю Вашу «бюжютерию». – Как-то по «ехидному», захихикал капитан. А пока встаньте-ка в рядок, служивые. А мы разберемся. – Капитан кивнул на своего помощника сержанта.

Сержант наряда милиции быстро занял боевую позицию справа, и положил правую руку на кобуру табельного пистолета.

– Что случилось? В чем дело, товарищ капитан? – как вороны налетели Димка Дымов и Борька Савин.

– Мы все вместе следуем из одной части, группы Советских Войск из Германии, по демобилизации к месту жительства в Сибирь, а точнее в Новосибирск. – Отчеканил как на параде Дымов.

Димка еще совсем недавно, а точнее пять месяцев назад, за отличную боевую и политическую подготовку был награжден Почетной грамотой от Командования группировки войск и ценным подарком в виде карманных часов немецкого производства, под названием «Ruchla», самим Начальником штаба второй танковой Армии, генералом Слямовым. А самое главное, ему – Димке Дымову, простому мальчишке из Сибирской Алтайской деревни Верх-Катунское, за проявленную смекалку на боевых учениях, дали десятидневный отпуск с выездом на Родину, не считая дороги. Вот тогда-то Димка и узнал огромные просторы и Величие Советского Союза, проехав на поезде от самого Берлина до глубокой Сибири. Он раньше кроме тайги и малых Сибирских городков ничего и не видел. Отец Димки был геологом, и они всей семьей постоянно переезжали куда-то дальше и дальше, по необжитым и глухим местам. А здесь весь мир сразу раскинулся перед Димкиными глазами. И ему, порой, не хватало дыхания и даже самого тела, чтобы вместить в своем сознании все увиденное из окон следующего поезда, огромных полей и рек, лесов и гор, малых деревень и необъятных городов с изумительными перронами и вокзалами, где тысячи и тысячи куда-то бегущих людей, таких же, как и сам Димка. Но это уже было не кино в сельском клубе, это была настоящая и живая правда. Да, именно тогда Димка стал на целую жизнь взрослее. В свои девятнадцать лет он полностью понял и осознал, что он является частью всей этой невероятной жизненной круговерти. Что без него не может вообще быть никакой жизни на Земле. И он радовался этому бытию, бескрайне и по-настоящему.

– Ишь ты, каков орел! – пропел ехидно капитан. – Смотри-ка, еще один голубок с неба пожаловал. Вот, по истине, настоящие десантники, ничего не скажешь. – Наконец-то подобрел капитан. – А ну-ка, солдатик, предъяви свои документы! – капитан придиричливо остановил Димку.

Димка расстегнул третью пуговицу на дембельском кителе и привычно сунул руку в левый карман. И тут произошло что-то очень и очень страшное и непонятное. Не обнаружив в своем кармане ничего, сердце у Дымова почти остановилось, и улыбка невинности застыла на его лице. Булавы пульса с грохотом ударяли по его вискам, и сильные натренированные солдатские ноги начали неметь и проседать. Время практически остановилось.

– Документики, документики! – протяжным звонким голосом требовал капитан. —Товарищ солдат, я повторяю, предъявите документы! – уже чуть властно и с повышенным тоном приказал капитан милиции.

– А-а... нету документиков-то! – тихонько выдохнул Димка. – Ой, а где ж документы-то? Димка начал обшаривать себя по карманам.

– Да только что были здесь! – он виновато начал осматривать своих сослуживцев и оправдываться перед милиционерами.

– Ребята, кто взял мои документы? Ну ладно уже разыгрывать, это уже не смешно!

– Та-ак! – протянул капитан. – Значит, нет документов? Тогда попрошу пройти со мной в местное отделение милиции! – капитан торжественно козырнул правой рукой и кивнул своему сержанту.

Сержант незамедлительно скомандовал: «Попрошу всех пройти в опорный пункт милиции, для дальнейшего выяснения личностей».

Ребята, покорно переглядываясь и удивленно играя мимикой на лице, взяв свои разукрашенные «дембельские» чемоданы, направились за нудным капитаном.

Стоявшие в недоумении подружки-девчонки, дружно заверещали: «Ребята! И мы с Вами»!

Пока все дружно шагали по кулуарам Казанского вокзала, Димка тщательно вспоминал каждое свое движение, каждый миг, и каждый шаг. Где же он мог оставить свои документы. Ведь он растяпой никогда не был. Он был всегда собран и ответственен. Даже указывал на внимательность своему другу Борьке – у того всегда в голове был кавардак. Таня, с родинкой, шагала рядом с Димкой и все время уверенно успокаивала его.

– Не переживай, все найдется. Никуда твои документы не денутся. Ну, на крайний случай я позвоню папе, и он все уладит. – Бесконечно тараторила Таня.

Димка начинал нервничать. Он не хотел впутывать в эту ситуацию местных девушек. Да и ему было как-то неловко, неудобно и стыдно за себя. Ему казалось, что его лицо наливается кровью, и к горлу подступает какой-то ватный ком. Ему трудно дышать и стыд молотом в ушах бесконечно стучит набатом: «Позор, позор».

И тут Мишка Мачехин разрядил обстановку.

– Димка! – вскрикнул Мачехин. – А может ты оставил документы в телефонной будке, когда звонил брату? Вспомни хорошо.

У Димки в один миг в голове прокрутилась вся видеопленка прошлого момента, когда он вместе с москвичкой Таней бегал звонить брату по городскому телефону-автомату. И он отчетливо вспомнил, как доставал из внутреннего кармана солдатского кителя записную книжку. И когда он доставал записную книжку, то вытащил все проездные документы и военный билет. А чтобы быстро найти нужный номер, Димка положил сверху, на телефон-автомат, все свои документы. А когда закончил разговор и повесил трубку, то на радостях забыл про свои документы, и они с Таней побежали к друзьям. «Все верно, – думал Димка, – все мои документы сейчас лежат именно там, на телефонном аппарате». И он с радостью, совершенно по-детски взвизгнул.

– Товарищ капитан! Я вспомнил. – Кричал радостный Дымов. – Мои документы лежат на телефонном аппарате у входа в станцию метро.

– Разберемся! – вышагивая важной походкой, как победитель, идущий с поля битвы, торжественно пропел капитан. – Вот сейчас доставим всех в участок и разберемся, что вы за птицы такие. – Разглаживая свои усы, продолжал капитан.

– Дима! – обратилась Таня с родинкой к Димке. – Давайте сделаем так. Пока вы там будете разбираться, я вернусь туда и заберу документы, если они еще лежат на месте. Ну, в общем, даже если их там нет, я обязательно вернусь. Нельзя терять ни минуты. – Продолжала брать на себя инициативу красивая девушка.

Димка быстро сообразил, что к чему, и согласился с девушкой. И Таня подбежала к впереди идущему капитану милиции и спросила, куда он их всех ведет, и показала свой паспорт с московской пропиской. Довольный, улыбающийся капитан убедительно дал знать девушке, что граждан, у которых с документами все в порядке, они не задерживают. А у кого нет документов, или есть какие-то неточности, тех доставляют для дальнейших выяснений в местное отделение милиции. Таня поблагодарила капитана и, взяв свою подругу, быстро скрылась в толпе пассажиров Казанского вокзала.

Ребята дружно вошли в узкое помещение местного отделения милиции и, поставив чемоданы на пол, уселись на длинную скамейку, обтянутую коричневым дерматином.

– Ну, что! Закуривайте солдатики! – победным голосом, торжественно произнес капитан. – А я пока буду проверять ваши документики. Да заодно и Военную комендатуру вызовем. Все как положено. – Усаживаясь за стол дежурной части, продолжал капитан.

Ничего не оставалось, и ребята дружно закурили армейские сигареты, выдыхая клубы дыма вверх как по команде, надеясь, что сейчас все образуется.

Петухов очень нервничал весь оставшийся отрезок дня, да и весь вечер и всю ночь плохо спал. То и дело до самого утра просыпался и подолгу сидел на краю кровати. Сам себе накапывал в стакан с водой капли корвалола, и, выпив положенную дозу, долго морщился, да сквозь зубы цедил заученную речь перед выступлением в Москве. Страшные мысли роem пчел кружились в его голове. Сердце стучало часто и неровно, и тем провоцировало хозяина на новые мысли. Один вопрос не сходил с его языка, и он полупшепотом постоянно повторял его: «Что же будет, что же будет?». Вытирая уже влажным полотенцем свой распаренный от волнения широкий лоб и прелую лысину, далеко слизавшую редкие волосы ниже макушки.

Время до встречи в ЦК тянулось долгой и гремучей змеей, которая постоянно норовила укусить своими ядовитыми минутами за грязные мысли Петухова.

– Товарищ Петухов! – не поднимая взгляда от стола, командным голосом произнесла секретарша в приемной Секретаря ЦК. – Входите, Вас ждут. – Указав пронзительным взглядом, через широкие стекла очков, на массивную дверь кабинета.

Андрей Иванович еще раз достал из бокового кармана нового костюма носовой платок и вытер покрасневший лоб. Сердце еще сильнее било тревогу, а ноги становились ватными. Собрав все силы, Петухов невнятно произнес «спасибо» и, открыв тяжелую дверь, шагнул в кабинет Секретаря Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза.

– А, товарищ Петухов! Андрей Иванович! – увидев входящего и снимая очки твердо, но обаятельно, произнес Секретарь ЦК Логинов. – Милости просим, завсегда рады Сибирякам. Как долетели Андрей Иванович? – Логинов вышел из-за стола и крепким рукопожатием встретил Петухова.

– Да, спасибо огромное, Николай Николаевич! Наша гражданская Авиация лучшая в Мире. – Быстро сориентировался Петухов.

– Не успел сесть в самолет, и вот уже у Вас в кабинете. – Улыбаясь, подыскивал нужную ноту Андрей Иванович.

– Ну, насчет гражданской Авиации, ты действительно прав, Андрей Иванович! Что есть, то есть. Да, мы на первых показателях в Мире. – Продолжал чествовать дальнего гостя Логинов. – А вот военная Авиация, и вообще все вооружение, у нас стоит не только на первом месте, а мы даже ушли далеко вперед от всех, кто пытается нам противостоять. Советская Армия – самая сильная Армия в Мире! – продолжал, улыбаясь, выбрасывать фразы похожие на лозунги Логинов.

– А теперь к делу. – Усаживая прибывшего за стол для встреч, поменял тон Секретарь ЦК. – Андрей Иванович, как Вы знаете, обстановка в мире очень и очень серьезная. – Присев напротив Петухова, начал Логинов. – Есть решение ЦК КПСС через территорию Алтайского края ввести главные части Советской Армии, под видом учений, в Монгольскую Народную Республику. – Продолжал уверенно Логинов. – А так как железной дороги с данной страной у нас нет, все войска пойдут своим маршем до места боевых действий. А это значит, – Логинов подошел к стене и открыл кулисы приготовленной карты. – А это значит, что от последней железнодорожной станции города Бийска Алтайского края, войска должны пройти беспрепятственно более пятисот километров до места назначения и провести тактические учения.

– Ваша задача. – Логинов властно взглянул в глаза Петухову.

– Андрей Иванович, Центральный Комитет Партии возлагает на Вас огромную и Важную Государственную задачу: обеспечить беспрепятственный проход войск по Чуйскому тракту со всеми вытекающими отсюда последствиями. А для того, чтобы Вам было все хорошо понятно и в деталях, я пригласил специально для нашей встречи первого заместителя начальника штаба Вооруженных Сил. – Логинов подошел к столу и нажал кнопку на селекторе.

Через мгновение в кабинете стоял генерал армии и докладывал о своем прибытии. Логинов представил Петухову заместителя начальника штаба и попросил отнестись к этому очень серьезно, сказав, что задача не требует отлагательств и выполнять ее нужно немедленно.

Наковальня, на которую еще мгновение назад взволнованно и позорно опускался сердечный молот Петухова, стала звенеть не так громко и звонко, как перед входом в кабинет. Конечно же, Петухов был ошарашен таким поворотом событий. Он знал свой регион и очень хорошо умел работать. Для него решения Партии были самым главным приоритетом в жизни. Он уже давно и полностью был отдан верхним идеалам и нестигаемому духу Коммунистической Партии. Все было хорошо и патриотично внутри Андрея Ивановича, но вот одна невидимая деталь сжирала его изнутри, как старая крыса. Нет, это была совершенно не крыса ревности, и даже не любовь безответная. Это было мощное тщеславие, которое он прятал всю жизнь где-то глубоко под своим трепетным сердцем. И сердце, имея такую грязную ношу, постоянно проявлялось в нарушении ритма и резкой тупой болью. Но сам Петухов не мог с собою ничего поделаться, когда видел или ощущал выгоду. Нет, не ту выгоду, что определялась деньгами, а ту выгоду, от которой кружится голова, когда звучат медные трубы и льются дифирамбы в его адрес в виде очередного ордена или других Государственных премий и наград. И, чтобы в очередной раз получить очередное назначение или награду, Петухов был согласен на все. Он уже тайно готовил для центра очередной шедевр своей трудовой деятельности. И вот, очередная слава, в виде очередного ордена «Трудового Красного Знамени», а то и еще чего в виде «Звезды Героя Социалистического труда», сама идет к нему в руки.

Петухов растянулся в улыбке вечной славы. Глаза его налились сверкающим блеском, и грудь увеличилась в размере для принятия очередной награды.

– Что с Вами? – удивленно спросил Логинов. – Андрей Иванович, Вам плохо?

– Нет, что Вы, Николай Николаевич! – приходя в свое сознания, встрепнулся Петухов. – Мне даже очень хорошо. Посмотрите какая красивая весна за окном, а в Москве она особенно хороша. – Начинал льстить Петухов. – А у нас в Сибири каков запах, а! – Петухов от удовольствия закрыл глаза и всем телом почувствовал приход весны даже в кабинете секретаря Центрального Комитета Партии Советского Союза. – А то, может быть, и к нам заглянете на пару денечков на Алтай, а Николай Николаевич? – с прищуром позволил себе задать хитрый вопрос Петухов зная, что Логинов несомненный любитель хорошей природы, а тем более природного застолья после хорошей охоты. А у него, у Петухова, в горах Алтая такие хозяйства: там тебе и охота, и рыбалка, и отдых на высшем уровне, и вообще всего-всего, как в сказке у царя Салтана. Главное, чтобы он клюнул. А уж мы-то его встретим по полной программе. И напоим и накормим. И отдохнет от всей души. И здоровье поправит. Глядишь, и нам хорошо будет. И нас не забудут и вспомнят когда надо добрым словом.

– Да! Отдохнуть пару денечков, не помешало бы. – Оборвал мысли Петухова секретарь ЦК. – Но сейчас не время. Обстановка в мире очень напряженная. И у нас стоят очень важные задачи. И одна из главных задач сегодня возлагается на Вас, Андрей Иванович. Вы войдите в суть дела, во всю сложившуюся ситуацию. – Логинов подошел к окну и привычно открыл его. Свежий столичный воздух ворвался в просторный кабинет секретаря ЦК.

– Вы понимаете, Андрей Иванович! – продолжал Логинов, вглядываясь вдаль московских улиц.

– Завтра будет объявлена полная мобилизация всех уволенных в запас военнослужащих. И вашего Алтайского Края в том числе. Это значит, что каждый четвертый мужик, стоящий на учете в военкомате, будет призван в строй и одет в военную полевую форму. А это значит, что у заводов и фабрик, у колхозов и совхозов не будет хватать рабочих рук. А Вам, Андрей Иванович, – Логинов повернулся к Петухову и с каменным лицом Вождя пролетариата утвердительно продолжил. – Вам, Андрей Иванович, нужно организовать и обеспечить полный проход Советских Войск в Монголию. Обеспечить полный порядок на данном участке. Оказать помощь Военному Комиссару в мобилизации граждан. И самое главное, чтобы все заводы и фабрики работали на полную мощность, и ни шагу не отступили от поставленного плана. – Логинов подошел к своему столу и уселся в рабочее кресло. – Вот за это все я лично с Вас

спрошу, товарищ Петухов. – Секретарь поднял остро заточенный карандаш и еле заметно пригрозил Петухову.

– А вот когда мы с тобой выполним поставленную задачу нашей любимой Партии, вот тогда возможно и удастся на денек-другой в горы, да на рыбалку. – Логинов чуть заметно улыбнулся, и Петухов достал носовой платок из кармана и вытер вспотевший широкий лоб.

– Не беспокойтесь, товарищ секретарь ЦК. Уверю Вас, мы справимся с поставленной задачей и выполним ее, какая бы она трудная не была. – Петухов рапортовал уверенным голосом, понимая, что перед ним сейчас ставится самая главная политическая задача, и ее выполнение во многом зависит и от него лично. Конечно же, это была не инициатива Петухова. Это было гораздо выше. Само руководство Партии и первые лица Советского Союза доверяют ему, тому самому Петухову, вчерашнему сибирскому мальчишке, сыну простого крестьянина, который вот уже более двадцати лет усердно идет по скользким ступенькам Коммунистической партии вверх. И всегда ему способствует удача, которая вытаскивает его за уши из разных политических канав и буераков, причем всегда сухим и чистеньким. Того самого Петухова, у которого очень слабое сердце и порой не хватает духа для принятия простых решений. Именно ему еще совсем недавно было доверено управлять и руководить огромной территорией нового строящегося Советского Государства. Да, конечно же, он был готов к любому назначению и к любой задаче, поставленной любимой Партией, но все же ему иногда казалось, что будто бы над ним подшучивают. А когда он начинает что-то делать, то ему кажется, что за ним всегда наблюдают как будто из-за угла или откуда-то сверху, как когда-то за ним подглядывали сельские мальчишки, когда он уединялся один в далеком детстве. А потом, когда у него что-то не получалось, они выбегали и дразнили его «Петька – Петух, Петька ловит только мух». А бывало, что еще и наподдают. И он убегал на конюшню и, спрятавшись, долго-долго ревел навзрыд. Еще тогда он дал себе клятву отомстить всем, даже неважно кому, но всем, грозя в узкую щель между толстых жердей конюшни, вытаскивая грязные детские кулаки из соломы, поочередно вытирая ими горькие слезы. И вот сейчас он, первый секретарь Крайкома Партии Алтайского края, стоит здесь, в кабинете секретаря ЦК КПСС в Москве, и ему доверяют уже в который раз самые важные участки нашего государства. А тех деревенских пацанов уже давно нет в живых. Видели бы они сейчас, каким он стал, тот маленький и хрупкий Андрейка Петухов, постоянно хлюпающий и вытирающий горькие слезы от несправедливой обиды.

Петухов вышел из здания и вздохнул полной грудью весеннего московского воздуха. Привычно поправив теплый шарф, он сел на переднее сидение в черную волгу.

Ночь показалась Петрикову невыносимо бесконечной. Он всячески пытался заснуть, но мысли серыми крысами из разных щелей его сознания непрерывно просачивались в голову в виде ярких картинок прошлого. Отрывками кадров он воспроизводил прошлую встречу с Настей. Периодически вскакивая с железной кровати с деревянными спинками, жадно закуривая сигарету, Петриков начинал, не замечая для себя, задавать вслух самому себе бесконечно глупые вопросы.

– Как же так? Я совершенно не хотел этого делать! Почему? Какая женщина! – восклицательно ловил себя на мысли Петриков.

Выкуривая очередную порцию крепкого табака, пытался заснуть Виктор Андреевич. Но каждый раз, укрывшись с головой, он начинал представлять прошлую сцену. Петрикову непроизвольно рисовалось в сознании лицо Насти в лунном свете, а самое главное, запах ее губ и всего тела. Этот запах никак не выветривался из его обоняния. Даже у его жены, которую он так крепко любил, которая родила ему двух желанных сыновей, и которая была несравненно красивей Насти, и привлекательней во всех смыслах жизни, но у нее не было такого запаха тела, как у Насти, который переворачивает сознание и отключает все жизненные инстинкты. Да, именно этот запах, который исходил от Настиного тела, именно он не давал уснуть ни на минуту Петрикову. Перебирая мысленно все ее изъяны и не находя ничего

такого, за что можно было бы ему зацепиться в привлекательном плане, Петриков начал ловить себя на мысли, что это произошло совершенно случайно, и больше он таких глупых ошибок не повторит. Хотя он был еще тем ходяком, но чтобы вот так, на улице и посреди деревни, да на голой земле, такого еще у него не случалось.

– Завтра, да, именно завтра я увижу ее на работе. Увижу, какая она некрасивая и обычная деревенская баба, и все мои мысли улетят прочь. – Успокаивал себя Петриков, в очередной раз, пытаясь хоть на мгновение заснуть. – И все-таки, какая женщина эта Настя! – закрывая глаза, вторил себе Петриков. – Анастасия!!!

Анастасия весь вечер до самой ночи провозилась с хозяйством и потом еще целый час мылась в бане, пытаясь смыть с себя уличный позор, произошедший с ней и новым управляющим фермой Петриковым. Не зная, что ей теперь делать и как быть вообще, она сидела на деревянной скамейке в бане совершенно голая, то и дело выливая себе на низ живота очередную порцию горячей воды, черпая ее из медного тазика. Она выливала на себя воду и вновь намыливала бархатным мылом то место, в котором она недавно, впервые в жизни, испытала огонь и взрыв всего ее тела. Да, ей хотелось повторение того, что вдруг так молниеносно сразило ее, и она провалилась в бездну непонятного, и в то же время такого милого, страстного и желанно-приятного чувства.

Но воспитанное многими уставами и укладами Советского общества, идеями Партии и семейной ячейки, подсознание с биением ее женского сердца, с ужасом повторяло в ее мыслях самое грязное слово, всего одно лишь слово «ПОЗОР».

– Какой позор, какая же я блядь! – с ужасом твердила себе под нос Настя, смывая в очередной раз мыло с низа живота. Ей казалось, что ее тело до сих пор бьется в электрических конвульсиях. И от этих конвульсий Настя получает приятное наслаждение, подкрепляя прошлыми воспоминаниями, увеличивая женский рефлекс настоящей полноценной жизни.

– Это что же такое, как же я буду теперь мужу-то в глаза смотреть? – перебивая свои искренние мысли, ругала себя Миронова, то и дело вспоминая пришедшее к ней совсем недавно невероятное яркое и умопомрачительное внутреннее чувство.

– Ой, Господи, у меня же еще мальчишки не кормленные! – спохватилась Настя, в очередной раз намыливая себя. Она непроизвольно повторяла это действие несколько раз, не понимая, что весь ее уже немолодой организм хочет и готов еще раз ощутить невероятный взрыв и потоки лавы наслаждений, тех наслаждений, о которых она даже и не думала, и не знала. И никто, и никогда не говорил с ней об этих чувствах. И даже ее любимый муж Толик, которого она обожала и любила как мужа, как отца своих детей, даже он, когда был близок с ней в супружеском ложе или где-то еще, никогда не говорил с ней об этом. Он не то, чтобы не говорил, он просто сопел и очень быстро заканчивал свои мужские действия, но такого чувства у нее никогда не было. Ей как-то даже было противно и пошло этим заниматься. Ей больше нравилось бывать с мужем на покосе, заниматься хозяйством, чтобы был всегда и везде порядок. Ей хотелось всегда работать так, чтобы все, увидев ее работу, просто ахнули. И говорили бы все: «Вот какая умница и молодец эта Настенька. Всегда у нее порядок, и дома, и на работе. А работа у нее, всегда спорится». И ей казалось, что вот она самая настоящая женская счастливая доля. И больше ей ничего и не нужно. Все у нее уже есть: и дети, и муж любимый, и дом, и огород, и хозяйство, и любимая работа, где все ее уважают, и она уже давно ходит в переделках. А здесь как гром среди ясного неба произошло невероятное и необъяснимое с ней, и внутри ее.

Настя под такие мысли, незаметно для себя, одной рукой медленно поглаживала себя по тому месту, где еще совсем недавно случилась эта самая невероятность. И ей было приятно трогать себя и поглаживать по запретным, но уже набухшим местам главного ее полового женского органа. Складки ее половых губ уже набухли, как почки на весенних деревьях, и при каждом нежном прикосновении готовы были распусться, как лепестки утренней розы, окон-

чательно созревая к полудню, раскрывая свой невероятно красивый бутон, при этом выделяя тонкий аромат, который может уловить только тот, перед кем этот бутон раскрывается.

Нежно поливая себя горячей водой и лаская пальцами свой телесный распутившийся бутон настоящей любви, Настя запрокинула голову назад, открыв рот, тихонечко застонала. Ей становилось необъяснимо приятно. И она все сильнее и трепетней продолжала ласкать и тереть низ живота. Тусклый свет маленькой электрической лампочки еле-еле пробивался сквозь узенькую щель ее чуть приоткрытых глаз. Тело вновь наполнялось внутренней энергией, которая подступала из самых неизвестных глубин ее организма. Оно непроизвольно начинало выгибаться и вздрагивать, и вся ее чистая и белая, покрытая смешными конопушками кожа, покрывалась мурашками стыда и страсти. Таинственная мелкая дрожь холодной волной прокатилась с головы до ног. Настя отдавалась сама себе. Она начала жадно глотать горячий банный воздух. Внутренний огонь ядерным взрывом разлетелся по всему ее телу сверху вниз, унося куда-то далеко раскаленные потоки извергающейся лавы беспощадного огня, который только что настоящим образом взорвал и подарил ей новую и неизведанную жизнь. Глаза ее были все еще закрытыми, но она видела где-то внутри себя образ и лицо того самого человека, который совсем недавно дал ей почувствовать эту самую новую внутреннюю жизнь настоящей женщины.

Настя тихонечко выдохнула и произнесла, совершенно не задумываясь:

– О Господи, Виктор Андреевич!

Она откинулась на деревянную стенку бани, даже не заметив того, что стенка была очень горячая. Положив руки на живот, Настя обмякла. Только ее сильные бедра оставались в жутком напряжении. Весь низ живота пульсировал невероятной страстью. Ей казалось, что ее душа вот-вот сейчас выскочит из ее тела горячей жидкостью, и разольется безбрежным океаном красочных фейерверков по всему бескрайнему сознанию таинственного волшебства неизведанного ей мира. Мгновения ярких внутренних вспышек заставляли ее тело непривычно вздрагивать и вытягиваться в такт извержения внутреннего вулкана страстей. Пальцы ее крепких от физической работы рук, сильно сжимали основание внутренней части бедер и низа живота, как будто пытались удержать стальной хваткой и не дать раскрыться главным вратам, и выплеснуть наружу весь этот поток нескончаемой женской страсти, скрывающейся в глубинах ее мироздания долгие годы холодного благополучия семейной жизни. И в неравной схватке неподвластного и неведомого ей боя Настя была полностью повержена, ослабляя сильные руки, взвизгивая непривычным голосом, она затихала, полностью отключив свое сознание от насущных проблем прошлой жизни.

Ночь опустилась на Землю покрывалом миллионов звездных мотыльков, окружающих огромное горнило безликой янтарной луны. Переливами своих мерцаний, как огромные водоплавающие, небесные звезды пытались потушить мятежный пожар, проливая весеннюю прохладу через открытые двери и окна Настиного сознания. И яростный огонь медленно отступал, освобождая занятые позиции после внезапного вторжения. Раскаленная железная печка небольшой деревенской бани медленно угасала, оставляя в своей пасти серый пепел сибирской древесины. Стрелки часов, с честью закончив бесконечный бег по кругу, медленно и устало перевалились за полночь, начиная отчет нового времени, отправив пылиться на полках памяти историю ушедшего дня. Тяжелыми и усталыми свинцовыми ресницами закрывались глаза сельских жителей, отдавая их во власть внутреннего подсознания.

Настя чувствовала себя в раю. Все ее мысли были в ярко-розовом цвете, и они никакими завитушками не цеплялись за бытовые и жизненные проблемы. Наступила полная тишина, только сердце глухим звуком отбивало учащенный такт телесных курантов. Ее душа и тело впервые в жизни нашли общий компромисс, и теперь уже единый организм пребывал в эйфории блаженства.

За железной дверцей небольшой самодельной печки звучно потрескивали березовые дрова. Печь была сварена из разных листов, привезенных Анатолием с завода, где он приобрел их за бутылку беленькой у знакомых охранников на проходной, и сам, как смог, сварочным аппаратом сладил в баню новую печку. Правда, труба была немного низковата, и тяга была не очень, да и сама крохотная дверца закрывалась неплотно и оставляла большую щель, из которой валил густой дым, когда начинали топить баню. Но потом Настя проветривала помещение, и начинали мыться всей семьей. Толстые березовые дрова еще не успели полностью сгореть, и угарный газ постепенно заполнил маленькое помещение, унося Настино сознание куда-то далеко в неизвестность.

Райское наслаждение увлеченной тайными играми женщины прервал внезапно своим громким и затяжным лаем Мухтар, сидевший во дворе на цепи. Он попытался порвать свою стальную цепь и кого-то загрызть, отстаивая вверенную ему территорию для охраны.

Миронова встрепелась и быстро пришла в сознание.

– Кто еще там? – как-то неуклюже сама себе задала вопрос вслух Настя. – Кого еще черт принес? – Настя попыталась встать со скамейки, но ноги ее были какими-то ватными и она, не ощутив в них опору, оступилась и повалилась на пол, столкнув медный тазик. Раздался металлический грохот. Старый таз, подпрыгивая на деревянном полу, исполнив свой неуклюжий танец, закатился и успокоился под полком.

– Да что же это такое? – не понимая, что произошло, сквозь зубы прошипела Миронова. Она с трудом начала подниматься, оперевшись двумя руками на скамейку. Ноги ее затекли и онемели. Настя только чувствовала неприятное покалывание от самых бедер до мизинцев. Голова сделалась как «чугунная емкость», в которой обычно варят еду в русской печи. Испуг, слабость, головная боль и позор разрывали Миронову на части во все стороны, не давая ей подняться на ноги. Мухтар с яростью лаял. Казалось, что он вот-вот кого-то разорвет в клочья. Миронова громко выматерилась и с усилием все же встала на ноги, на голое тело набросив старенький халат, и поторопилась выйти из бани. Свежий весенний воздух вперемешку с лунным светом, как позорная пощечина, ударили по конопатому и бессовестному лицу Мироновой. Настя распахнула дверь и на мгновение застыла от удивления, увидев эту картину. Мухтар изо всех сил рвался, заливаясь громким и злым лаем, прямо на нее, как будто хотел предостеречь и предупредить ее от неминуемой гибели. Чуйка преданной дворовой собаки была безошибочной. Настя всегда брала с собой Мухтара, когда ходила искать потерявшуюся корову. И он всегда помогал ей и находил пропажу. Это была очень умная и понимающая человека собака, как будто она была в своей собачьей шкуре обыкновенным человеком. Даже лаяла как-то по особому, как будто разговаривала. А когда кто-то из хозяев разговаривал, Мухтар внимательно слушал. И никто его этому не учил и не тренировал. А все произошло случайно. Когда-то Настя ходила встречать своих подворных коров, и к ней прибился этот пес. Так и прибежал к ней домой. Сколько они его не отгоняли, он все равно остался у них. Сначала жил за забором, а затем Анатолий сладил ему новую собачью будку и посадил на цепь.

Мухтар, увидев Настю, громко заскулил и лег на землю, безудержно виляя хвостом. На крыльце в одних трусах стоял Колька и хныкал, размазывая маленькими, в ссадинах, кулаками горькие слезы по всему лицу, не понимая, что происходит. Миронова почувствовала, как кровь заливает ее лицо. Ей было необъяснимо стыдно и ужасно. Она напрягла в себе все силы и быстро схватила на руки сына. И виновато, жалея, начала целовать Кольку в обе щеки, спрашивая его: – Коленка, сыночек! Что случилось? Тебя Мухтар укусил? Покажи где? – Настя принялась осматривать и ощупывать под горящей над крыльцом электрической лампочкой Кольку. Колька, почувствовав такую трепетную и теплую любовь и заботу матери, расплакался еще сильнее. Только преданный Мухтар, видя такую картину своими собачьими глазами, лежал на земле, прижав виновато свои большие уши, радостно взвизгивал. Миронова обхватила Кольку в охапку и быстро забежала в дом. В комнате она еще несколько раз осмотрела

сына и убедившись, что с ним все в порядке, положила его на кровать. Колька понемногу начал успокаиваться и, всхлипывая, наконец-то выдал из себя первые слова: – Мама, ты где была? Мухтар так сильно лаял, я проснулся и очень испугался. А тебя все нет и нет. Я тебе кричал, кричал... ты где была, мама? – Колька снова заревел, уткнувшись в подушку. Настя принялась целовать Кольку, тихо поглаживая его по голове и приговаривала: – Ну что ты, сынок, я же сначала управлялась, а потом затопила баньку и пошла помыться. Очень уж сегодня устала. А ты давай не плачь. Я дома, вон и Витька спит как сурок, а ты разревелся как девчонка. Ты же у меня сильный мужик, как папка наш.

– Ага! – всхлипывал Колька, успокоившись тем, что мама была рядом.

Вообще такое случалось очень редко. Настя была очень строгой, хоть и любила своих сыновей больше жизни. Но чтобы вот так, распускать нюни, она не давала никому, ни старшему Витьке, ни Кольке, и даже мужу Анатолию, когда у того что-то не получалось из-за каких-либо причин, и он начинал психовать и нервничать. А она, одним только намеком, всегда приводила всех в чувство и в нужное русло. Для нее главным приоритетом был порядок и работа, да так, чтобы все видели и завидовали. Настя продолжала гладить Кольку по вихрастой голове, и он потихонечку засыпал, еще долго инстинктивно всхлипывая, отходя от недавнего испуга. При каждом таком детском всхлипе Настя наклонялась и нежно целовала Кольку в лоб, приговаривая: – Спи, Коленька, спи сыночек, спи родненький! – А сама вновь погружалась в свои тайные раздумья. Что-то тянуло ее и манило куда-то за пределы обыденности к познанию нового. Она снова зацепилась мыслью о своем вечернем происшествии. И ей стало так тепло и приятно. Но вот мысль перескочила на ее действие в бане, и кровь залила ее щеки. Ей даже показалось, что Колька все видел в маленькое окошко. Мироновой становилось невыносимо стыдно. Она аккуратно убрала свою руку из под Колькиной головы и, положив его поудобнее, еще раз поцеловала уже крепко спящего и тихонечко вышла из комнаты, поправив одеяло на Колькиной кровати.

Запахнув потеплее свой старенький халат, Настя вышла во двор. Мухтар, который еще совсем недавно злостно лаял на всю деревню, лежал на земле, вытянув передние лапы вперед, положив на них свою голову и тихо скулил, чуть виляя пушистым хвостом. Не смея поднять своей головы перед властной хозяйкой, он виновато водил из стороны в сторону своими черными глазами, как бы прося прощение за его неправильные действия.

– Мухтар! Ты чего разлаялся? Что случилось? – Миронова подошла к собаке и присела на корточки. Мухтар, гремя тяжелой цепью не вставая на лапы, медленно подполз к ней и еще сильнее виляя хвостом начал лизать ее ноги. – Ну что ты, дурашка. Да что случилось? – теребя за ушами собаку, спрашивала Миронова. И тут она вспомнила, как муж Анатолий говорил ей, чтобы она проветривала баню перед тем как пойти мыться, иначе из-за угарного газа можно уснуть и умереть. Настя представила себе такую картину и в ужасе поняла: только что ей спасла жизнь обыкновенная дворовая собака. И если бы Мухтар не почувствовал бы беды и не залаял так громко, лежала бы сейчас она на банной скамейке бездыханная и самое главное голая и в самом позорном виде. Настя представила себе на миг такую картину и от ужаса встрепенулась так, что мурашки пробежали по всему ее телу.

– Мухтарка, ох, Мухтарка! – начала трепать собаку Миронова. – Вы посмотрите, вот это собака так собака. Всем собакам собака. – Ты же только что спас мне жизнь! Ты всех нас отвел от большой беды! – Миронова наклонилась и по-матерински, как Кольку, поцеловала собаку в лоб. Мухтар преданно заскулил, как будто понимая то, что она сказала. Он поднялся и лизнул ее своим горячим языком по лицу, сел и, открыв огромную пасть, громко начал дышать.

– Спасибо тебе, спасибо, мой хороший, Мухтар! Спасибо тебе мой спаситель! – Настя прижала голову собаки к своей груди и вспомнила лицо Петрикова. Еще совсем недавно, она сама точно так же, как сейчас ее собака Мухтар, прижималась к груди незнакомого ей управляющего фермой номер четыре. И ей было так приятно и хорошо. Казалось, вот так и просто-

яла бы всю вечность, прижавшись к той самой теплой и сильной мужской груди, в которой громким набатом стучало огромное и горячее сердце, как бы предвещающая, что жизнь только начинается. И все, что было у нее в мыслях и планах на эту поставленную жизнь, рухнет одним махом, как простой картонный домик. И что она, Настя, войдет в совершенно другую реку, реку любви, радости, славы, обмана и коварства. Но это будет позже, а сейчас она стояла на самом пороге этой самой новой жизни, открыв тяжелую дверь страстных желаний и безумства. Ей непременно хотелось сделать твердый шаг и убрать все преграды собственной совести и неопределенности. Она почувствовала, что даже Мухтар, ее сторожевой пес, смог помочь ей встать на этот путь и уйти от страшного наказания суровой и позорной смерти. Настя поднялась и полной женской грудью вздохнула прохладного весеннего воздуха, запрокинув голову вверх. Только тяжелая желтая Луна, прячась уже где-то за дальний горизонт, подозрительно, безмолвно и с таинственной насмешкой, улыбалась, освещая тусклым небесным светом, ее мокрые волнистые волосы, которые от такого света становились еще краше и немного наливались каштаном. Проказница, сделав свое коварное дело, медленно и заманчиво катилась к небосклону, прячась в спящих деревьях, готовых вот-вот проснуться от зимней спячки и одеть на себя, красивые платья зеленой листвы. Настя на мгновение застыла с полной грудью весеннего воздуха. Стояла жуткая тишина. Очень отчетливо было слышно, как безумная Катунь, со злостью грызла обрывистый берег, пряча в своих ледяных водах тысячи тон песка и разного грунта, обвалившегося в темноте с высокого берега. Она стояла с запрокинутой головой и вглядывалась далеко в млечный путь, где своим мерцанием улыбались ей миллионы и миллиарды одиноких, синих и холодных звезд. Вроде бы они были все вместе и очень даже рядом, но разум подсказывал ей, что каждая из них, находится очень далеко друг от друга. Что-то вспомнив из школьной Астрономии, чего она так и не могла понять, что такое настоящие звезды и вообще, что такое космос, украдкой для себя подумала, что они все равно должны соединяться или хотя бы прикасаться друг с другом. Иначе, зачем все это есть в жизни. Больше не выдерживая держать в себе воздух, Настя громко выдохнула. Мухтар жалостно и виновато, положил свою голову на резиновые колоши Мироновой, и, наблюдая за ней тихонечко покусывал.

– Вот так то, Мухтарка! – Миронова вновь потрепала собаку за ухом. – А жизнь, оказывается, очень интересная. Ты посмотри, сколько звезд на небе! Красота-то какая, а! А вот ты сидишь здесь на цепи. А ну, давай, беги, погуляй. – Настя одним движением руки расстегнула ременной ошейник и отпустила своего спасителя на волю. – Беги, Мухтарка, да смотри не балуй. Никого не трогай. А я утром рано тебя привяжу. – Настя запахнула халат и поправила растрепавшуюся копну густых, рыжих, еще мокрых, волос. Еще раз взглянула в бесконечное звездное небо, перевела взгляд на уплывающий диск огромной луны и закрыла за собой входную дверь, шагнув в избу.

Приведя себя в порядок, взглянув несколько раз в маленькое настольное зеркальце, Настя нырнула с головой под пуховое одеяло. Ей не хотелось думать о прошлой жизни. Она даже не вспомнила, что только сейчас плакал от испуга ее младший сын Колька. Ее вообще ничего не волновало, только образ Петрикова не выходил у нее из головы. Мысли начали полностью опутывать ее голову и маленькими отрывками демонстрировать невпопад перед ее глазами разные картинки. Она начала как в далеком детстве мечтать и представлять себе, что будет с ней, если будет что-то по-другому. Настя, не высовывая голову из-под теплого одеяла, представляла разные варианты завтрашней встречи с Петриковым на ферме. Ей думалось, что он тоже сейчас не спит и ворочается, как медведь на узенькой кровати, в маленьком гостиничном номере.

– И о чем он сейчас думает? А может он вообще не думает ни о чем. Наверное, он просто спокойно спит, ведь завтра рано нужно на работу, а он тем более управляющий. Ему нужно

обязательно выспаться. Да и кто я такая, чтобы он обо мне думал. Ну, получилось так, и что? – задавала себе вопрос Миронова, теребя густые и еще мокрые волосы под одеялом.

– Да! – вздохнула Настя, положив ладонь под упругую грудь. – Вот это мужик, так мужик. Не то, что мой, слюняй! Да нет! – подумала Миронова. – У меня Толик что надо. Хороший и работающий мужик. Вон и сыновья у нас, какие хорошие. И дом у нас замечательный, и скотина есть, и на мотоцикл копим. Да не нужно ему этим заниматься! – пыталась успокоить себя Миронова.

Настя начала ворочаться в кровати, переворачиваясь поочередно то на один бок, то на другой. Чем больше она начинала думать о том, что нужно завтра рано вставать, тем больше в ее голове взлетало и роилось бесконечное полчище цветных мыслей, которые, как тараканы, выползали из всех щелей. Колька с Витькой дружно посапывали, нарушая ночную тишину. Настя выглянула из-под одеяла и увидела, что за окном цвет из черного, начинает меняться на темно фиолетовый. А это значит, что время неумолимо движется вперед, и ей уже сегодня не заснуть. Она лежала на спине с широко раскрытыми глазами. И, попав под череду своих мыслей, уже не могла остановиться. Перед глазами мелькало все: и прошлое, и настоящее. Только будущее никак не поддавалось в ее представлении, наверное, потому что не было у нее ничего подобного. И поэтому она никак не могла себе представить ту новую картину, в которой она увидела бы себя вместе с новым в ее жизни человеком, который так яростно ворвался в ее душу и дал ей то, что она не испытывала до сего дня и не понимала.

Димка очень сильно переживал. Он понимал, что вся радость и веселье его долгожданного дембеля рухнули в один раз. Что теперь будет он даже и представить себе не мог. Только думал о том, что вот сейчас приедет московский военный патруль из комендатуры, и его одного увезут, да посадят на «Губу» до выяснения обстоятельств. А сколько времени они будут выяснять эти обстоятельства, одному черту известно. И как он мог оставить эти документы в телефонной будке, Димка не находил никакого ответа. Только маленькая надежда теплилась в его мыслях. Вот сейчас Таня со своей подружкой быстро доберутся до этой злополучной будки и возьмут те самые Димкины документы, лежащие на самом аппарате. Он боялся, что этого не произойдет, и ему придется еще долго находиться под стражей, пока не сделают определенные запросы в воинскую часть, а это одним днем не делается. Да какие еще чудеса могут с ним приключиться, пока он будет дожидаться хороших вестей по его запросам. А далеко в Сибири, со дня на день его ждала самая любимая, и самая очаровательная девушка Галя. Они познакомились и подружились еще в школе. Сначала у Димки с Галей была настоящая детская дружба, но незаметно с их взрослением эта дружба переросла в крепкую любовь. Два года Димка переписывался с Галей, отправляя по два или даже три письма в неделю. Все у них получалось складно. Они даже решили, что когда Димка вернется из Армии, сразу сыграют свадьбу. И родители, и все друзья уже ждали этого события. Но вот теперь все может измениться на неопределенный срок. И как это все будет выглядеть в глазах Галины, совершенно непонятно.

Ребята дружно пускали дым прямо в дежурной части. Капитан Веселков разрешил десантникам закурить, пока он проверяет их же документы. В дежурной части опорного пункта затянулась на какое-то время безмолвная пауза. Ребята не хотели разочаровывать Димку, зная, что ему сейчас не совсем сладко. А помочь они ничем не могли, разве что поддержать его добрым словом, да и этого капитан Веселков запрещал делать, ссылаясь на то, что очень мешают ему. Димка начинал погружаться в психологический транс в своих мыслях. Как молот в ушах у него звучали слова: – Надо что-то делать! Надо что-то делась! Телефонный звонок в дежурной части разорвал затянувшуюся напряженную обстановку.

– Капитан Веселков слушает! – сняв телефонную трубку, улыбаясь в густые усы, привычно отрапортовал Веселков. – Да, да! Так точно! – привстав со стула и надвигая засаленную форменную фуражку с затылка на лоб, отчеканил капитан. —Так точно, все восемь, здесь

у меня в дежурной части. Проверка документов, товарищ генерал-лейтенант. – Вытянувшись в струну, продолжал докладывать Веселков.

Ребята, услышав такой доклад Веселкова, удивленно переглянулись, понимая, что речь идет именно о них. Быстро потушив свои тлеющие сигареты, они тоже встали, не осознавая, что уже демобилизовались и едут к местам проживания.

– Слушаюсь, товарищ генерал-лейтенант! – выпалил Веселков. – Все будет исполнено! Есть! Так точно, товарищ генерал-лейтенант! – капитан дрожащей рукой положил на телефонный аппарат переговорную трубку. Он спешно достал из бокового кармана носовой платок, и, не меняя позы вытянутой струны, вытер вспотевший лоб. Глаза Веселкова были слегка затуманены. Он еще какое-то время пребывал в самом настоящем шоке. Никто из присутствующих в дежурной комнате не посмел и шелохнуться. Все находились в тревожном ожидании.

– Это ж надо! Сам Генерал! – доставая из стола запечатанную пачку «Столичных», подняв указательный палец левой руки вверх, выдохнул Веселков. Спешно открывая свежую, для особого случая пачку сигарет, Веселков вышел из-за стола и предложил ребятам закурить столичных сигарет. – А ну, солдатики, угощайтесь! Москва – она, брат, гостеприимная. Москва – она, брат, Столица наша, Матушка наша родная. – Почти вприсядку, капитан раздавал сигареты десанникам. – А то курите какую-то махорку. Понимаешь, весь кабинет задымили. – Капитан недоумевал, как нужно вести себя с этими ребятами. Кто они такие. И почему позвонил в дежурку сам генерал из главного управления КГБ. Это хорошо, что еще он ничего здесь не наговорил, а поступил, как положено по Уставу, и не наломал дров.

– Звонили из главного управления! – начал заикаться Веселков. – Так что о Ваших подвигах уже там знают. Просили подождать. За Вами сейчас приедут. – Веселков с чувством выполненного долга выдохнул и как бы освободился от ответственности.

Ребята удивленно переглянулись, не понимая, что происходит.

– О каких подвигах, товарищ капитан! – вскочил Димка Дымов. – Никаких подвигов мы не совершали. Мы просто следуем все вместе из одной части по демобилизации домой в Сибирь. Да, вот действительно лично я оставил на радостях, что дозвонился до брата, свои документы в телефонной будке у станции метро. Их нужно просто пойти и забрать. Вот и все. И никаких подвигов. – Обретя крепкую уверенность в себе, пошел в наступление Дымов. – А ребята вообще ни при чем. У них с документами все в полном порядке. Их вообще нужно отпустить. А я сам за себя отвечаю. – Димка с силой затушил подаренную капитаном столичную сигарету, придавив ее в большой железной пепельнице, до краев набитой окурками. Ребята шагнули все вместе за Димкой и подошли вплотную к письменному столу, взяв своим присутствием капитана в полукруг.

– Так-так! – испуганно затараторил Веселков, понимая, что силы совершенно неравные, и все равно ему придется отвечать, при любом раскладе вытекающих действий. Он хотел уже закричать и позвать наряд из соседней комнаты, как вдруг в дверь постучали и вошли четверо в штатском.

– Здравствуйте! – все вошедшие культурно поздоровались. Веселкову показалось, что все вошедшие были братьями-близнецами. Он много лет проработал в органах милиции. Ситуаций было разных немало, но с такой он встречался впервые. Перед ним стояли четверо рослых, под два метра, молодых парней, в одинаковых черных костюмах, коротко подстриженных под полубокс и все как один в одинаковых черных от солнца очках. Веселков сразу понял, что это не просто прохожие или пассажиры, едущие транзитом через Казанский вокзал.

– Да-да. Здравствуйте! – улыбаясь сквозь усы, облегченно выдохнул Веселков, понимая, что из одной ситуации, навалившейся с десанниками, он аккуратно вышел за счет пришедших из ниоткуда четверых в штатском. Но вот как будет развиваться дальнейшая ситуация, он пока не мог себе предположить.

– Товарищ капитан! – обратился один из четырех вошедших, снимая темные очки.

– Вам недавно звонили из главного управления. – Продолжал подходить к столу молодой человек в черном костюме. Остальные трое остались у входной двери и рассредоточились на расстоянии друг от друга. – Вам звонили по поводу этих молодых бойцов. – Настоятельно и спокойно говорил вошедший.

– Так точно, звонили... сам!

– Так вот, мы прибыли именно за ними! – оборвал на полуслове капитана человек в черном. Он подошел к столу и спокойно сам взял со стола разложенные аккуратно все документы дембелей.

Веселков снова вытянулся в длинную струну и протянул самым противным голосом:

– Я не возражаю, только здесь восемь человек, а документов всего семь.

– Не волнуйтесь. Доложите своему начальству все как есть, а мы уж сами во всем разберемся. – Чуть улыбнувшись закончил диалог человек в черном. Он повернулся к дембелям и четко скомандовал:

– Внимание! Всем взять свои вещи и следовать строго моим указаниям! Следовать за нами до определенной команды. Выполнять! – пересчитав всех по головам, и сверив фотографии в военных билетах, спросил. – А кто здесь Дымов?

Димка вытянулся по стойке смирно и выпалил: – Я Дымов!

– Ну вот и хорошо! – в удовлетворении улыбнулся человек в черном. – Тогда все в сборе, следуйте за мной! – он шагнул первый и все пошли за ним.

У Димки холодок пробежал по всему телу и спрятался где-то глубоко в пятках, прикрываясь армейскими сапогами, начищенными до блеска. Все ребята, выстроившись в отделение по два, точно так же, недоумевая, шагали вслед за неизвестными людьми в штатском. Вынырнув из метро, ребята увидели, что у парадного подъезда их ждали три новеньких черных автомобиля, марки «Волга».

Старший сопровождающий быстро рассадил всех дембелей по машинам, и черный таинственный «эскорт» двинулся в неизвестном направлении. Димка сидел в первой машине на заднем сидении рядом с Борькой и Мишкой. Ехали всю дорогу молча, только изредка переглядывались друг на друга. Столица неожиданно показала свое настоящее лицо. Она открылась для Димкиных глаз совершенно с другой стороны. Это была совсем не та Москва, какую видел Димка, где были сплошные железнодорожные станции, вокзалы, билетные кассы с огромными очередями и переполненные залы ожидания. Сидя в шикарной новенькой черной «Волге» на заднем сиденье, Димка с раскрытым ртом крутил головой в разные стороны, восхищаясь архитектурой огромных высотных домов и широких проспектов. Перекрестки незнакомых улиц и необъятные площади мелькали за окнами летящего по проспекту автомобиля. Всюду, куда не повернуть голову, горели ярким пламенем красные флаги и транспаранты с надписью «МИР, ТРУД, МАЙ!». Весна алым кумачом твердо шагала по самому главному городу Советского Союза. Димка даже на мгновение представил, как он спускается на парашюте в самую кипучую массу ярко-красных транспарантов и сливается в единое красное море, лишь только голубой берет на его голове мелькает, как мизерная точка на красном ковре весенних цветущих маков, свитых тонкими нитями из героических жизней разных Советских людей, отдавших свою жизнь для того, чтобы жили другие поколения. Борька и Мишка то и дело локтями подталкивали Димку в бок и молча кивали, широко улыбаясь, по сторонам. А Димка, позабыв про свою беду, как мальчишка расплывался в счастливой улыбке, совершенно не похожей на ту серьезную солдатскую улыбку, которая была в нем уже давно закалена боевым характером и армейскими подвигами.

«Вот это красотища! – с восклицанием думал Димка. – Вот это размах. Это ж надо! ЭХ!» – и слов более совершенно не хватало, чтобы подчеркнуть восхищение увиденного. Конечно же, это была не сибирская деревня в далекой тайге и не областной город, которые Димка, конечно же, видел в своей жизни. Да и не германские города со своими остроконеч-

ными крышами и флюгерами, костёлами и каменными брусчатками. Здесь был настоящий размах: по-нашему, по-русски, именно так, как хотелось душе. И чтобы при виде этого всего, обязательно вырывалось слово «ЭХ»! Так и получилось, Димка, глядя на всю эту рукотворную красоту, непроизвольно вслух выдохнул:

– ЭХ! – и тут же напугался своего неожиданного голоса. Он как будто очнулся от зимней спячки или упал со сказочных небес на обетованную и грешную землю. В этот момент автомобиль остановился у высотного здания на какой-то площади, где стоял огромных размеров человеческий памятник.

– Вот и приехали! – с ироничной улыбкой произнес сопровождающий в штатском, сидевший на переднем сиденье.

– Выходим по одному. Не разбегаемся. Забираем свои вещи из багажника. Строимся в колонну по два и следуем за мной. – Отчеканил человек в черном костюме. Ребята как по команде выскочили из автомобиля и забрали свои «дембельские» чемоданы. Димка увидел, что следом за ними подъехали еще две «Волги», в которых находились остальные ребята. Они так же вышли из машин и, получив свои вещи, выстроились в колонну по два. Через мгновение человек в черном, пересчитав всех по головам, дал команду «Шагом марш», и они по привычке зашагали, чуть ли не строевым шагом. Подойдя к огромной и массивной двери, Дымов увидел большую табличку с надписью: «КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР». У Димки все закружилось в голове. Он еще хотел оглянуться и посмотреть по сторонам, уж очень все было красиво вокруг, но страшная мысль о неизвестности будоражила его голову, как червяк точил яблоко, сидя глубоко в солдатских мозгах. Еще мгновение, и вся молодая гвардия в ярко-красочной форме скрылась за тяжелой дверью огромного здания. Чеканя шаг по широким коридорам незнакомого учреждения, Димка отрывками начал вспоминать все то, что он когда-либо слышал о КГБ. И страх, и ужас холодным комом подступали к его горлу. Это был не сон. Это было то самое Главное здание, откуда неслись молнией разные приказы во все стороны нашей необъятной Родины, да и далеко за рубеж, где только могли находиться верные солдаты данного учреждения. Димка шагал и с ужасом понимал, что когда-то в далекие тридцатые годы, именно из этого здания были отправлены приказы в далекую Сибирь, в результате которых были репрессированы, расстреляны и высланы за пределы своих селений тысячи и тысячи мирных советских граждан. Он это знал не понаслышке. Вот так когда-то были репрессированы и высланы в Томскую область, в глухую тайгу, все Димкины родственники по линии отца. Сам отец очень мало об этом рассказывал, не хотел ворошить прошлое, и вообще не хотел, чтобы дети знали об этом. Только иногда об этом рассказывала мама, Валентина Павловна, когда отец уезжал в длительные командировки, а они собирались на кухне и стряпали пельмени, и мама рассказывала про отца невероятные истории. А теперь Димка шагает по главным коридорам этого самого злополучного здания, куда-то в страшную неизвестность. Ребята, тоже шагая в едином строю, думали о какой-то невероятной ошибке всего происходящего, но с уверенной надеждой, что все обойдется, и они благополучно доберутся до дома. Вылавливая разные мысли из неизвестных коридоров, по которым за свою бытность прошли тысячи разных людей, поднимаясь по широким лестницам с тяжелыми перилами, ребята не заметили, как подошли к широкой двери какого-то кабинета. Сопровождающий остановил шагающее отделение демобилизованных десантников и, проинструктировав всех, скрылся за тяжелой дверью, чтобы доложить о прибытии. Ребята немного потоптались перед дверью кабинета, подмигивая друг другу, поправляя форменную одежду, понимая, что сейчас будет очень важная встреча, которая состоится не для награждений за солдатские заслуги, а скорее всего, будет неприятный разговор. Но они точно знали, что они ничего плохого не совершали, а то, что Димка потерял документы, за это точно не расстреливают и в тюрьму не сажают. Но переживание усиливалось от непонятной неизвестности. А спросить у трех оставшихся гражданских лиц в черных костюмах все же не хватало смело-

сти, хоть они всем видом и показывали гордыню десантной души говоря о том, что нам синее море поклоено. И какая бы не случилась ситуация, ребята были готовы все как один, будучи уже на дембеле, кинуться в бой, пусть самый не равный и горячий, главное, чтобы знать за что. Дверь кабинета распахнулась, и их попросили войти. Настроившись внутренне, подбадривая разными знаками друг друга, ребята твердым шагом вошли в просторный кабинет. Димка, как виновник данного торжества, шагнул первым. В глубине зашторенной темной материей комнаты, за огромным письменным столом, склонившись над какими-то бумагами, сидел широкоплечий человек в очках лет сорока пяти, с большими залысинами на лбу. Старший из сопровождающих в гражданской одежде доложил четко, но не громко.

– Товарищ генерал-лейтенант, задержанные доставлены. – Не дожидаясь ответа, подошел к столу и положил, изъятые у ребят капитаном Веселковым, документы на стол. И, развернувшись, удалился из кабинета. Сидящий за письменным столом полутемного кабинета мужчина в темном костюме и галстук, не поднимая глаз, поблагодарил докладчика, сказав ему совсем просто:

– Спасибо, Серёжа. Занимайтесь по плану.

После чего, сняв очки, рукой указал на стулья, стоявшие вдоль стенки кабинета.

– Присаживайтесь, ребята! А то устали, небось. – Спокойным домашним голосом ослабил пацанов генерал. Ребята неторопливо и, не ожидая такого приема, тихонечко расселись в один ряд.

– А кто тут Дымов? – подняв глаза, так же спокойно спросил он.

– Я, товарищ генерал-лейтенант! – как ошпаренный подскочил Димка, все еще не понимая, почему все его спрашивают, как будто он только что совершил самый настоящий подвиг. Как будто он стал первым космонавтом, или еще чего-нибудь.

– Так вот ты какой, Дмитрий Дымов! – вставая из-за огромного письменного стола, улыbnувшись, продолжил генерал в штатском. – Ну настоящий орел! Гордость нашей любимой страны! – выдвинув ящик письменного стола и достав оттуда какие-то документы, так, с иронией, пошутил генерал.

Димкино сердце начало колотиться как футбольный мячик, когда в футбол играет целая свора деревенских мальчишек. Генерал сам подошел к Дымову и, вручая ему документы, спросил:

– Это, твой?

Димка как-то неумело взял знакомые ему документы, посмотрел, повертел их в руках и, убедившись, что это его самые настоящие документы, потерянные совсем недавно в телефонной будке, сейчас находятся здесь, в кабинете неизвестного генерала, который вручает сам, собственной персоной, ему, Димке, который еще минуту назад не знал о чем думать. Радость разлилась по Димкиному лицу красной краской. Дыхание сбилось, и он только смог сказать на придыхании:

– Спасибо, товарищ генерал-лейтенант! Но как? – Димка все же сумел задать вопрос.

Генерал, улыбаясь, подошел к внутренней двери другого кабинета и, открыв ее, кого-то пригласил.

– Это спасибо не мне, это спасибо вот им! – показывая на открытую дверь, засмеялся генерал.

Из внутренней комнаты, как бабочки, запорхнули две до боли знакомые подружки Татьяны, с которыми они сначала познакомились, а потом расстались совсем недавно там, на железнодорожном вокзале. А теперь они обе находятся именно здесь у генерала КГБ в кабинете. Столько необъяснимых событий, и все за один день, никак не укладывались в сознании Димки. Он только произвольно развел руками.

– Ой, Димочка! – девчонки, выбежав из внутренней комнаты, наперебой затараторили, как сороки, и повисли на Димкиной шее, с двух сторон целуя его в щеки.

– Ой, Димочка! Как здорово все получилось. – Не умолкая продолжали девчонки, как будто они были знакомы с Димкой целую вечность.

Ребята сидели в ровном ряду на казенных стульях генеральского кабинета и ничего не могли понять.

– Представляешь! – начала Таня с родинкой на губе. – Мы только вышли из метро и сразу побежали к телефонной будке. А всю дорогу мы держали за тебя кулаки. Зашли в будку, а документы твои лежат себе на том самом месте и тебя ждут. – Жадно глотая воздух, как рыба вытасченная из пруда, торопилась рассказать Таня. – Ну, а раз уж они нашлись, тогда я уже из этого же телефона автомата позвонила папе и все ему рассказала, а он позвонил в отделение милиции и отправил туда своих помощников. И вот как все здорово получилось, мы снова встретились, и документы нашлись, и все хорошо. – Таня еще раз поцеловала Димку в левую щечку и добавила:

– А вот мой папа, познакомьтесь, пожалуйста. – Таня указала рукой на генерала, стоявшего у письменного стола.

У Димки в голове все смешалось: и радость от найденных документов, и какой-то озноб, и гордость за себя и за своих друзей. А самое главное, он никак не ожидал увидеть именно здесь тех самых девчонок, которых они повстречали на перроне вокзала. И что все получилось именно так. И что теперь делать, он не мог даже предположить. Но было ясно, что за потерянные проездные документы и военный билет в тюрьму его здесь не посадят. И что это то самое главное здание, из которого когда-то летели во все уголки земли страшные приказы, от которых страдали сотни тысяч человек, а сейчас оказывается совершенно не такое уж страшное. И люди, работающие здесь, очень даже приветливые и настоящие. Они выполняют свой долг перед Родиной и, наверное, если бы Димка служил здесь, он бы тоже выполнял это самый долг с честью, потому что он не умел по-другому. А по-другому и не могло быть. Он очень любил свою Родину, правда о ней он знал только из рассказов, учебников и из фильмов по телевизору. Но однажды он проехал на поезде половину страны, от самой Европы до Алтайского края. Он видел своими глазами огромные просторы, леса и поля, горы и нескончаемые сибирские болота и равнины. А уж как он любил свою деревню со своими домами, улицами и переулками, где Димка прожил все детство и юность, где учился в школе и откуда уходил служить в Советскую армию, это, наверное, невозможно передать словами. Для этого нужен особый случай для разговора, который может занять не один день общения и рассказов всей жизни и бытия до боли родных сельчан. Пусть даже не совсем родных, но очень знакомых и близких, со своими жизненными укладами и причудами, добротой и трудолюбием. А как же он бы смог забыть свою красавицу Катунь, которую он полюбил еще с самого детства всей душой. Он почти каждый день пропадал на своей любимой реке. Она просто завораживала его своим неповторимым видом, мощными потоками воды в разветвленных протоках, огибающих множество малых и больших островов, пропадающих в неподвижных лесах с кристально чистой водой и взрывающимися в сумасшедшие бурные перекаты, где ее воды выдирают со дна любые камни и уносят их за сотню километров, выстилая всё новые подводные мостовые и лабиринты. Димка любил сидя на берегу разговаривать с непокорной рекой, и ему казалось, что она отвечала ему взаимностью, хоть и была изменчива каждый день. Практически каждый день он приходил на берег и обнаруживал, что она сегодня течет как-то по-особому, совершенно не так как это было вчера, что-то менялось: либо течение усиливалось, либо цвет воды становился другим, либо вообще не было того места, где вчера сидел Димка у самой воды. Своим коварством она показывала ему, что не подвластна никому, и с ней нужно держаться на безопасном расстоянии. Димка понимал это, но все равно каждый день приходил и разговаривал с ней, опуская свои ладошки в ледниковую холодную воду, приговаривая:

– Ну, здравствуй, милая. Опять холодная, когда же ты уже согреешься. Вот держи мои ладони, они хоть немного тебя согреют.

И подержав немного свои ладони в воде, ему казалось, что она становилась ласковее и чуточку теплее. Димка начинал улыбаться и приговаривать:

– Вот видишь, сегодня немножко потеплее. Дай-ка я тебя поцелую!

Он набирал полные ладони бурлящей воды из протоки, подносил ее к своему лицу и нежно целовал. Потом возвращал воду обратно в протоку, а уж только потом вновь брал ее в свои горячие ладони и умывал лицо, какая бы ни была погода. Ему захотелось прямо сейчас убежать к своей коварной любовнице и, скинув дембельский берет, крикнуть: «Я вернулся!», упасть в ее бушующие воды. И так, лёжа на спине, распластав в разные стороны руки и ноги, запрокинув голову, отдаться своей любимой реке и, чувствуя ее обжигающие струи невероятного течения, скользить по выпирающей бирюзовой глади в полную неизвестность, глядя в безоблачное небо, туда, где следит за всем происходящим яркое обжигающее солнце.

Димка умиленно ухмыльнулся, и улыбка растеклась по всему лицу. И теперь, после того как все обдумалось и встало на свои места, даже тяжелые виды зашторенного плотной тканью кабинета, в котором возможно решались судьбы многих людей, показались Димке совершенно нормальными и чем-то даже привлекательными. Молнией киноплёночных кадров в его сознании пронеслись воображаемые отрывки каких-то фильмов, где в застенках НКВД расстреливают предателей и изменников Родины. Но, вспомнив своего отца, Димка представил как ему и всем его родственникам было не сладко в далекие тридцатые годы. А ведь могло быть все по-другому, если бы вот отсюда не летели страшные приказы. Тогда возможно Димка увидел бы в живых своего деда и бабушку, которых он никогда не видел в жизни, ведь даже на фотографиях их никогда не показывали. Димка непроизвольно сжал до боли свои челюсти. Нет, ему не хотелось какой-то мести, он не был зол. Ему было как-то по-детски неудобно и больно. Больно от того, что он сам ничего не мог исправить в прошлой жизни, только натренированные за годы службы сильные кулаки непроизвольно сжимались, потрескивая в суставах.

– Значит, следуете на постоянное место жительства после демобилизации из рядов Советской Армии! – уверенным и монотонным голосом оборвал Димкины мысли генерал.

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант! – ответил натренированной солдатской выправкой Дымов.

– Согласно приказа Министра обороны Советского Союза о демобилизации, следуем по воинским требованиям из Группы Советских Войск из Германии к дому! – отчеканил Димка. – За время следования до Казанского вокзала города Москвы никаких происшествий не случилось, за исключением этого! – Димка, отдавая честь, немного смутился из-за стыда, потому что он сам был во всем виноват. – Виноват, товарищ генерал-лейтенант! – добавил уверенности в докладе Дымов.

– Вот это доклад! Молодцы! – улыбнулся генерал. – Я тут про вас уже все знаю. И про вашу службу мне уже все доложили. Так что спасибо можете сказать вот этим девушкам. – Генерал кивнул в сторону двух подруг. – Молодцы! Уважаю вашу службу и наши Десантные войска. Не раз они выручали в трудную минуту всю страну. Бравые ребята. За Вашу доблестную службу отдельное спасибо лично от меня! – генерал подошел и всем поочередно крепко пожал руку, вернув изъятые в милиции документы.

– А что, ребята! – вернувшись за свой письменный стол, который был обит зеленым сукном, на котором по центру с холодным лицом, отлитым из бронзы, стояла скульптура самого Дзержинского, продолжил генерал. – Службу в Советской армии вы закончили. А вот не хотели бы еще нашей Родине послужить? – и пронзительно окинул взглядом стоящих солдат.

– Это как же, послужить? – удивился Мишка Мачехин. Он непроизвольно посмотрел на своих ребят.

– Да все очень просто. – Взяв простой карандаш, продолжил генерал. — Я Вам предлагаю пойти на службу в нашу систему КГБ. Вот прямо с завтрашнего дня определим Вас на спецучебу. Думаю, медицинскую комиссию Вы все пройдете. Ребята все сильные и крепкие, тем

более друзья и земляки – сибиряки. Для начала поживете в спец общежитии, закончите ВУЗ и по распределению во все стороны света, куда Родина откомандирует. Вот такое у меня к Вам предложение. – Генерал, улыбаясь, как будто он был с пацанами знаком не один десяток лет, одним глазом подмигнул ребятам. – Ну что, согласны? – поторапливая с ответом, начал нажимать генерал.

– Папа, ну ты опять за свою работу. Я же попросила мне помочь, а ты за свое. Ну, какая учеба, какое общежитие? Ты посмотри, мальчишки два года дома не были! Они же живут одной надеждой увидеть своих родных и близких. – Внезапно затараторила генеральская дочка. – Они же еще совсем мальчишки и хотят мороженого, и погулять по Москве! Может они больше никогда сюда не приедут. Правильно, мальчишки? – Танечка подбежала к Димке и взяла его за руку. – А еще, у Димы брат в Москве живет. Вот он ему и звонил из телефона автомата. Поэтому и оставил там документы. А теперь брат его сидит, наверное, и переживает, что же случилось, почему же Дима не звонит? – Таня подбежала к генералу и, теребя его за рукав пиджака, завопила:

– Папочка, милый! Разреши Диме позвонить своему брату прям отсюда из кабинета. Он же волнуется, наверное, места себе не найдет.

– Таня, что за напасти такие? – улыбнулся Танин папа. – Я же не против. Конечно же, пусть позвонит. – Подмигнул дочери генерал. – А ну, Дима, давай набирай номер своего брата, вот с этого телефона. – Кивнул на письменный стол генерал.

Димка, ошарашенный таким раскладом всех сегодняшних событий, уже ничему не удивлялся. Он зачем-то строевым шагом подошел к письменному столу, чеканя шаг по красной ковровой дорожке, приложил руку к виску и соблюдая субординацию, попросил разрешения на один звонок по городу Москве своему двоюродному брату.

– Давай, давай! – подбодрил его генерал. – Вот садись сюда, прямо на мое место, и вот с этого аппарата можешь звонить своему брату. А мы пока с Таней пойдем в другую комнату и не будем вам мешать. – Освобождая место за письменным столом, добавил генерал.

Димка быстро уселся за генеральский стол и на мгновение замер. Он только сейчас обратил внимание, что письменный стол был невероятных размеров. Он был большой и весь из какого-то чудесного красивого дерева. Ножки стола были массивными и резными. Каждый выдвижной ящик был диковинно обработан каким-то хорошим мастером. Крышка стола по краям была обработана резными рисунками, а остальная часть была покрыта зеленым бархатным сукном. Все вещи, находившиеся на столе, казались Димке очень ценными и дорогими. А с левой стороны, как минометная батарея, расположились несколько телефонных аппаратов, на дисках которых было изображение главного Герба Советского Союза.

Димка кивнул ребятам и поднял большой палец правой руки вверх. Это означало, что все в полном порядке. Быстро открыл записную книжку и аккуратно, сняв телефонную трубку с указанного аппарата, спокойно набрал городской номер.

Длинный гудок приятно ласкал ухо. «Значит, не занят номер», подумал Димка. Вдруг, где-то совсем рядом, что-то щелкнуло, и в трубке раздался мужской голос.

– Алло, говорите, пожалуйста! Дымов слушает.

– Алё, Алё! Здравствуй брат! – Димка перехватил воздух. – Это я, Димка Дымов. Я сегодня звонил Вам. Я тут проездом из Армии. – Начал зачем-то прижимать ближе телефонную трубку и кричать в нее Димка.

– А, нашелся потерявшийся! – с удовлетворением ответил Димкин брат. – А мы уже не знаем что, и думать. Ты где находишься и какие у тебя планы? Если у тебя есть время задержаться в Москве, то я тебя встречу там, где ты сейчас находишься. – Андрей быстро сориентировался понимая, что с Димкой все в порядке.

– Да у меня все в полном порядке. Понимаешь, я тут не один, а с друзьями Сибиряками. Мы вместе едем домой. – Быстро отчеканил Димка. – Билеты еще пока не купили, так что

можно на денек задержаться. – Димка расплылся в счастливой улыбке, подмигнув своим друзьям, как бы спрашивая их, что они не возражают на денек задержаться в Москве.

– Ну, тогда диктуй адрес, и я приеду за вами. – Старший Дымов взял карандаш и приготовился записывать адрес.

– А мы тут, в самом главном здании КГБ Советского Союза. – Произнес торжественно Димка.

– Не понял! – удивился Андрей. – А что Вы там делаете? Как Вы туда попали? – с настороженным испугом спросил старший Дымов.

– Да, это очень долго рассказывать. Но если сможешь, приезжай прямо сюда. Здесь и встретимся. Я тебе потом все объясню. – Димка еще раз кивнул своим друзьям.

– Я все понял. Ждите меня на углу здания, я знаю где это находится и буду через пятнадцать минут. – Быстро сориентировался Андрей. Повесив трубку, он тут же выскочил из комнаты своего общежития и помчался на станцию метро.

– Ну что, встретит тебя твой брат? – услышав окончание Димкиного разговора по телефону, выходя из внутренней комнаты, спросил генерал.

– Ой, спасибо Вам, товарищ генерал-лейтенант за все. Да, конечно же, встретит. Через пятнадцать минут он будет уже здесь. Он у меня хороший. Когда-то он отслужил срочную в Москве и остался жить и работать после Армии здесь. Получил общежитие и работает шофером, развозит по Москве хлеб. – С гордостью рассказал Димка.

– Хлеб говоришь? Это очень хорошо. – Немного задумался генерал. – Ну тогда я Вас более задерживать не буду, идите встречайтесь со своим братом. Скажу только, что мое предложение остается в силе. Нам действительно очень нужны хорошие и надежные ребята. А если надумаете, то вот я написал здесь номера своих телефонов. И если решите, то не бойся и не стесняйся, сразу же позвони. – Генерал протянул Димке аккуратно свернутый листок.

– Ой, папа! – подбежала его дочь Татьяна. – А можно мы проводим ребят, ну пожалуйста! – расплылась в улыбке, показав свои красивые и ровные зубы, захлопала в ладоши генеральская дочка.

– Да, конечно! – согласился генерал, нажав на кнопку селектора. Связавшись с дежурным, генерал дал поручение, чтобы ребят пропустили. Девочки, только, пожалуйста, недолго! Вам нужно еще уроки готовить, у вас экзамены на носу. – Генерал подошел, крепко пожал каждому руку и попрощался с ребятами.

Прошмыгнув по таинственным и запретным коридорам главного здания КГБ, ребята, как рой пчел в ярко-красочной расцветке военной формы, высыпались из огромной двери на серый асфальт Лубянской площади. Они были действительно счастливы, что все так хорошо получилось. Вчерашние деревенские мальчишки и уже вчерашние солдаты от всей души благодарили девочек, которые в нужную минуту пришли им на помощь, не смотря на то, что папа одной из них был высокопоставленным военным начальником. Время летело стрелой, и уже через несколько минут, как и договаривались, братья Дымовы – старший и младший, встретились, заключив друг друга в крепких объятиях. Весеннее солнце заливало своим ярким светом лица проходящих мимо москвичей и гостей столицы. Еще несколько минут радостный смех раздавался по каменной площади, перекликаясь с сигналами машин и перезвонами московских трамваев.

Конечно же, ребята тогда совсем не знали, и не могли знать, что же с ними будет дальше. Какие сюрпризы приготовила им судьба. А сегодня здесь они были счастливы, с честью выйдя из сложившейся ситуации. Но как бы весело и счастливо не складывалось время, оно неминуемо летело пущенной стрелой. И ничего не оставалось делать, как попрощаться со своими симпатичными спасателями. Каждый из ребят по очереди подошли к девочкам и пожали им худенькие руки, в знак благодарности. Димка тоже подошел и от всей души поблагодарил девочек. Дочка генерала опустила глаза. Ей, конечно же, не хотелось, чтобы Димка уезжал. Что-

то глубоко в груди тихонечко покалывало ее девичье сердце, и она как-то с грустью передала Димке записку.

– Дима, это тебе, мой адрес и телефон. Вдруг ты будешь проездом в Москве или что-то случится, я всегда буду рада встретиться. Пиши и звони, не стесняйся. Что бы не случилось, сколько бы не прошло лет. Я буду ждать!

Она не вытерпела и поцеловала Димку в щеку.

– Все, прощай, Дима! Прощайте ребята! До свидания, всем удачи! – с этими словами девочки вернулись в здание КГБ, а ребята проводив их взглядом, немного постояли и скрылись за углом того же здания.

– Давай поедem в гостиницу! Устал я что-то сегодня, отдохнуть бы надо. – Расслабив туго завязанный галстук, отдал распоряжение водителю служебной машины Петухов.

– Слушаюсь, Андрей Иванович! В гостиницу, так в гостиницу. – Отложив в сторону аккуратно свернутую газету, встрепенулcя водитель «Волги». Привычным поворотом серебристого ключа он запустил двигатель автомобиля и плавно тронулся на выезд из служебного двора ЦК КПСС.

Всю дорогу до гостиницы Петухов размышлял над поставленной задачей Центрального Комитета Партии. Но как-то свои личные мысли постоянно впутывались в главные государственные установки. Он пытался выстроить свои будущие действия по выполнению главной задачи. А главная задача – это выполнение поставленной задачи Центрального Комитета по оказанию беспрепятственного прохода Советских Войск в дружественную нам Монголию по территории Алтайского края. Но и других задач нам никто не отменял. На носу посевная. А это не менее главная задача для нашего государства. Да и выполнение Государственного плана, принятого на Съезде, тоже никто не отменял.

Петухов почувствовал, что ему не хватает воздуха. Он совсем развязал галстук, снял шляпу и приоткрыл окно автомобиля.

– Эх, коньячку бы сейчас! – почему-то подумал Петухов. Он знал, что сердечко последнее время пошаливало, но почему-то так захотелось выпить сто грамм хорошего коньяка, что он почувствовал его вкус во рту, и от этого чувства у него под языком пошла слюна. – А что, у нас коньячок найдется в машине? – Петухов, не раздумывая, спросил у водителя.

– Да как же, Андрей Иванович! – не оборачиваясь, с восторгом ответил водитель. — И коньячок пятизвездный и шоколад Кремлевский, все есть! У нас завсегда все имеется, на всякий случай. – Похвастался водитель.

– Вот и хорошо! – обрадовался Петухов. – А ну, давай, притормози где-нибудь. Что-то мне не ладно. – Попросил водителя Петухов, расстегивая ворот рубашки.

Водитель быстро нашел удобное место и остановил автомобиль. Через мгновение на заднем сидении, прямо на портфеле Петухова, был накрыт шикарный стол с бутербродами из ароматной колбасы и сыра, домашнего сала, баночкой шпротов и кремлевского шоколада. Запах ароматного коньяка, налитый в складной стаканчик, смешался с остальными запахами продуктов, разложенных на портфеле. У Петухова от такого аромата сдавило желудок. Готовясь к важной встрече, он со вчерашнего дня не мог себе позволить даже думать о пище. Всю ночь и все утро он готовился к чему-то ужасному, а возможно и снятию с должности. Мало ли кто и чего мог донести на него в Центральный Комитет.

Петухов быстро опрокинул в рот налитый коньяк и медленно выдохнул.

– Какая прелесть! – вырвалось у него. – А ну, давай еще, грамм сто! – взбодрился Петухов.

Водитель быстро открутил металлическую пробку с бутылки и налил в складной стакан под самый верх. Петухов незамедлительно выпил налитый коньяк и медленно выдохнул в сжатый кулак. Поставив на сиденье стакан, он отломил кусочек от плитки шоколада и положил в рот.

– Хороший коньячок! Спасибо, уважил. – Медленно пережевывая, поблагодарил водителя Петухов.

– Вот и хорошо, вот и замечательно. Кушайте на здоровье, Андрей Иванович. Иногда требуется, во благо здоровья. Не уж-то мы не понимаем, как бывает тяжело. А коньячок, он всегда здоровье поправит. – Добротнo отозвался водитель «Волги».

– Бр-р-р! – встрепенулся Петухов. Мелкая дрожь пробежала по всему его телу. Он почувствовал, как приятно зажгло где-то в желудке, и тепло начало разливаться по всему организму, проникая во все уголки тела.

– Мы еще повоюем! – откидывая голову на спинку заднего сиденья, полностью расслабившись, подумал Петухов. Двойная доза выпитого коньяка, под двести граммов, начала делать свое дело. Веки Петухова налились тяжестью и начали закрывать уставшие не выспавшиеся глаза. Он хотел было что-то сказать, но вырвалось какое-то бормотание, и его подбородок отвис, обнажив нижние зубы. Еще мгновение и он провалился куда-то глубоко в неведомое пространство искушающего сна. Он даже не почувствовал, как водитель незаметно и аккуратно убрал наспех приготовленный на его портфеле импровизированный стол для закуски, и подложил ему под запрокинутую голову свернутый втрое теплый шарф. Коньяк хорошего качества, как дрессировщик, разгонял кровь по всему телу Петухова, тем самым снимая усталость и напряжение, державшее целые сутки то самое немолодое тело в состоянии булатной стали. И теперь эта самая упругая сталь приятно таяла, как весенний лед, и превращалась в легкий тополиный пух. Он полностью погрузился в короткий, но глубокий сон. И даже когда автомобиль тронулся с места, он не почувствовал этого и не проснулся. Обрывки ярко-красочных снов заставляли его вздрагивать и напрягаться, но каждое последующее мгновение погружало его все глубже и глубже в пленяющую пустоту.

Автомобиль неторопливо проехал по проспектам и улицам Москвы и плавно остановился у парадного входа в гостиницу, чуть взвизгнув тормозами. Петухов открыл глаза и, не сразу придя в себя, взволнованно вскрикнул:

– Где я?

– Да не волнуйтесь, Андрей Иванович. Приехали в гостиницу, как говорили. – Виновато отозвался водитель.

– Ты, смотри, как меня взял твой коньяк! – Петухов встрепенулся, утер ладонями лицо, одел шляпу и вышел из машины. Немного постояв, потянулся, незаметно зевнул и, поблагодарив водителя, взяв свой портфель с приготовленными отчетами для первого секретаря, которые совершенно не понадобились, отправился в гостиницу.

Вечер торопливо надвигался на город. Яркое солнце трусливо скрылось где-то за крышами столичных домов. Несмотря на то, что целый день была превосходная теплая погода, с наступлением вечерних сумерек холод от непрогретой земли давал о себе знать. Центральные улицы и проспекты давно сняли с себя ледяное снежное покрывало, но в уголках тенистых дворов кое-где еще виднелись уродливые, покрытые городской пылью, пузатые сугробы. Растаявший под солнечным теплом старый снег, стекая по грязному асфальту тонкими ручейками в большие лужи, уже вновь успел подмерзнуть и хрустел под ногами как хрусталь. Торопливые прохожие, спеша, незаметно для себя, подошвами обуви звонко ломали вечерний ледяной хрусталь, застывшей талой воды на тротуарах, создавая громкий хрустящий звук. Зима все еще не хотела уступать свой трон Весне, и по ночам температура опускалась ниже нуля. С каждым днем она сдавала свои позиции, огрызаясь ночным холодом и внезапным промозглым ветром. Но как бы Зима не сопротивлялась, все равно день становился на несколько минут длиннее, и солнце пригревало все ярче и теплее. Окна столичных многоэтажек наперебой зажигались желтыми фонариками летящих мотыльков. Люди возвращались с работы, раскладывая свою усталость по комнатам и спальням, готовясь к новым трудовым подвигам завтрашнего дня.

Петухов немного постоял у входа в гостиницу, выдыхая перегаром свежего выпитого коньяка на весенний подмерзающий вечер, подумав о том, что надо было забрать у водителя недопитую бутылку, но сообразив, что в гостинице есть ресторан, вошел в помещение. Взяв ключ от своего номера и, поинтересовавшись у администратора работает ли ресторан, и можно ли сделать заказ в номер, Петухов устало побрел по коридору в свой номер. Ему не хотелось сегодня с кем-то встречаться и разговаривать. Хотелось еще выпить сто грамм коньяка и лечь отдохнуть. Ему хотелось расслабиться и отдохнуть именно так, невзирая на свое положение и должность. Да, именно так, чтобы никого из знакомых и никаких разговоров о работе. Чтобы не слушать никакого подхалимства и не быть ласковой змеей самому, а также не выслушивать разную бредятину от вышестоящего начальства. Ему давно уже осточертели пышные застолья, многословные тосты в угоду приезжих начальников и разных комиссий из центра. Сегодня Петухов даже сменил по приезду гостиницу из привилегированных на обычную, расположенную в тихом месте столицы. Он понимал, что срочный вызов в ЦК Партии предусматривает что-то очень серьезное. А в основном это снятие с высокого поста за любые нарушения, даже если ты их не совершал. Так было угодно наверху. Уже сидя в своем гостиничном номере, наливая в граненый стакан третью дозу коньяка, принесенного из ресторана в графинчике, он отпустил свои мысли на свободу, далеко за пределы рабочей обстановки. Эти самые мысли разлетелись веселыми мотыльками и плавно, подобно первым мягким осенним снежинкам, опустились на его малую Родину, где он жил когда-то, очень давно. Медленно, глоток за глотком, выпивая налитый коньяк, уже совершенно не так, как он это делал совсем недавно, когда сел в служебную машину, Петухов все глубже погружался в далекую юность, периодически закуривая крепкую папиросу. Дым тяжелыми фиолетово-белыми пластами заполонил всю комнату, свисая с потолка до самой горловины графина, в котором был налит коньяк. И чем глубже он погружался в свою память, тем больше проступала тупая боль в груди, которая пыталась вытолкнуть из этой памяти самые несправедливые и обидные для него мысли, которые ржавым гвоздем засели в его жизни. В действительности, Петухов очень боялся одиночества. Но иногда наступал такой момент, когда нужно было остаться наедине с собой, и лицом к лицу встретиться со своим прошлым, как бы страшно ему не было. Это самое прошлое, как тяжелый каменный груз, тянуло его на признание и покаяние, прежде всего перед самим собой. Петухов всю жизнь ненавидел себя за трусость и предательство, за ненависть и лизоблюдство. А самое главное – его внутри сжирала страшная зависть к честным людям. Меняя очередную папиросу, чиркнув спичкой, он полупшепотом произнес фразу из чьих-то стихов:

Дымящий друг мой быстро гаснет,
Его меняет вновь другой.
Я вновь меняю сигарету.
Дымящей спички гаснет свет.
И можно тихо, по секрету
Сказать, что счастья в жизни нет!

Выпустив очередную порцию едкого дыма и сделав глоток коньяка, Петухов все же попытался вспомнить автора прочтенных строк, но побродив по закоулкам своих мысленных кулуаров и не найдя там ничего подходящего, вновь затянулся очередной затяжкой горького дыма. Почувствовав неприятную боль в груди, он затушил в пепельнице недокуренную папиросу, встал и приоткрыл форточку.

– Да, старею! – сказал вслух Петухов. – Надо по приезду обратиться к врачу, а то совсем что-то мотор начал барахлить. Пора бросать это занятие. Ни к чему хорошему это не приведет. – Настраивал себя Андрей Иванович.

Постояв немного перед окном, оглядывая из своего гостиничного номера окрестности вечерней Москвы, Петухов проветрил комнату и лег спать. Он надеялся, что выпитый алкоголь быстро унесет его от рабочих проблем, навалившихся огромной дождевой тучей за последнее время. Но внутренний мир иногда складывается совершенно по-другому, никак ни в пользу своего хозяина. Действительно, короткий сон не заставил себя долго ждать. Он сразу растерзал хозяина гостиничной кровати. Петухов только прилег на подушку, моментально провалился в какой-то сумасшедший сон. Пробираясь сквозь адские страсти, он с жалобным криком проснулся и, вскочив, сел на кровать, схватил подушку и прижал ее к груди.

– Чёрт знает что! Приснится же такое. – Вслух пробормотал Петухов, оглядывая темную комнату. – Да что же это такое, вроде бы уже полвека прожил, а пугаюсь все еще как в детстве. – Начал мысленно ругать себя он.

Оглядывая испуганным взглядом комнату, Петухов пытался зацепиться хоть за что-то, что помогло бы ему снять внутренний стресс, но кроме мягкого серебристого лунного света на противоположной стене он ничего не увидел.

Какой-то дурацкий испуг волновал его, вбивая в голову какую-то чушь. Петухов, как в детстве, выставил вперед две фиги, быстро вскочил и щелкнул выключатель.

Яркий свет электрических лампочек, находящихся в красивой люстре на потолке, булатным лезвием резанул по его глазам. Петухов зажмурился и, не убирая фиги на руках, громко рассмеялся. Протерев глаза и проморгавшись от яркого света, он наконец-то включил свет в туалетной комнате, дверь которой оставил открытой. Выключив основной свет, он вновь лег в кровать, но уснуть он больше так и не смог до самого утра. Лишь под самое утро его организм устал сопротивляться бесполезным мыслям, и погрузил его в мягкий здоровый сон. Всю ночь предстоящая сложная работа не давала покоя Петухову. Мысли перехлестывались, как горные весенние ручьи, бегущие вниз по склону. Он пытался выстроить какой-то план действий, но на следующем этапе все срывалось и он, перевернувшись на другой бок, начинал все сначала. И только одна мысль успокаивала его в этих предрассудках, это то, что у него завтра был целый день выходной. Только поздним вечером он должен был лететь в Барнаул. А значит, он может выспаться до обеда и сделать все свои личные дела. В конечном итоге, плюнув на все, Петухов в очередной раз отвернулся к стенке, когда уже посветлело в комнате, и заснул, думая о том, какие подарки он привезет из Москвы.

Внутренний часовой механизм, натренированный за долгие годы, в очередной раз с отличием справился со своей задачей. Ровно в семь часов Петухов открыл глаза и сразу пришел в сознание. Не раздумывая, он сел на кровать, потянулся и зевнул. Быстро встал и распахнул окно. Свежий морозный воздух ураганом ворвался в теплую просторную комнату, растопырив шторы в разные стороны, надув их как парашюты. Где-то из-за высотных зданий, пронзая своими красными лучами дворковые территории, выглядывало огромное весеннее солнце. По привычке посетив туалет, он хотел сделать короткую зарядку, но, почувствовав непонятную слабость и тяжесть в голове, решил сделать себе выходной. Понимая, что вчерашний коньяк был для сегодняшнего дня совсем некстати, Петухов принял душ и на два раза почистил зубы. Сделав растирание холодным полотенцем всего тела, он быстро составил план на целый день и через пятнадцать минут уже приступил к его реализации. Вызвав по телефону служебную машину, он позвонил в Крайком, сделал все распоряжения, потом позвонил домой, сообщил, что все в полном порядке и, вдохнув весеннего настроения, растворился в Столице до самого вечера, выполняя поставленный план одного дня, который он задумал уже очень давно. Исколесив большую часть территории Москвы, выполнив весь список действий личного характера, уже поздно вечером Петухов прибыл в аэропорт.

Очередное утро чуть забрезжило яркой розовой полоской вдоль горизонта восточного небосклона. В центре села, на автобусной остановке под фонарем, собрались доярки, ожидая служебную машину. Деревенские петухи громко перекрикивались через все село, как бы сорев-

нуясь между собой, кто громче и ярче донесет до всех спящих, что утро уже пришло и пора приниматься за работу. Женщины, собравшиеся к своим буренкам на остановке, также громко как сельские петухи, обсуждали вчерашние новости, произошедшие в селе, да и не только в селе, а даже далеко за его пределами.

Миронова осторожно подошла к своим коллегам по работе, прислушиваясь к первым утренним новостям. Поздоровавшись и перекинувшись парой фраз с работницами фермы, она поняла, что никто и ничего не знает про ее вчерашний вечер, когда она встретила случайно с новым управляющим фермой Петриковым. Тяжкий камень возможного обсуждения и позора упал с ее плеч и облегчил ее сердцебиение на некоторое время. Только соседка тетя Маша, как-то с иронией спросила, о том, разыскала ли Настя вчера потерянную корову.

Автомобиль Газ-53 с деревянной будкой в кузове, оббитой оцинкованной жстью, лихо подкатил к остановке, остановившись на развороте, запыхав собравшихся женщин.

– Ах, ты, Холера!!! – Все как одна закричали женщины. Так они называли своего шофера, получившего еще с малого детства такое прозвище, за то, что он с малолетства передразнивал своего старого деда, который давно уже ругался такой поговоркой «Холера тебе в рот», если вдруг у него что-то не заладится. А самого шофера звали Славка Жданов. Он уже несколько лет назад отслужил в Армии, но все ни как не мог уюмониться и привыкнуть к гражданской жизни. Он так привык к солдатской форме, что армейский китель и ремень носил уже несколько лет на гражданке. Нет, не от того, что ему нечего было надеть, а просто он задержался в дембелях и все пытался вскружить местным девчонкам голову, давая понять, что он первый парень на деревне.

Женщины, ругаясь, по очереди, по ступенькам железной лестнице, переваливались через борт грузовика, как неуклюжие неваляшки. Славка Жданов всегда держал пассажирское место свободным, для того, чтобы посадить в кабину какую-нибудь молоденькую практикантку. И в очередной раз запудрить ей голову, пригласив ее сельский клуб на танцы в субботу или в кино на вечерний сеанс. Но так, как это происходило уже несколько лет, и он не предложил свою руку и сердце ни одной из приглашенных, весть об этом давно облетела все окрестности и к нему относились совершенно несерьезно. Одним словом «холера» и только. Даже пожилые доярки не хотели ехать с ним в одной кабине, а пилились в кузов по неудобной железной лестнице, громко покрывая всю Советскую власть историческим фольклором, дошедшим до нашего времени от татаро-монгольского ига. Раньше-то это было проще, сел на телегу и пой песни, пока лошадь тебя везет. А теперь нужно корячиться на чертову машину в кузов, а потом обратно. И так три раза в день. Хорошо когда подадут автобус КАВЗ, тогда действительно благодать. Едешь себе как принцесса, даже работать не очень хочется, когда такой комфорт. Да вот беда, бывает часто этот автобус стоит на ремонте, а то его директор еще куда отправит по срочным делам в город. Вот так иногда и приходится женщинам прыгать по кузовам грузовиков.

Славка Холера, заметил красавицу практикантку Светку Неверову и, выскочив из машины, открыл перед ней пассажирскую дверь.

– Милости просим. Место специально для принцесс и комсомольских работников. – Растянулся в кривокубой улыбке, красномордый Холера.

– Какие принцессы! А ну Светка, давай быстро в кузов! – Громко, как паровоз закричала бригадир Антонина.

– Ну, Антонина Ивановна! – Сконфузилась Светка. – Ну, можно я в кабине поеду? – Совсем по-детски заскулила Светка.

– Никаких можно. Нос еще не дорос, и сопли по колено. Быстро в кузов! – Проревела Антонина. – А в кабине, вон Андрей Иванович поедет. Это его место! – Антонина кивнула на подходящего управляющего. – А ну Холера, освободи место, для управляющего, да поехали. Хватит уже лясы точить, буренки уже заждались. – Скомандовала Антонина.

– Здравсьте, Андрей Иванович! – Женщины дружно поздоровались с новым управляющим фермы номер четыре, из кузова грузовика.

– Здравствуйте, товарищи женщины! – По военному поздоровался, подошедший к машине Петриков.

– Садитесь в кабину, Виктор Андреевич! – Громким голосом протрубила Антонина.

– Да ну, что Вы! В кабине место для принцесс, а мы можем и в кузове вместе со всеми! – Петриков одним махом перепрыгнул через борт «Газика» и сразу присел на скамейку среди женщин.

Славка Холера, недолго думая, взял за руку Светку и посадил ее в кабину, захлопнув за ней дверь, быстро заскочил за руль и, включив стартер, запустил двигатель. Сделав три гудка автомобильным сигналом, убедившись, что все в порядке, он тронулся в сторону животноводческого комплекса.

Петриков, оказавшись среди женщин, еще раз громко поздоровался со всеми, подбадривая всех хорошим настроением.

– Ой, здрасте, Виктор Андреевич! – Еле слышно поздоровалась Миронова, оказавшись на одной скамейке, рядом с Петриковым. Она совершенно не была готова вот так неожиданно встретится еще раз, лицом к лицу с Петриковым. Она представляла себе это совершенно по-другому. Это должно было произойти там, на работе, когда он будет обходить рабочие стойла коров или еще как-то, но только не так как сейчас. А сейчас он сидит на одной скамейке рядом с ней и разговаривает со всеми, как ни в чем не бывало. Насте показалось, что вся ее совесть, вылезла целиком из самых заковыристых мест ее организма и уселась на всем ее лице, свесив свои ножки, перекрашивая его в красный цвет Советского кумача.

Петриков повернул голову вправо и увидел рядом с собой Настино лицо. И, как ни в чем ни бывало, поздоровался с ней персонально:

– Здравствуйте, товарищ Миронова! – Петриков улыбнулся во весь рот, оголив весь ряд белоснежных зубов, ярко заблестевших в свете ночного фонаря над остановкой.

Настя еще более съежилась и втянулась в старенькое пальто, надвинув платок на самое лицо. Ей казалось, что все вот сейчас увидят ее покрасневшее лицо и как один спросят ее о том, что произошло с ней вчера поздно вечером.

– А, что товарищи женщины, вы не возражаете, если я закурю, пока едем до фермы? – Не дожидаясь ответа, Петриков вытащил из кармана пиджака пачку сигарет «Прима». Чиркнув спичкой, он смачно прикурил сигарету, выпустив густой клуб белого дыма, который окутал своим запахом всех сидящих в кузове.

– Ну вот, хоть один нормальный мужик у нас будет в начальниках. Правда бабоньки! – Отмахиваясь от едкого дыма, протрубила Антонина.

– А то, все какие-то слабенькие попадают, все норовят в кабину попасть, да с комфортом жить. А Виктор Андреевич с нами в кузове. Знать хороший человек, если за нас, за женщин переживает, а бабоньки? – Продолжала Антонина агитировать доярок. Женщины загудели, как рой рабочих пчел в улье перед рабочим днем медосбора. Смех и громкие разговоры, звонко перекликались с натяжным ревом мотора автомашины, с ветерком везущую доярок на ферму к утренней дойке. Всю дорогу Петриков что-то громко рассказывал, а женщины громко смеялись под его рассказы. Только Миронова чувствовала себя совершенно не в своей тарелке. Она с нетерпением ждала, когда же они приедут на ферму. Несколько километров пути, показались ей вечностью. И когда машина подъехала к ферме, Миронова первая выпрыгнула из кузова автомобиля. И не дожидаясь никого, скрылась за дверью животноводческого комплекса. Все утро, пока проходила утренняя дойка коров, Настя боялась поднять голову, чтобы не дай бог, кто-то чего не заподозрил. Даже после окончания работы, она отказалась, ехать вместе со всеми ссылаясь, на то, что ей нужно доделать некоторые дела, а когда она все уладит, сама пешком прогуляется до дому. Она почему-то подумала, что управляющий тоже уедет вместе со всеми.

Но Виктор Андреевич, тоже задержался на работе, так, как он приступил к своим обязанностям пару дней назад, нужно было многое освоить и понять некоторые вещи. Да и с бумагами надо было еще разобраться, не говоря уж о технических проблемах, а потом нужно было еще и с рабочим классом поближе познакомиться.

Петриков с головой погрузился в бумажные отчеты, задымив весь кабинет, периодически закуривая новую сигарету. Бригадир Антонина Ивановна, по привычке после окончания утренней дойки, зашла к управляющему в кабинет и доложила, о хороших надоях и выполнении утреннего плана. Петриков, не отрываясь от прошлых отчетов, заметно кивнул ей, затягиваясь очередной порцией густого дыма.

– Спасибо Антонина Ивановна! Я сейчас вот тут сравниваю показатели по надою и выполнению плана сдачи молока и мяса прошлых месяцев, да вот вижу, что план то у нас не выполняется. Как думаешь, Антонина Ивановна, в чем причина? – Петриков отложил бумаги в сторону и пристально посмотрел на бригадира.

– А что тут удивительного! – Поставив руки в бока, начала Антонина.

– Вы посмотрите, чем скотники скотину кормят. Сколько они комбикорму и силосной массы выделяют на одну буренку? А ведь это не секрет, что свою скотину они кормят за счет Государства. И все им сходит с рук. И я не побоюсь этого говорить. И уже неоднократно говорила до Вас, тем прошлым управляющим, кто был до Вас. И главному инженеру на собрании говорила, что так, план не будет выполняться. Вы вон сами посмотрите, у коров ребра торчат наружу! – Залпом выпалила Антонина.

– Я как бригадир, обязана и Вам об этом сказать. А Вы уж там смотрите и разбирайтесь, отчего и почему. Вы начальство, Вам виднее. А мы свое дело сделали и поедем по домам. Вон, бабоньки уже ждут в кузове. Опять автобус на ремонте, а мы как курочки на седлах в кузове на сквозняке. Стыд и позор! – Разгорячилась Антонина Ивановна, махая рукой в сторону стоящего автомобиля.

– Я Вам вот, что скажу Виктор Андреевич! – Антонина подошла поближе, шаркая грязными калошами по чистому свежeweыкрашенному полу кабинета.

– Чтобы мы выполняли план, нужно брать с низов. А это значит, нужно понять, что хочет рабочий на ферме. Почему они не докладывают кормов и куда теряются остатки. Одним участковым здесь порядок не наведешь. Здесь по-другому нужно. А как, это уж тебе решать, товарищ управляющий. – Антонина договорила последнюю фразу и, не дав опомниться Петрикову, вышла из кабинета, шаркая грязными калошами.

Петриков, сначала встал из-за стола, но постояв мгновение, медленно опустился на рабочий стул.

– Да-а! – Протяжно выдохнул он. – Видно здесь народ своеобразный. Какой-то кулацкий что ли. – Пробурчал вслух Петриков, почесывая затылок. – Значит надо, как-то по-другому с ними. Надо будет подумать. – Петриков с силой бросил карандаш на отчеты, лежавшие на столе, и вышел из кабинета, чтобы еще раз осмотреть рабочие стоила животноводческого комплекса. Резко распахнув входную дверь своего кабинета, он сбил с ног проходящую мимо по коридору в раздевалку Настю Миронову.

От неожиданно распахнувшейся двери кабинета управляющего, проходящая мимо Миронова, не успела даже ойкнуть, как оказалась на холодном полу, потеряв сознание от страха. Звезды, яркой вспышкой рассыпались в ее голове, скорее не от удара тяжелой дверью, а от неожиданности.

Петриков, выходя из кабинета на эмоциях, после разговора с бригадиром, совершенно не ожидал такого поворота событий. Он быстро наклонился к упавшей доярке и узнал в ее лице вчерашнюю Настю Миронову. Он совершенно не хотел этой встречи, но судьба сама распорядилась так, что он и она оказались заложниками своей рабочей обстановки и скорее всего, каких-то мистических выкрутасов.

Миронова лежала без движения, закрыв глаза. Петриков потрепал ее за плечи, встав на колени в коридоре. Настя была совершенно без сознания. Понимая, что ни кто, кроме него не поможет в данной ситуации, Петриков сгреб в охапку Мионову и занес ее в свой рабочий кабинет. Чтобы ни кто и ни чего не увидел, он прикрыл дверь с внутренней стороны, положив Мионову на диван в углу кабинета. Петриков снял белую косынку с головы Мироновой и приставил свою руку к ее шее. Ему показалось, что пульса совсем нет. Чувствуя сложную и страшную ситуацию, он начал стучать ей своими ладонями по ее щекам.

Настя лежала совсем без дыхания. Рыжие густые волосы, разметались по всему дивану. Наверное, впервые в своей жизни Петриков немного растерялся. Как только трудно ему не приходилось в жизни, но он всегда молниеносно находил правильное решение. А здесь такая сложная ситуация. Да еще и женщина, которую он больше не хотел встречать так близко. Он вчера все уже решил для себя. Если вдруг придется с ней разговаривать, он обязательно скажет ей, что это произошло совершенно случайно и попросит прощение. И ничего более. И ни каких отношений не может быть. Слава богу, никто ничего не увидел и не заметил. А вот сейчас, у него произошел какой-то сбой, и он потерял управление и координацию. Сбрав все силы, он быстро вспомнил, как учили в армии, при оказании первой помощи пострадавшим. И расстегнув белый халат и кофточку Мироновой, он положил ее на спину и начал делать искусственное дыхание, поочередно нажимая своими сильными руками на ее грудную клетку и, наклоняясь, вдвух ей воздух, касаясь губами ее пухлых губ, как говорится рот в рот. Сделав несколько упражнений, Петриков замечил, что Настя выгнулась дугой и тяжело вдохнула в себя огромное количество воздуха. Придя в сознание и открыв глаза, она увидела над собой разгоряченного Петрикова, который продолжал сдавливать ей грудь. Еще не придя в полное сознание, Мироновой показалось, что она прибывает еще в том сладком состоянии, которое началось еще тогда вечером на улице и которое продолжается до настоящего времени. Она обхватила голову Петрикову двумя руками и сама принялась его жадно целовать в губы. Петриков почувствовал жар ее неровного дыхания. Запах силоса и парного молока, от свежей утренней дойки и еще какого-то непонятного, но очень привлекательного аромата, исходившего от самого тела Мироновой, а главное необузданное и непроизвольное желание, вскипевшей крови, в миг наполнившей детородный орган зрелого самца, отключили его строптивое сознание и он действиями своих рук и поцелуев, полностью отдался природному инстинкту.

Одно мгновение и незатейливые одежды оказались на полу кабинета. В дневном свете, уже не молодые тела сплелись на служебном диване, как две змеи в весеннем брачном танце. Руки Петрикова попеременно впивались своими пальцами в густые рыжие волосы Мироновой, то с силой пытались размять, как мнут тесто, когда его готовят на пельмени, большие и упругие груди Мироновой. Настя лежала, как лягушка, на кожаном диване, перевернутая на спину, разбросав свои ноги в стороны. Она уже не могла ни сопротивляться, ни способствовать жизненному ритуалу. Она находилась в стадии приближения восходящей звезды, на олимп главных событий бушующей страсти двух случайных организмов.

Петриков бушевал, как разнузданный жеребец, почувствовав запах настоящего секрета женщины, которая была полностью готова принять в себя, самое главное существующее в природе, что было предназначено именно для нее. И вот, небольшое усилие и Настя непроизвольно выдохнула ту порцию воздуха, с нежным и ласковым звуком, несущим полное удовлетворение женщине, которую еще несколько мгновений назад, при оказании ей первой помощи, рот в рот, закачивал Петриков.

Ей показалось, что Виктор Андреевич, вошел в нее весь и без остатка, через свой, огромный и пламенный мужской орган. От этого она еще больше застонала, вызывая тем самым тройную богатырскую силу ее партнера. Они слились, как единый организм, пульсируя в такт своим сумасшедшим желаниям. Ни что не могло остановить природную машину любви и страсти. Выдыхая, как поровая машина, Петриков совершенно не понимал, откуда в нем берется

столько жизненной энергии направленной к этой женщине, которая совсем не симпатизировала ему. Но с каждым движением своего тела, его силы удваивались, и мощный огонь разрывал его изнутри, пытаясь найти хоть мизерную лазейку, чтобы вырваться из крепкого плена. Настя чувствовала, каждое его движение, каждую его сильную стальную мышцу взрослого тела. Она пыталась всем организмом вогнать его в себя, чувствуя, как его огонь быстро перетекает в ее взрывающееся лоно, помогая изо всех сил, двигаться ему на встречу. Еще одно мгновение и она крепко сжала свои сильные пальцы на его спине, глубоко впиваясь, коротко подстриженными ногтями во влажную от пота кожу. Она непроизвольно вытянула ноги, крепко сжав его твердый член. Бешенная волна клокочущей лавы, девятым валом пронеслась по всему телу, унося потоки страсти в самые кончики пальцев на вытянутых ног. Петриков почувствовал сильное напряжение, судорожно сжавшихся Настиных мышц, принялся с диким храпом, как мустанг, ускорять свои движения, достигая поставленной цели своих таинственных желаний. Еще несколько движений, не чувствуя на спине вонзившихся в кожу Настиных пальцев, он захрипел, собрав все запасы мужского наследия, он выплеснул их невероятным напором густой вулканической лавой в таинственную глубину женского организма. Не стесняясь дикого стога, Петриков рухнул на пылающую жаром, грудь Анастасии.

Громкое чавканье мокрых от пота тел, разлетелось по кабинету и утонуло в звуках хлопнувшей двери. На пороге кабинета стоял с искаженным лицом, в фуфайке и грязных сапогах, местный скотник Прокопыч.

Совершенно не ожидая такой картины в кабинете управляющего, от увиденного у Прокопыча сконфузилось лицо. Коленки его немного затряслись и согнулись, заставляя его медленно приседать. Он хотел что-то сказать, но отвисшая нижняя челюсть, застряла в нижней мертвой точке и ни как не могла выполнять команды хозяина.

Петриков и Миронова, пребывая в состоянии невесомости и полного умиротворения на пьедестале вечности и блаженства, даже не заметили внезапно вошедшего Прокопыча. Распаренные от бурных физических движений, они лежали уткнувшись друг другу в волосы, тяжело дыша в самые ушные раковины.

Через мгновение, скотник Прокопыч пришел в себя и два сухих его кашля в кулак, заставили души умиротворенных вернуться в свои тела.

Миронова с визгом вскочила, сбросив с себя Петрикова и схватив попавший под руку рабочий халат, прикрывшись им, быстро спряталась за шкаф.

Сваленный на пол Петриков, не сразу сообразив, что произошло, еще находясь на самом пике мужской эйфории, попытался встать, но ноги его подкашивались. Ослабев от перенапряжения мощного мужского порыва, вставая, он свалился на пол. И упершись двумя руками в пол, пытаясь собрать все силы, он стоял на четвереньках совершенно голый.

Ворвавшись в чужое пространство не по своей прихоти, а, наоборот, за помощью, Прокопыч, выдавший разные виды, за свою не малую жизнь, начал пятиться к двери. Не закрывая рта, он уперся в захлопнутую дверь кабинета и начал буксовать по ней, царапая грязными руками. Осознавая, что он появился здесь, совершенно не вовремя, Прокопыч начал мычать, как бык, нечленораздельно выдавливая из себя слова.

– Я конечно извиняюсь Виктор Андреевич! Но там... – Прокопыч, показал рукой на выход, сжимая грязную рабочую рукавицу.

– Там, весь механизм – то встал! – Он взглянул на поднимающегося Петрикова, кивая на его неприкрытый стыд.

– Транспортная лента не работает. Как же мы скотину кормить-то будем с такими делами, а Виктор Андреевич? – Прокопыч вытянул руку с зажатой в ней грязной рукавицей вперед, как Владимир Ильич.

– Надо, что-то делать! А то ведь вон оно что! План то все одно сдавать надо. А без кормов-то оно как? – Он развел руками в стороны.

Петриков окончательно придя в себя, быстро надел брюки и пиджак на голое тело. Не одевая носки, сунул ноги босиком в кирзовые сапоги, метнулся к Прокопычу и прижал его к двери кабинета.

– Я не знаю, как там с транспортной лентой и кормами для скотины, но послушай сюда! – Петриков взял Прокопыча за грудки и вплотную подтянул его к своему подбородку.

– Во-первых! – Петриков с яростью выдохнул Прокопычу в лицо. – Во-первых, надо стучаться, когдаходишь к начальнику в кабинет! А во-вторых, там есть ремонтная бригада. А в-третьих, если ты, хоть слово вякнешь, что тут видел, я тебя собственными руками удавлю! Ты понял? – Петриков неистово заорал на весь кабинет.

Прокопыч, от такого внезапного натиска, вновь начал оседать у входной двери в кабинет.

– Да, что Вы Виктор Андреевич, как же можно! Я нем как рыба. Да я ж, ни когда и ни кому ни-ни! – Перешел на шепот Прокопыч, понимая, что разъяренный управляющий может двинуть ему между бровей.

– Я ж, чего талдычу-то! Там у нас полный аврал. Транспортная лента встала и верхняя и нижняя. Ни накормить скотину, ни убрать за ней! А к вечеру точно поплывем в навозе! Надо, что-то делать. Вот я к Вам сообщить! – С облегчением выдал из себя Прокопыч, стараясь не смотреть на стоящий в углу кабинета шкаф.

– Ну, хорошо! – Немного остепенился Петриков.

– Ты давай иди в цех, а я сейчас подойду и разберемся. Только, я тебя, как мужик мужика прошу, держи язык за зубами. Мне сейчас в начале пути сплетни ни к чему. Сейчас не время объясняться. Мы с тобой потом поговорим об этом. А пока, давай ступай и жди меня. – Петриков отпустил скотника, открыв входную дверь, отправил его в цех, где стояли буренки.

Заперев дверь на ключ с внутренней стороны, он быстро поспешил за шкаф. Там, за шкафом, присев на корточки, прикрывшись рабочим халатом, тихо плакала Миронова, уткнувшись лицом в свои конопатые, голые коленки. Петриков, попытался, что-то сказать ей, как-то успокоить, но Настя опередила его. Подняв залитое слезами беспомощное лицо, прижав кулаками к груди халат, она твердила:

– Как же теперь жить– то, Виктор Андреевич? Куда же мне теперь идти? – Настя вновь уткнулась лицом в голые коленки и зарыдала.

Петриков кинулся к столу. Налив из графина стакан воды, он подбежал к Мироновой и отхлебнув прыснул на нее, таким образом приводя ее в чувство. Он действительно не очень соображал и не знал, что ему нужно сейчас сделать, чтобы нормализовать ситуацию, хотя бы временно.

Настя вновь подняла зареванное лицо. И только в этот момент, Петриков увидел у нее на лбу огромную шишку. Виктор Андреевич сообразил, что данная шишка, ни что иное, как травма, полученная от удара распахнувшейся двери кабинета, когда он резко выходил в коридор. Конечно же, это был не самый оригинальный вариант, закрыть всем сплетникам рот, но все же лучше, чем ничего. Мысль настигла его в один момент. Петриков пока доставал йод и разные бинты из аптечки, подумал о том, что если кто чего скажет, то у него будет настоящее алиби или просто отговорка. Просто надо все быстро уладить, одеться и договориться с Мироновой и позвать медичку, которая находится, чуть дальше по коридору в мед профилактории.

Петриков попробовал, как мог успокоить Миронову, которая все ни как не могла прийти в себя. Вытерев ей слезы своими ладонями, ласково целуя в распухшие от слез губы, щеки и глаза, он приговаривал с каждым поцелуем:

– Ну, что ты милая, все будет хорошо! Никто и ни о чем не узнает. Главное нужно сейчас успокоиться и все будет хорошо. Вот давай сейчас помажем рану йодом и приложим, что-нибудь холодное, чтобы не было большого синяка. Только нужно сначала одеться.

Петриков быстро собрал Настину одежду и положил возле нее.

Миронова постепенно пришла в себя и немного успокоившись, выполнила просьбу Виктора Андреевича. Он налил из графина еще один стакан воды и подал его Мироновой. Пока Настя пила воду и успокаивалась, Петриков попытался, как мог объяснить ей свой план по дальнейшему действию.

Настя немного пришла в себя и успокоилась. Поспешно одевшись в свои вещи, она присела на диван, приложив стакан с холодной водой к разбитому лбу.

Пока Миронова принесла такую театральную позу, Петриков быстро сбегал за медсестрой в профилакторий и объяснил ей суть да дело произошедшего, а сам быстро пошел разбираться с поломками транспортной ленты в цеху, где стояли коровы. Конечно, нужно было срочно выполнять свои служебные обязанности, но у Петрикова в голове стоял главный вопрос, расскажет или нет Прокопыч о том, что он увидел в кабинете управляющего. Его сейчас это волновало более всего. Ведь сразу все может рухнуть, все планы и надежды, если сплетни пойдут по деревне. Это неминуемый развод с женой, которой он обещал все, что только мог, уезжая из Владивостока. И не только ей, а главное ее отцу, который поверил Петрикову и просил за него очень уважаемых людей. Да еще и сыновья, они уже подросли и многое понимают. А сыновей своих Петриков любил больше жизни и видел и чувствовал в них свою кровь и продолжение жизни. Да вот еще одна беда, он как мужчина, совершенно не хотел подставлять, ни в чем не повинную женщину. Если бы тогда вечером, он не дал волю своим рукам и телу, ведь ни чего и не было бы сейчас. И не надо было так нервничать, что-то придумывать и переживать. А так и она пострадает. И что дальше с ней будет, совершенно не известно. А ведь и у нее есть семья и двое таких же сыновей, как и у него самого. И поэтому, чувствуя за собой огромную вину за случившееся, Петриков был готов пойти если не на все, то на очень многое, чтобы всего этого не случилось.

Почти бегом забегая в цех, где ровными рядами в своих станках стояли, только что отдавшие молоко государству добрые буренки и ждали, широко раскрыв доверчивые глаза, взамен за свою сдачу, хороших кормов с обязательной добавкой витаминов. Но, ни чего этого им не поступало, по причине какой-то поломки в общей механизации обновленных конструкций животноводческого комплекса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.